

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**АРМИЯ, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Брусиловского прорыва.
Курск, 17 июня 2016 г.**

**Курск
2016**

УДК 94/99

ББК

А

Армия, общество, человек в Первой мировой войне: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Брусиловского прорыва. Курск, 17 июня 2016 г. / под ред. В.Л. Богданова. – Курск, 2016. – 140 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. ред.) – начальник архивного управления Курской области, Карманова Л.Б. (зам. гл. ред.) – заместитель начальника архивного управления Курской области, Елагина Н.А. – директор ОКУ «Госархив Курской области», Раков В.В. – зам. директора, начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Научный редактор: Раков В.В., канд. ист. наук, доцент.

Компьютерная верстка и редактирование: Аргунов О.Н., ведущий архивист отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Сборник содержит тексты докладов и сообщений ученых, сотрудников архивных учреждений, работников учреждений культуры, представленных на пленарном и секционных заседаниях конференции. Публикуемые материалы в своем большинстве подготовлены на основе документальных источников, выявленных в центральных и местных архивах, впервые вводимых в научный оборот. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся историей. Материалы опубликованы в авторской редакции.

Фото на обложке: Общий вид хирургического госпиталя, размещавшегося в годы первой мировой войны в здании Народного дома (г. Курск).

© Архивное управление Курской области, 2016

© ОКУ «Госархив Курской области», 2016

© Авторы статей, 2016

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
УЧАСТНИКАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ БРИСУЛОВСКОГО
ПРОРЫВА, «АРМИЯ, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ», ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА АРХИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ Л.Б. КАРМАНОВОЙ**

Уважаемые участники конференции, гости,
представители средств массовой информации!

Всероссийской научно-практической конференция, посвященная 100-летию Брусиловского прорыва, «Армия, общество, человек в Первой мировой войне» организована Архивным управлением Курской области и ОКУ «Госархив Курской области».

Об участии в конференции заявили представители научных, учебных и архивных организаций из Воронежа, Калуги, Костромы, Липецка, Орла и Курска. Это преподаватели из Орловского филиала РАНХиГС, Воронежского государственного медицинского университета, Пензенского филиала Военной академии материально-технического обеспечения, Юго-Западного государственного университета, Курского государственного университета, Курского автодорожного колледжа, а также сотрудники Дворца детского творчества г. Курска, Военно-исторического музея «Юные защитники Родины» (г. Курск), краеведы и журналисты. В конференции принимают участие 15 дипломированных специалистов (5 докторов и 10 кандидатов наук). Особенно отрадно, что среди участников конференции есть и наши коллеги-архивисты из государственных архивов Калужской, Костромской, Курской и Липецкой областей.

На конференции будут обсуждены проблемы, касающиеся влияния Первой мировой войны на экономическую и общественную жизнь страны, освещено положение регионов через призму общественно-политических, социально-экономических и культурных процессов.

В выступлениях участников конференции освещаются вопросы, касающиеся источников и историографии по истории армии и регионов в годы Первой мировой войны, мобилизации и формирования воинских частей в регионах; участия населения в оказании помощи больным и раненым воинов; перестройки образовательного процесса в военно-учебных и учебных заведениях; о роли городского и земского самоуправления в оказании помощи фронту и беженцам; о работе, связанной с восстановлением захоронений и созданием мемориалов и памятников, посвященных событиям и персоналиям Первой мировой войны и др.

Всего на пленарном и секционном заседании конференции планируется заслушать и обсудить 17 докладов. Ещё 8 докладов были представлены для заочного участия. Материалы конференции планируются к опубликованию в 2016 году.

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Ю.А. Бугров,
*кандидат исторических наук,
президент Курского областного научного краеведческого общества,
заслуженный работник культуры России*

ГЕНЕРАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С КУРСКИМ КРАЕМ, УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Дворянство Курской губернии на протяжении многих лет верой и правдой служило Родине, особенно отличалось на военном поприще.

Благодаря ряду исследовательских работ С. Волкова, а также исследователей некоторых фондов Госархива Курской области, были выявлены биографии военачальников генералов Российской императорской армии, участников Великой войны (так в некоторых работах означена Первая мировая война).

Персоналии представлены в алфавитном порядке.

-А-

1. **Анненков Борис Владимирович** (1889–1927 гг.), ген.-майор. В 1915–1917 гг. командовал партизанским отрядом в Пинских болотах. С декабря 1917 г. в Омске в Белой армии. Летом 1920 г. с отрядом перешел в Китай, влившись в состав армии генерала Фан Юйсиня. Впоследствии был выдан советским властям и расстрелян в Семипалатинске.

2. **Арцишевский Александр Владиславович** (03.10.1870 г. – ?), ген.-майор. Окончил Курскую гимназию, затем Кавказское пехотное юнкерское училище. Полковник (1911 г.).

-Б-

3(1). **Бярятинский Анатолий Владимирович** (07.08.1871–17.03.1924 гг.), ген.-майор. Окончил Пажеский корпус (1890 г.). Полковник (1910 г.), ген.-майор (1914 г.). С 1912 г. в Киевском военном округе. С 26 июня 1914 г. – генералом поручений при главнокомандующем Юго-Западном фронте. С 12.03.1914 г. при командующем 3-й армии. С 30 декабря 1915 г. – командир 2-ой бригады гвардейской дивизии. С 24 апреля 1917 г. в резерве Киевского военного округа. Награды – Св. Георгий 4-й степени, Георгиевское оружие. В эмиграции во Франции. Умер и похоронен в Ментон.

4(2). **Бырдин Евгений Яковлевич** (? – 1927 г.), ген.-майор. Из дворян Курской губернии. Во время Первой мировой войны в одной из тыльных частей Киевского военного округа. С июня 1918 г. в армии Самарского комуча, затем в армии А.В. Колчака. Эмигрировал в Китай. Умер в Харбине.

-В-

5(1). **Вестфален Александр Иванович** (07.08.1866–03.07.1915 гг.), ген.-майор. Окончил Курское реальное училище. На военной службе с 1 октября

1882 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1889 г.). В 1901 г. завершил образование в академии генштаба. Участник Первой мировой войны. Командир 14-го гусарского Митавского полка. Погиб в бою при Литве возле реки Нарвы. Посмертно был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и возведен в чин генерал-майора. Имел двух дочерей.

-Г-

6(1). **Гобято Леонид Николаевич** (06.02.1875 г., Таганрог – 21.05.1915 г., Перемышль), ген.-майор (1914 г.). Сын присяжного поверенного. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, особую артиллерийскую школу. Участник Русско-японской войны, подполковник (1904 г.), полковник (1909 г.). С 26.07.1914 г. – командир 2-ого дивизиона 35-й артиллерийской бригады, с 15.03.1915 г. – командир 35-й артиллерийской бригады. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, золотым оружием. Ученый артиллерист. Изобретатель миномета. Посмертно возведен в ген.-майоры.

-К-

7(1). **Косьмин Владимир Дмитриевич** (1884–1950 гг.), ген.-майор. Сын учителя Курской гимназии. Окончил Курскую духовную семинарию, затем Чугуевское пехотное училище (1911 г.). Участник Русско-японской и Первой мировой войны. С 1918 г. командир дивизии в армии Колчака, затем командующий Уральской группой войск. С 1920 г. – эмигрировал в Китай. Жил в Харбине и Шанхае. В 1931 г. был избран председателем русско-фашистской партии. После окончания Второй мировой войны уехал в Австралию. Похоронен в Сиднее.

8(2). **Курлов Павел Григорьевич** (05.03.1860 – 20.06.1923 гг., Берлин), ген.-лейтенант (1910 г.). Окончил Николаевское кавалерийское училище. Служил в МВД. В 1903–1905 гг. – Курский вице-губернатор. С 1909 г. – товарищ министра Внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов. С сентября 1914 г. – начальник главного снабжения Северо-Западного фронта. После революции в эмиграции в Германии. Автор книги «Гибель Императорской России».

-Л-

9(1). **Лайминг Георгий Михайлович** (14.04.1863 г., Путивль – 03.01.1958 г., Лос-Анджелес), ген.-лейтенант с 1912 г. В 1911–1917 гг. – генерал по особым поручениям. После революции состоял в Вооруженных Силах Юга России (ВСЮР). Эмигрант с 1920 г. во Франции, США.

-М-

10(1). **Михайлов Александр Михайлович** (1870 г. – ?), ген.-майор. Из дворян Курской губернии. Участник Первой мировой войны. В армии Колчака с 1918 г. Эмигрант.

-О-

11(1). **Офросимов Павел Александрович** (14.12.1872–14.02.1946 гг., Париж), ген.-майор (1915 г.). Из дворян Курской губернии. Окончил Пажеский корпус. Участник Первой мировой войны. Командир гвардейского Уланского

Его Величества полка, затем бригады 3-й кавалерийской дивизии. Во ВСЮР с 1918 г. Эмигрант. Жил во Франции.

-П-

12(1). **Павлов Никифор Демьянович** (04.02.1876–1929 гг., Омск), ген.-майор (1913 г.). Окончил Курское земледельческое училище (1883 г.). Разработчик военно-топографических карт Первой мировой войны. После революции служил в армии Колчака. Был взят в плен. Служил с 1923 г. в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

13(2). **Петров Василий Петрович** (29.01.1869 г., Белгород – 18.03.1929 г.), ген.-майор (1917 г.). Образование: Курское земледельческое училище (1889 г.) и военно-топографическое училище. Офицер корпуса военных топографов Генштаба. Участник Первой мировой войны: командир 126-го пехотного полка, затем начальник штаба 34-й и 46-й пехотных дивизий, временно исполняющий должность начальника штаба 39-го армейского корпуса. В 1915 г. награжден Георгиевским оружием. После революции состоял в ВСЮР. Эмигрант. Жил в Югославии.

14(3). **Пушечников Владимир Васильевич** (20.10.1859 г. – ?), ген.-майор (1915 г.). Окончил Орловскую военную гимназию. Участник войны в Китае и Первой мировой войны. Командир отдельного саперного батальона.

-С-

15(1). **Скобельцын Владимир Степанович** (12.03.1872 г., Курск – 1944 г., город По, Франция), ген.-майор (1914 г.). Из дворян Курской губернии. Окончил Орловский кадетский корпус (1890 г.), Академию Генштаба (1893 г.). Участник Первой мировой войны. В 1915 г. – начальник штаба 17-го армейского корпуса, с марта 1917 г. – командир 2-й Туркестанской дивизии. После революции в частях белых на Северном фронте. В эмиграции во Франции.

16(2). **Суковкин Петр Иосафович** (19.09.1864 г., Плаксино, Курской губернии – 02.12.1939 г., Волынская губерния), ген.-майор (1915 г.). Окончил Александровский лицей (1883 г.), ОКШ (1885 г.). Участник Первой мировой (командовал бригадой). Эмигрировал в Польшу.

-Т-

17(1). **Терлецкий Александр Дмитриевич** (28.08.1864 г. – ?), ген.-майор (1915 г.). Из курских дворян. Окончил Московский кадетский корпус (1882 г.). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 20.04.1915 г. командир 19-го пехотного полка, с 1917 г. начальник 129-й пехотной дивизии. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Участник белого движения во ВСЮР. С 1920-х гг. в эмиграции в Болгарии.

-Ф-

18(1). **Францкевич Александр Иванович** (25.08.1860 г. – ?), ген.-майор (1913 г.), инженер. Окончил Курское реальное училище и Морское инженерное училище (1882 г.). Осуществлял военную приемку кораблей (1908–1917 гг.) в Финляндии и Петрограде.

-Ц-

19(1). **Черепов Александр Николаевич** (17.08.1877–15.02.1964 гг., Нью-Йорк), ген.-майор (1917 г.). Из дворян Курской губернии. Окончил Орловский кадетский корпус, Одесское Военное училище (1898 г.). На 1 августа 1916 г. – командир 136-го пехотного полка, затем командир 4-й пехотной дивизии. После революции во ВСЮР. Эмигрант: в Югославии, Германии, США. Сын – Владимир, офицер.

-Ш-

20(1). **Шлейснер Николай Александрович** (06.12.1868 г., Курск – 1921 г.), ген.-майор (1917 г.). Окончил Курское реальное училище (1888 г.). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 1913 по 1917 г. – командир отдельного саперного батальона. Во время Гражданской войны в гетманской армии.

К сожалению, документальная база биографий военачальников недостаточна, чтобы говорить более подробно о каждом из выявленных лиц.

Некоторые из исследователей называют Первую мировую войну – неизвестной войной. Это понятно, ибо многие из военачальников после революции 1917 г. и Гражданской войны оказались в эмиграции. Их воспоминания и документы оказались за границей.

К тому же революции и гражданские войны в России поневоле получили приоритеты в исследовании.

Лишь в последние годы XX-го века история и события Первой мировой войны стали вызывать интерес историков, стали публиковаться мемуары и документы.

Источники и литература:

1. *Волков С.В.* Генералы Российской империи. М., 2009. Т. 1, 2.
2. *Фань-Фучжень-Бехле.* Эмигранты Китая (рукопись) // Частный архив Пономарева.

В.В. Коровин,

доктор исторических наук,

профессор кафедры конституционного права

Юго-Западного государственного университета

КУРЯНЕ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ (ЛЕТО – ОСЕНЬ 1914 ГОДА)

Фронтальная биография 173-го Каменецкого и 174-го Роменского пехотных полков, принимавших участие в Первой мировой войне с 1914 по 1918 гг., нашла отражение в фондах Российского государственного военно-исторического архива. Их документация представлена не только журналами военных действий, но и полевыми книжками командного состава, приказами и

распоряжениями по служебной деятельности, наградными материалами на отличившихся в боях военнослужащих. Накануне войны эти войсковые части дислоцировались в Курске. В Государственном архиве Курской области сохранились дела об отпуске средств городским управам на расквартирование войск, об отводе, ремонте и строительстве помещений, о выделении земли под стрельбища и военные лагеря.

Как следует из документов губернского распорядительного комитета, в апреле 1909 г. стало известно о подписании императором Николаем II новой дислокации сухопутных войск [5, л. 6–6 об.]. По получении ее в штабе Киевского военного округа, в состав которого входила и Курская губерния, командующий войсками округа генерал Н.И. Иванов должен был организовать на подведомственных территориях работы по подготовке к расквартированию и обустройству быта войск.

11 ноября 1909 г. секретным отношением, направленным курскому губернатору М.Э. Гильхену из штаба Киевского военного округа, сообщалось об изменениях в дислокации войск на территории губернии [5, л. 1–2]. К документу прилагалась ведомость вновь прибывающих в губернский гарнизон частей: штаб 44-й пехотной дивизии, управление 1-й бригады 44-й пехотной дивизии, два пехотных полка 1-й бригады – 173-й Каменецкий и 174-й Роменский со своими штабами и вспомогательными службами, а также 21-й мортирный артиллерийский дивизион и 21-й мортирный артиллерийский парк.

Осенью 1910 г. названные войсковые части на постоянных началах расположились в Курске. К 30 июня 1914 г. их подразделения размещались в казармах и городских зданиях губернского центра. Согласно отчетным листам по квартирному довольствию 173-го и 174-го пехотных полков, к указанному времени в них состояло на службе нижних чинов – 2 171 и 1 986 человек соответственно [7, л. 33 об.; 6, л. 22].

Журнал военных действий 174-го пехотного Роменского полка сообщает о том, что 17 июля 1914 г. в 7 часов утра из штаба 44-й пехотной дивизии было получено распоряжение об объявлении мобилизации, считая ее первым днем 12 часов ночи текущих суток. Работа первого дня проводилась по плану мобилизационных мероприятий. Из личного состава были выделены на формирование 314-го пехотного Новооскольского полка 25 офицеров и 262 нижних чина, 21-го запасного батальона – 9 офицеров и 39 нижних чинов, в этапную полуроту – 1 офицер и 3 нижних чина [4, л. 109].

19 июля началось комплектование 173-го пехотного Каменецкого полка пополнением из числа мобилизованных жителей Курской губернии. Партии новобранцев прибывали из Курского сборного пункта без именных списков и сведений об их численном составе, что вызывало определенные организационные трудности. За прошедший день в полк прибыли 732 человека и 161 лошадь, которые были распределены по ротам, командам и в первый взвод дивизионного обоза [2, л. 206].

20 июля две партии запасных из Щигровского уезда дополнили 174-й полк, в результате чего его численность увеличилась на 638 человек и

336 лошадей. Мобилизационная работа проходила без замечаний. В последующие дни полк доукомплектовывался запасными из Щигровского, Тимского, Новооскольского и Старооскольского уездов. Но по прибытии последней партии некомплект составил 150 человек [4, л. 109 об.].

Проблемы с комплектованием испытывал 173-й полк. Прибывавшие разновременно партии имели недокомплект в несколько сот человек. Многие новобранцы были не готовы к прохождению строевой службы. Недостающих по нарядам от Фатежского уезда 623 человека пришлось набирать в 20-м запасном батальоне Обоянского уезда. К 22 июля 1914 г. комплектование полка завершилось, но хозяйственные работы продолжались [2, л. 206 об. – 207].

В течение нескольких дней велась подготовка обоза к отправке на фронт, а с прибывшим пополнением проводились занятия по стрельбе. 25 июля в помещении общественного клуба куряне устроили торжественный прощальный ужин для частей гарнизона. На следующий день в полковые лагеря прибыл крестный ход с архиепископом курским Феофаном и чудотворной иконой «Знамение Божией Матери Курской Коренной». Был отслужен напутственный молебен, солдаты и офицеры получили благословение.

27 июля 1914 г. в 6 часов утра на фронт выдвинулся первый эшелон с военнослужащими 173-го полка. Всего для их переброски потребовалось 5 железнодорожных составов, отправлявшихся со станции Курск через каждые два часа. В тот же день в 8 часов утра командир 44-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С.Ф. Добротин произвел смотр 174-му пехотному полку. А вечером на лагерном плацу полковой священник отслужил молебен, после чего всем чинам были розданы нательные крестики и образки. Полк выдвигался на фронт 6-ю эшелонами, первый из которых отправился со станции Курск в 3 час. 40 мин. ночи 28 июля [2, л. 207; 4, л. 110].

29-30 июля 1914 г. части 44-й пехотной дивизии из Курска прибыли в Луцк. Об атмосфере этих дней сохранились воспоминания бывшего командира 176-го Переволоченского полка, входившего в состав той же дивизии, М.Д. Бонч-Бруевича: «В противоположность бурливому киевскому вокзалу на станции Луцк стояла мертвящая тишина, даже железнодорожный буфет и тот был закрыт. Чувствовалась близость если и не фронта, то прифронтной полосы, в городе было полно офицеров в походной форме, перетянутых портупеей с непонятным обилием столь полюбившихся в первые месяцы войны, никому не нужных ремней и ремешков, с кожаными футлярами для биноклей, папирос и еще чего-то, словом, обвешанных до такой степени, что затруднялось даже движение.

По мостовой маршировали отправлявшиеся на фронт роты; солдаты изнемогали под тяжестью «полной выкладки», стояла жара, и, конечно, куда разумнее было бы, сдав в обоз ненужные шинели и ранцы, налегке выступить в трудный поход по скверным и пыльным дорогам Галиции; но никто до этого не задумывался, и чрезмерно нагруженные солдаты с тяжелыми винтовками на натруженных плечах «печатали шаг» и делали это с такой же покорностью, с какой в половине прошлого века отправлялся в поход «вечный» николаевский

солдат в немыслимо узких брюках, начищенном мелом нелепом снаряжении и тяжелом и ненужном кивере» [10].

Здесь им предстояло приступить к выполнению боевых задач, поставленных штабом 3-й армии перед 21-м армейским корпусом (в состав которого входила дивизия). Согласно полученным распоряжениям, основная задача его войск заключалась в удержании речных переправ у Луцка, Торговице и Рожище. Самой армии было приказано «замедлить, насколько возможно, движение Австро-Венгерских армий при вторжении в наши пределы, а затем наступать в Галицию с общим направлением на Львов» [1, л. 31].

В то же время, армейское командование признавало: «Недостаток инженерной подготовки и тяжелые местные условия делают трудно разрешимым вопрос об их активной обороне... Поэтому переправы эти следует отстаивать по возможности. От захвата кавалерии они должны быть предохранены, безусловно. В случае же направления на них противником значительных сил, оборона их должна быть по преимуществу сосредоточена на правом берегу р. Иквы и Стыри, а сами переправы подготовлены к разрушению» [1, л. 19].

Согласно боевому расписанию, оборона переправ у названных населенных пунктов поручалась: Рожищенскому отряду (в составе четверти батальона 173-го пехотного полка и 2 пулеметов), Луцкому отряду (3 и $\frac{3}{4}$ батальона, 6 пулеметов 173-го пехотного полка; 2 батальона, 4 пулемета 174-го пехотного полка; 16 легких орудий 44-й артиллерийской бригады), Торговицкому отряду (2 батальона, 4 пулемета 174-го пехотного полка; 8 легких орудий 44-й артиллерийской бригады) [1, л. 42].

К 1 августа 1914 г. личный состав 173-го пехотного полка вошел в состав Луцкого отряда, сменив на занимаемых позициях 44-й пехотный Камчатский полк, занял 4 форта к западу от Луцка и принял охрану моста через реку Стырь. 1-я рота полка передана Рожищенскому отряду для обороны переправ. Одновременно был сформирован Торговицкий отряд, который возглавил командир 174-го пехотного полка полковник В.Г. Владимиров. Отряд был распределен по участкам и приступил к укреплению позиций для активной и пассивной обороны [3, л. 230; 4, л. 110 об.].

В течение нескольких дней продолжались работы по дальнейшему усовершенствованию позиций. У местечка Торговицы возводились окопы. На правом берегу рек Стыри и Иквы сооружались укрытия для упорной обороны. На левых берегах, перед деревнями Подлосцы, Перекладовичи, Лихачевка, Волничи – устраивались искусственные препятствия на случай наступления неприятельской кавалерии и мелких частей пехоты.

В отданном 4 августа 1914 г. приказе по войскам 3-й армии отмечалось: «По прежним сведениям противник развертывается на линии Красное-Золочев-Зборов. До реки Серет крупных частей противника не обнаружено. Тернополь занят противником. Наша конница не могла проникнуть за линию Стоянов-Родзихов и к Топорову. 3-я армия развернулась в районах Дубно-Ровенском и Горынском» [1, л. 79].

В связи с переходом 6 августа 3-й армии в наступление, частям 21-го корпуса предстояло выдвинуться по обоим берегам реки Стыри к Берестечко и Острову, 7 августа – выйти на линию реки Пляшевки, к вечеру 10 августа – утвердиться на линии Стоянов, Станиславчик, Пониковице, Пеняки, Заложцы. 11 августа – продолжить наступление в пределы Галиции и утвердиться на линии Топоров-Переволочно. В приказе по 3-й армии за этот день отмечалось, что противник, не принимая боя, отступает ко Львову. 21-му корпусу предписывалось закрепиться на линии Остапковцы-Буск. К 14 августа – занять район Каменка-Струмилово и Мосты Вельки [1, л. 80, 112, 118–119, 122].

Наступление 3-й армии, начавшееся 6 августа, развивалось почти беспрепятственно. Слабые части войск прикрытия противника поспешно отходили, боевые столкновения были редкими. За шесть дней армия продвинулась на 90-100 км. Отдельные детали наступательного марша сохранились в полковых журналах военных действий: «10 августа. Полк [174-й пехотный. – В.К.] в составе главных сил правой колонны 44-й пехотной дивизии выступил из д. Джиковичи в 6.30 утра для следования через Мервь в пределы Австро-Венгрии. В с. Мервь к полку присоединились 2 батальона Каменецкого полка. Вместе с ними в 9.45 утра у селения Мервь полк перешел границу и вступил в пределы Австро-Венгрии...» [2, л. 207; 4, л. 110].

13 августа 1914 года. 173-й пехотный полк в составе авангарда левой колонны выступил из Топорова, имея бой с противником у д. Деревляны на реке Западный Буг. Переправ не было, поэтому головные части, перейдя реку в брод, вступили в бой. К вечеру противник отступил, а темнота не позволила продолжить его преследование. В этот день полк понес первые потери: погибли штабс-капитан Н.Ф. Войнов, подпоручик С.П. Кузнецов и 20 нижних чинов; ранены штабс-капитаны А.Е. Лайков и В.Я. Тищенко, прапорщик Битешко и 63 нижних чина; контужен подпрапорщик Л.Г. Леонтьев [2, л. 210 об.].

В августовские дни 1914 г. появились первые потери среди курян, служивших в частях 44-й пехотной дивизии. Так, 25 августа в бою с австрийцами у деревни Радосто погиб рядовой 173-го пехотного полка Федор Осипович Чаплыгин. Он был мобилизован из дер. Каноньихино Фатежского уезда Курской губернии. После гибели мужа у вдовы Татьяны Александровны остались на иждивении двое малолетних детей [8, л. 222]. В том же бою погиб участник русско-японской войны, рядовой 174-го пехотного полка Петр Андреевич Сергеев из села Верхняя Озерна Щигровского уезда. У него остались вдова Мария Афанасьевна и трехлетний сын Алексей [8, л. 378–380]. Рядовой Никифор Федотович Дюканов из села 2-е Рождественское Курского уезда служил в 173-м пехотном Каменецком полку, был убит в бою с австрийцами 29 августа 1914 года. У него остались вдова Степанида Ивановна, дочь Евдокия 6 лет и сын Иван 6 месяцев [8, л. 239].

С сентября 1914 г. подразделения 173-го и 174-го пехотных полков занимали оборону на реке Сан. Фронт 3-й армии в составе восьми пехотных дивизий был растянут на 150 км. Против них на левом берегу Сана находились девять австрийских дивизий. Оборонительные бои здесь приняли затяжной харак-

тер. Наступление с целью форсировать Сан, было назначено на 5 октября. Но к этому времени только части 21-го армейского корпуса оказались готовы к выполнению поставленной задачи.

В ночь с 4 на 5 октября авангарды 44-й и 33-й пехотных дивизий перешли р. Сан в районе Ниско и Рудника. 44-я дивизия заняла и укрепила позицию по линии Рацлавице-Волино-Новавесь, а 33-я дивизия – у Халупки. У Заржыче и Белина удалось устроить мосты. Артиллерия осталась на правом берегу и содействовала обороне позиции. Журнал военных действий 173-го полка конкретизирует ситуацию: «3-й батальон с частями 175-го и 176-го полков переправился на тот берег Сана. В 12 час. дают знать, что на левом фланге собираются силы противника. Около 1 часа дня передают по телефону, что на правом фланге наших переброшенных частей собирается пехота противника... Начальник дивизии приказал перевести еще 2 роты 4-го батальона и 1 роту 2-го батальона, что было исполнено. К 6 часам дня за рекой было уже 7 наших рот» [2, л. 235–236].

Желая сбросить русских обратно, к Ниско были направлены резерв X корпуса из 1-й австрийской армии и дивизия VI корпуса из района Пржеворска. Атаки австрийцев были отбиты при содействии артиллерии с правого берега. Содействуя обороне, эта артиллерия не могла поддержать наступления своих войск. Поэтому все попытки продвинуться вперед, чтобы расширить плацдарм, заканчивались неудачей.

В виду принятия нового плана действия, по соглашению с германским командованием, главное австрийское командование дает указание 4-й австрийской армии подготовиться к отходу, одновременно выделить из состава армии дивизию на усиление 1-й армии. Эта дивизия должна быть перевезена по железной дороге от Пржеворска в Краков. Этим распоряжением положение армии ухудшилось: на участке в 150 км остались 7-я пехотная и 4-я кавалерийская дивизии. Равновесие сил на р. Сан нарушилось. 21-й армейский корпус предпринял попытку ночной атакой 16 октября расширить плацдарм в районе Рацлавице и создать базу для дальнейшего наступления [9].

В ночь с 18 на 19 октября части 21-го корпуса провели одновременную атаку на Ниско и Рудник. Удалось занять Ниско, захватив до 200 пленных, и овладеть замком у Рудника. Со стороны противника днем последовало несколько контратак, но все они были отбиты. И вновь журнальные записи 173-го пехотного полка дополняют картину происходившего драматическими деталями: «В 5 час. утра колонны двинулись для атаки д. Рацлавице. Одновременно с этим полк 33-й пехотной дивизии, атакуя Ниско, поджег его, осветив местность. Атакующие наши колонны были обнаружены противником, который открыл по ним сильный ружейный и пулеметный огонь. Деревня Ниско была взята сводным полком...» [2, л. 245 об.]

Таковы лишь отдельные эпизоды боевого пути 173-го Каменецкого и 174-го Роменского пехотных полков в 1914 году. Их фронтовые дороги начинались из пункта постоянной дислокации Курска, сюда же они прибыли на формирование в начале 1918 года. По-разному сложились судьбы офицеров и

нижних чинов этих полков. Сотни погибших на фронте, десятки награжденных. Многие из горнила Первой мировой войны попали на братоубийственную Гражданскую. История полков и дивизий, участвовавших в Великой и Забытой, требует еще немалых усилий исследователей.

Источники и литература:

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 2220. Оп. 1. Д. 3.
2. РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 26.
3. РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 46.
4. РГВИА. Ф. 2788. Оп. 1. Д. 63.
5. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 1293.
6. ГАКО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1472.
7. ГАКО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1474.
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13069.
9. Русская армия в Великой войне: Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. // URL: http://www.grwar.ru/library/Strateg_Essay_2/SE_02_05.html (дата обращения: 15.03.2016 г.).
10. URL: http://modernlib.ru/books/bonchbruevich_mihail/vsya_vlast_sovetam/read_1/ (дата обращения: 21.03.2016 г.).

В.М. Красин,
*кандидат исторических наук,
главный архивист отдела организации и методической работы
ГКУ «Государственный архив Калужской области»*

**МУСТАФА СУБХИ И МУСТАФА НИЗАМЕТДИН БИН
ДЕРВИШ КИБАРЗАДЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭМИГРАНТЫ
ИЗ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Вступление Османской империи в Первую мировую войну создало для России новые политические риски, часть из которых была связана с традиционно сильным турецким влиянием среди мусульман Кавказа и Поволжья. В целях уменьшения существующих рисков в ближайшем тылу русских войск на Кавказе, из региона в этот период массово удалялись турецкие подданные.

В документах они именовались военнопленными, хотя, по смыслу, более точно их статус отражает термин «интернированные». Уже 27 октября 1914 г. (по старому стилю) партия турецких подданных в составе 67 человек была от-

правлена в Калугу из Батуми. 10 ноября 1914 года еще 140 турецких подданных отправили в Калугу из Туапсе. Такие группы интернированных направлялись в Калужскую губернию и позже [3, л. 1, 3, 4, 26, 64].

В ноябре 1914 г. была распределена по уездам Калужской губернии крупная партия турецких подданных из 780 человек, еще 250 человек было оставлено в Калуге [1, л. 1].

13 сентября 1915 года калужский губернатор, ссылаясь на телеграмму товарища министра внутренних дел князя Волконского, поручил выслать в г. Уральск всех турецких подданных, проживавших в Калужской губернии. Сохранился список фамилий 741 турецкого подданного, высланного из Калуги в г. Уральск 16 сентября 1915 года [3, л. 171, 183–199].

Тем не менее, некоторое число интернированных турецких подданных оставались в Калужской губернии и после сентября 1915 года. Так, 32 человека по данным на 31 марта 1916 года работали в булочной Заверина в качестве пекарей и характеризовались приставом 1 части Калуги как «политически благонадежные» [5, л. 37–38].

Среди тех, кто был отправлен из Калуги в Уральск, был и Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибарзаде. Этот человек оказался незаурядной личностью и выделялся из числа других интернированных уже тем, что умел собственноручно подписываться по-русски ровным красивым почерком. Не исключено, что сами обращения к разным должностным лицам он писал самостоятельно [6, л. 6–6 об.].

Наличие окончания «Кибарзаде» в имени может говорить о знатном происхождении этого политического деятеля, хотя в полной мере ничего и не доказывает.

В своём прошении на имя Уральского областного комиссара от 25 сентября 1917 года он подробно описывает обстоятельства своей высылки. По словам Мустафы Кибарзаде, он был «секретарём полицейского департамента внутреннего министерства в городе Константинополе» (вероятно Министерства внутренних дел. – К.В.) и состоял в «Либеральной партии». В январе 1913 года младотурками («партия Единение и Прогресс») был убит военный министр генерал Назим-паша, кабинет министров был занят их сторонниками, а представители «Либеральной партии», в том числе и Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибарзаде отстранены от власти [6, л. 7].

После убийства Назим-паши великим визирем становится генерал Махмуд Шевкет-паша, участник младотурецкой революции 1908 года. Однако 29 мая 1913 года (по старому стилю) в своём автомобиле на пути в резиденцию правительства он был убит, что позволило младотуркам запретить все политические партии и арестовать некоторых активистов, фактически установив военную диктатуру [7, с. 84].

В числе подвергшихся преследованию в Турции оказался и Мустафа Кибарзаде: «...поэтому было собраны из Либеральной Партии около 650 человек и были высланные, безо всякого суда и допроса на остров Синоп. 1913 года сентября месяца, я и мои 2-е товарищей Махмуд Нимет Син Тауфек Бей, и

бывший комиссар города Константинополя Музафоритдин Бей, убежали с острова Синопа, внутри России прибыли в город Батум в этом же месяце явились к Батумскому бывшему Полицмейстеру Господину Пученьяңц объяснили наше обстоятельство в победе, о чем доложено о нас Господину Батумскому Военному Губернатору, приказом Губернатора мы должны временно находиться в гор. Батум впредь до выяснения наших личностей наводя о нас справки Русскому Консулу находившемуся на острове Синоп справки подтвердились о нас Русским Консулом с острова Синопа что мы находимся в качестве политических эмигрантов, по этому вопросу нам было разрешено проживать внутри России безо всяких призрений. Мои указанные товарищи выбыли в [Европу] с разрешения властей, и в этом числе я получил удостоверение, от бывшего полицмейстера гор. Батума для право проживания внутри России, я выбыл в уездный гор. Артвин Батумской области где я был рождён» [6, л. 7 об.].

Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибарзаде в качестве интернированного находился в Калуге чуть больше полугода. Документы, подтверждающие его статус политического эмигранта, по его информации, находились «в 3-м участке в гор. Калуге и в канцелярии бывшего полицмейстера», однако в Калуге или в Уральске они были утеряны. Мустафа Кибарзаде писал Калужскому губернскому комиссару 25 сентября 1917 года: «В данное время я находясь в Уральской областной тюрьме в качестве заложника военнообязанного турецкого подданного разъяснений Временного Правительства что политические эмигранты не входя в состав к военнообязанным и не должны быть как реприсивные» [6, л. 12].

В архивном деле имеется официальное подтверждение автобиографических сведений, указанных Мустафой Кибарзаде: «Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибар Заде, с товарищами своими действительно прибыли из Турции в Батум 1913 г. которым было разрешено проживать в России, проситель Мустафа Кибар Заде с разрешения бывшего Военного Губернатора Батумской области, был водворен в город Артвин, который по объявлении войны с Турцией в 1914 году, тамошней администрацией как военнообязанный был водворен во внутренняя губернии России. Были ли у него отобраны какая либо документы у меня сведений не имеется. октября 25 дня 1917 г. № 3773. Начальник милиции капитан [подпись]» [6, л. 9].

Органы власти Временного правительства не успели решить проблему Мустафы Кибарзаде и она досталась «по наследству» новой советской власти. Переписка продолжалась, по меньшей мере, до января 1918 года, итог дела и дальнейшая биография этого политического эмигранта неизвестны.

Судьба Мустафы Кибарзаде напоминает судьбу одного из основателей Коммунистической партии Турции Мустафы Субхи, в начале Первой мировой войны также оказавшегося в Калуге. Более того, с высокой долей вероятности можно предполагать, что в период 1913–1918 гг. они могли быть знакомы.

Личность Мустафы Субхи ранее неоднократно привлекала внимание исследователей. Одним из первых его биографов в 1960–1970-х гг. был известный

калужский историк К.М. Ярхо изучавший, в том числе, и документы Государственного архива Калужской области [12]. В журнале «Азия и Африка сегодня» в 1970 и 1983 гг. вышли статьи Е.И. Патлажан [10] и Ю. Розалиева [11], посвящённые Мустафе Субхи. Эти труды в целом позволили восстановить наиболее важные этапы жизни турецкого коммуниста. Однако в них, к сожалению, отсутствуют ссылки на источники.

В 2000 году в Калужской энциклопедии была помещена короткая статья о Мустафе Субхи [8, с. 557–558]. В 2009 году ему уделил внимание калужский исследователь А. В. Тихонов в третьей главе коллективной монографии «Народы Востока и Калужский край. Ссылные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX веков», снабдив свой труд надлежащими ссылками, в том числе на архивные источники [9, с. 152–168].

Мустафа Субхи Бей Мевлеви (Мавлеви) Заде родился в Гиресуне (вилайет Трабзон) в семье крупного чиновника. Начальное образование получил в Сирии, затем закончил высшую юридическую школу в Стамбуле. Позднее выехал в Париж, где пробыл два года, совершенствуя свои знания в Сорбоннском университете на факультете социальных наук. В 1906 году стал членом одной из нелегальных студенческих организаций. Ко времени младотурецкой революции 1908 года он руководит деятельностью Ассоциации османских студентов в Париже, сотрудничает с газетой «Танин», куда отправляет статьи, посвящённые главным образом положению французских трудящихся. М. Субхи устанавливает контакты с Международным социалистическим бюро (Исполкомом II Интернационала). После защиты диссертации, в которой рассматривались вопросы развития сельскохозяйственного кредита в Османской империи, М. Субхи в 1910 году возвращается в Турцию. Он занимает должность профессора политической экономии и права в Высшей торговой школе и Учительском институте, кроме того, сотрудничает с периодическими изданиями, активно занимается политической деятельностью [11, с. 21].

После убийства великого везира Махмуда Шевкет-паши Мустафа Субхи был, как и Мустафа Кибарзаде, отправлен в синопскую крепость, откуда он с группой товарищей бежит в марте 1914 года. Первоначально М. Субхи оказывается в Крыму, затем переезжает в Батуми, откуда, после вступления Османской империи в Первую мировую войну, он был выслан как военнообязанный турецкий подданный [8, с. 557].

Мустафа Субхи Бей Мевлеви (Мавлеви) Заде, задержанный в Крепостном районе Михайловской крепости прибыл в Калугу в качестве интернированного 2 ноября 1914 года [4, л. 17]

М. Субхи был поселен в простом постоялом дворе «Орловское подворье» на Старом Торге, получая 20 копеек в день в качестве пособия. К весне 1915 года ему удалось переселиться на частную квартиру в дом Горбунова на Благовещенской улице и снять там за 15 руб. комнату с мебелью и отоплением. Занимался репетиторством, давая уроки французского языка. Частные уроки приносили ему некоторый доход, но пособие с него сняли [12, с. 63–64].

М. Субхи как и М. Кибарзаде вместе с основной массой турецких военнопленных был выслан из Калуги на Урал осенью 1915 года.

Работая на уральских заводах, он установил связь с большевиками-подпольщиками. В начале 1918 года М. Субхи приезжает в Москву, где налаживает издание первой большевистской газеты на турецком языке «Ени дюнья» («Новый мир»). Осенью 1918 года М. Субхи возглавляет Чрезвычайную комиссию по восстановлению мусульманских революционных организаций Поволжья, Приуралья и Сибири, пострадавших во время белогвардейской оккупации. Также он руководит Казанской научной коллегией, объединившей представителей татарской и башкирской интеллигенции. Была проведена первая общероссийская конференция тюркологов, на которой обсуждался вопрос о реформе графики татарского языка. В марте 1919 года М. Субхи принимает участие в I конгрессе Коммунистического Интернационала. После завершения работы конгресса, Субхи направляется в Крым, затем в Одессу, в Ташкент, участвуя в борьбе с белогвардейцами. 10 сентября 1920 года в Баку открылся I съезд турецких коммунистических организаций, на котором была создана Коммунистическая партия Турции, председателем которой был избран Мустафа Субхи. Вернувшись в Турцию, он планировал продолжить политическую деятельность, однако в ночь с 28 на 29 января 1921 года М. Субхи был убит вместе с 14 товарищами [11, с. 22–23].

Жизненные пути Мустафы Субхи и Мустафы Кибарзаде, двух хорошо образованных турецких политических деятелей, накануне и в период Первой мировой войны во многом схожи. Обращает на себя внимание тот факт, что должностные лица различного уровня в Российской империи, зная о нахождении на своей территории политических эмигрантов с территории воюющего с Россией государства, более того – получая от них прошения, в которых подчёркивался их статус и отношение к официальному правительству Османской империи, не придавали этому никакого политического значения.

Во всяком случае, в документах не сохранилось никаких упоминаний о попытках использовать М. Субхи или М. Кибарзаде для пропаганды среди турецких военнопленных, турецких военнослужащих на фронтах, населения Османской империи; нет упоминаний и о попытках подготовить их для политической деятельности в Турции после войны для создания лояльных России политических группировок. Разумеется, принимая во внимание политические симпатии М. Кибарзаде и, в особенности, М. Субхи, они могли и не пойти на прямое сотрудничество с царским правительством, хотя формы такого сотрудничества могли быть самыми разными. Кроме того, следует учитывать, что решительное сближение М. Субхи с РСДРП(б) произошло, по всей видимости, уже на Урале, в калужский период его жизни могли быть варианты для диалога.

Судя по документам, турецкие политические эмигранты М. Кибарзаде и М. Субхи были для должностных лиц Российской империи лишь неизбежным обременением, как и сотни простых военнопленных и интернированных турецких подданных. Тем более контрастно выглядит сотрудничество молодой со-

ветской власти с М. Субхи, в том числе при работе в регионах с тюркоязычным населением.

Биография Мустафы Субхи в историографии представлена достаточно полно, сегодня есть лишь определённая потребность в некоем обобщающем научном труде с полным набором ссылок на источники. Это позволит перепроверить имеющиеся сведения и оценить деятельность этого политика уже без идеологического давления, в некоторой степени имевшего место в 1960-е – 1980-е гг.

Что касается Мустафы Кибарзаде, то его жизненный путь изучен недостаточно подробно, хотя с точки зрения наличия архивных источников перспективы для этого существуют.

В целом, изучение жизни турецких политических эмигрантов в Российской империи накануне и в период Первой мировой войны может представлять существенный интерес для востоковедов, специалистов по истории России, военных историков и политологов.

Источники и литература:

1. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 783 (Калужский городской полицмейстер). Оп. 1. Д. 435.
2. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1089.
3. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1090.
4. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1091.
5. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243.
6. ГАКО. Ф. Р-109 (Калужская городская милиция). Оп. 2. Д. 8.
7. *Киреев Н.Г.* История Турции XX век. М., 2007.
8. Калужская энциклопедия / под ред. *В. Я. Филимонова*. Калуга. 2000. С. 557–558.
9. Народы Востока и Калужский край. Ссылные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. / отв. ред. *В.В. Курков*. Калуга, 2009.
10. *Патлажан Е.И.* Из биографии Мустафы Субхи // Азия и Африка сегодня. 1970. № 11. С. 53.
11. *Розалиев Ю.* Мустафа Субхи – революционер, интернационалист // Азия и Африка сегодня. 1983. № 4. С. 21–23.
12. *Ярхо К.М.* Мустафа Субхи в Калуге // Третья (юбилейная) конференция Калужской области. Калуга–Обнинск, 1971. С. 62–65.

А.Н. Курцев,
*кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории России
Курского государственного университета*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЖИЗНИ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В русской лексике термин «беженец» от глагола «бежать» как участника бегства от военной опасности возник только в тяжелую эпоху Первой мировой войны. Конечное выражение «беженство» обобщенно отражало разные его стадии: от трагической, по скоротечной эвакуации населения приграничья из зоны боев, главным образом за лето 1915 г.; до безопасного, но довольно длительного пребывания беженцев в тыловых районах, начиная с ближних к тылам армии, а заканчивая Зауральем, включая процесс их послевоенной реэвакуации с 1918 г.

В России сначала сложился опыт лишь попутного обращения к проблеме беженцев при освещении различных тем: населения в 1930 г. [11, с. 65–75], экономики в 1962 г. [2, с. 98, 104–107, 195], политики в 1994 г. [44, с. 57–59, 71] и др., опираясь на сведения, фрагментарно представленные в опубликованных источниках, в последние десятилетия обычно привлекая и архивные данные, но всегда кратко, при разобренных фактах и сомнительных оценках, зачастую дополняемых фальсификацией для очернительства досоветского прошлого: от преувеличения численности беженцев до замалчивания государственной политики их социального обеспечения. Даже в 1996 г. историк В.М. Кабузан (Ин-т российской истории РАН) продолжал повторять о 7,4 млн беженцев как минимум, упомянув предоставление им «помощи» от Татьянинского комитета [21, с. 228].

В 1989 г. данная тематика стала составной частью диссертации по правоведению об Особых совещаниях как органах управления разными сферами жизни страны на период войны, в т. ч. Особого совещания по устройству беженцев [20] с публикацией первой специальной статьи в 1991 г. [19].

С 1995 г. началось наше изучение темы, впервые с позиций исторической науки и в форме специальной серии работ о военном беженстве мирного населения, оказавшись пионером его целостного описания как миграционного проявления вооруженных конфликтов, причем на основе архивных данных и реальных фактов, что обеспечило его освещению обоснованность и достоверность.

Первые статьи были выполнены по документам Центрального Черноземья [31, 33], с наибольшей полнотой по Курскому госархиву [24]. После обращения к делам профильных фондов общероссийских архивохранилищ последовало наше выступление в 1998 г. с обобщающей темой о перемещенных лицах за 1914–1917 гг. «Беженство» на международном научном colloquiume

(Санкт–Петербург) с последующим его публикацией [23]. В 1999 г. была издана аналогичная по проблематике статья с включением историографического введения в ведущем академическом журнале [25].

Именно эти две работы содержали целостную картину бегства жителей от военных бедствий с линии фронта в глубь страны под определением «беженство», включая все его стороны: вначале собственно исход, временное пребывание беженского населения в тыловых районах как основная фаза этой миграции и позднее возвращение домой; численный состав беженского потока в хронологической последовательности с документальным доказательством 5 млн реальных беженцев и выделением участников добровольного беженства, принудительного выселения и организованной эвакуации; национальную, половозрастную и социальную структуру контингента прибывших; специфику сельского и городского расселения, формы жилья для жертв войны: обычно подселение к местным жителям, иногда общежития, чтобы предоставить уход самым обездоленным; содержание и реализацию политики государственно–общественного оказания разнообразной помощи перемещенным лицам через систему соответствующих органов; процесс адаптации, трудовую занятость и отношения эвакуантов с коренным населением.

В последующих статьях нами были внесены необходимые уточнения и дополнения о жизни людей, получивших прибежище в городах и деревне на российской территории [28, 29], в Центральном Черноземье [26] и Курской губернии [22]; освещены новые сюжетные линии, начиная с анализа количества эвакуантов [32], и заканчивая освещением учебы их детей [27]. Кроме этого, выполнены публикации архивных источников [30, 34]. Всего за время разработки этого содержания автор издал 17 научных работ (в основном статьи, частично тезисы и 2 публикации документов) общим объемом 15,6 п. л.

В 2014 г. последовало наше выступление «О роли земства в опеке беженцев» с общероссийской характеристикой ее организации и результатов на Международной научной конференции в Курске «История русского земства: к 150-летию создания» (вскоре выйдет электронная версия статей докладчиков).

В свете рассмотрения наших исследований, в особенности двух обобщающих 1999 г., интересно отметить, что в постсоветской историографии поворотным пунктом обращения к изучению жизни социума Первой мировой войны, включая беженцев, стал 1999 г., начиная с широкой череды трудов о тыловых районах с использованием документации местных архивов: от Азиатской России [18,17], Волги и Урала [48, 40] до Черноземного Центра [1, 12].

Среди диссертационных сочинений с чисто беженской проблематикой в России первой стала работа нашей аспирантки Н.В. Лахаревой за 1999 г. (в 2001 г. опубликована монографией) о постоктябрьской жизни и реэвакуации людей с 1918 по 1925 г. на типичном примете Курской губернии с использованием данных из Государственного архива РФ по ЦентроПЛенбежу – ЦентроЭваку [36, 35].

В несколько ранее вышедшем труде И.П. Щерова о беженцах с пленными вместе собственно беженство было исследовано поверхностно с неоправдан-

ным окончанием хронологии исследования 1921 г. и привлечением только фондов Смоленщины [52].

В 2001 г. он повторяет совмещение военнопленных с эвакуантами на 1914–1922 гг. в докторском сочинении в рамках всей России, где «объект исследования» ограничивается «деятельностью миграционных служб». Материал о беженстве зачастую сводится к советским стереотипам и авторским нелепостям: «основная масса беженцев в России стала перемещаться в глубине [надо было: в глубь. – А.К.] с 1915 года после военных неудач русской армии. По данным советских демографов [здесь автор упустил запятую. – А.К.] их число превышало 7 млн. [точка не нужна. – А.К.] человек». Недостаточную же их вовлеченность в сферу тылового труда автор видит в том, что «большинство беженцев были пожилыми людьми» [51, с. 3, 15, 17]. Абсурдность этого вывода противоречит нашей статье о Курском регионе за 1997 г., что единственная указывалось в его автореферате диссертации, где нами дана возрастная структура 72,0 тыс. беженского населения, в т. ч. «старше 60 лет – 2 569 чел., или 3,6 %», зато 2/3 дали матери с детьми [24, с. 52].

На протяжении десятилетия эта волна кандидатских и докторских работ о тыловой жизни Первой мировой войны с сюжетами о беженцах расширила освещение ее региональных особенностей, но оказалась не способной углубить сущность этой темы.

Мало того, некоторые регионы стали изучать повторно, нарушая принцип научной новизны. Так, в ЦЧР Орловская губерния в 2005 г. была освещена С.В. Букаловой [10], а позднее – И.Б. Беловой с соседней Калужской в кандидатской 2007 г. [8] с монографией [9], где она признает позитив царской политики по удовлетворению нужд эвакуированных: «Российской государственной власти пришлось решать целый комплекс проблем с этим связанных, в том числе финансирования и правового обеспечения, что позволило осуществить намеченное на местах»; одновременно не преувеличивая количества этих лиц, ибо ныне существует «общепризнанное заключение А.Н. Курцева о том, что общее количество беженцев и других перемещенных лиц составило в годы Первой мировой войны около 5 млн человек» [9, с. 11, 111].

Беженство нашло отражение и в популярной литературе, в особенности развернуто в издании М.В. Оськина за 2001 г. на тему «Пленные. Дезертиры. Беженцы» с использованием опубликованного нами в 1999 г.: «С начала войны к середине сентября в прифронтной зоне насчитывалось 750 000 беженцев (всего за войну – до пяти миллионов)» и т. д. [37, с. 405].

Особое направление представляют работы о социальной защите разных категорий людей в войну 1914–1917 гг., прежде всего семей солдат и т. п., в меньшей степени о беженском попечении: от единственного параграфа в общероссийском сочинении [15] до разрозненных фрагментов в локальном исследовании [3]. Обеспечение беженцев Татьянинским комитетом в 2000 г. получило попутное [37] и отдельное освещение [38].

Лишь в 2005 г. Давид Цовян пополнил эту тематику уже специальной диссертацией, первая глава которой отчасти имеет повтор со статьей А.В. Иль-

ина за 1991 г., поскольку описывает «Организационное устройство и основные направления Особого совещания по устройству беженцев» [47, с. 17].

Последняя глава – «Организационное устройство и основные формы работы Комитета е.и.в. великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий» – также дублирует: публикацию Н.Л. Матвеевой за 2000 г. и наши оценки в статье 1999 г., в т. ч. у Цо-вяна: «Важным направлением работы Татьянинского комитета являлась его переориентация в 1915–1916 гг. на оказание помощи сотням тысяч детей – беженцев и получении образования и лечения на признание беспризорных» [47, с. 24]; причем без ссылки на упоминавшийся им в историографии наш труд, где было: «С осени 1915 г. местные отделения Татьянинского комитета были переориентированы на оказание сотням тысяч детей беженцев помощи в получении образования и лечении, на воспитание беспризорных. <...> Важным направлением работы Комитета...» [25, с. 106].

Авторефераты диссертаций с сомнительным содержанием отличаются превышением вводного текста над основной частью при «Заключении» без конкретики. В данном случае размеры этих двух текстов: с. 3–17 и с.17–25 (более 14 с. против менее 8 с.) при 2-х строчках концовки: «В заключении диссертации подводятся итоги диссертационного исследования и сформулированы выводы» [47, с. 25].

В 2013 г. публикуется очередная компиляция о деятельности Татьянинского комитета [5], доказывая изученность и тупиковость освещения этой темы.

Последнюю группу составляют редкие сочинения с целостным освещением беженства, но пока лишь на уровне одного этноса, которые вводят в научный оборот ценные источники в отношении народа, пережившего эвакуацию из определенной местности.

Наиболее полно такая тематика раскрыта относительно белорусских беженцев на 1914–1922 гг. Автор В.С. Утгоф разграничила содержание своей кандидатской диссертации на всего 2 главы: «Эвакуация беженцев Первой мировой войны в августе 1914– февраль 1917 гг.» и «Реэвакуация белорусских беженцев Первой мировой войны в 1917–1922 гг.» без выделения самостоятельного этапа послеэвакуационной жизни белорусов на территории их размещения: главным образом с осени 1915 по весну 1918 г. Одновременно в автореферате отсутствует определение количественных показателей лиц белорусской национальности, подвергшихся перемещению и поствоенному возвращению. Из оценок же автора по частным сюжетам ошибочен вывод для условий войны о доминировании среди трудоспособных людей именно мужчин, более всего из безработного крестьянства [46, с. 17, 22], поскольку большинство их подлежало мобилизации за 1914–1917 гг., о чем мы не раз предупреждали в публикациях [23, с. 140; 25, с. 108].

Изучение М.А. Златиной «еврейского беженства» по странности доведено лишь до 1916 г., что обедняет картину его сложной эволюции. Главный пафос данного труда заключается в обосновании «целенаправленного массового насильственного выселения евреев с театра военных действий и из прифронто-

вой зоны» в 1915 г., при этом обходясь без конкретных цифр общего их потока, удельного веса среди всех беженцев и в особенности соотношения добровольного и принудительного исхода этого этноса [16, с. 1–4 и др.].

Причем автор делает упрек «А.Н. Курцеву» по докладу 1998 г. за якобы источниковедчески бездоказательный тезис о «преобладании добровольного характера еврейского беженства из прифронтовой зоны» [16, с. 5–6]. Мы же, используя результаты уникальной статистики в нашей стране после победы Февральской революции 1917 г., когда российскому еврейству новые власти не чинили угроз, в противовес голословных оценок из разных нарративных источников о повальном изгнании еврейского населения, опубликовали нижеследующее: «Однако, когда в марте 1917 г. в Воронеже провели “перепись” еврейских беженцев, которой было выявлено 4 307 чел., при этом фактически все приехали в 1915 г., в том числе 94,0 % – с Северо–Запада, где в основном и проводилась “принудительная эвакуация”, оказалось, что “51,1 % оставили родину добровольно, остальные же были к этому принуждены”» [23, с. 136].

Относительно попечения еврейских эвакуантов, которое обозначалось как «предмет исследования», особенно удручает авторское положение, что даже к 1916 г. «основным источником средств оказания помощи беженцам осталось самообложение среди еврейского населения и пожертвования» [16, с. 3, 23].

Однако таковое в глубине России, в городах которой с лета 1915 г. разрешили проживать лицам из черты европейской оседлости со статусом «беженца» (сельскую местность для них оставили закрытой), сравнительно с выделяемыми казенными субсидиями давало скудные деньги из-за малого наличия евреев довоенного расселения.

По свидетельству очевидца из Воронежской губернии, в городе Бирюче к 1917 г. на 2 еврейские семьи довоенной эпохи пришлось 330 беженцев из родных «местечек» с западных границ, ныне живущих на казенный «паек» [28, с. 134].

В общем же плане еврейский исход за черту оседлости в 1915 г. уже давно как нашел освещение у историков [14].

По смежной тематике отметим А.С. Щетинину за освещение источников и методики изучения беженцев в Зауралье [49], которая позднее повторила завышение в труде Е.З. Волкова за 1930 г. числа беженцев в России – «до 7,4 млн. [точка не нужна. – А.К.] на лето 1917 г.» [50, с. 111].

В 2014 г. к юбилею 100–летия начала «Великой войны» выплеснула целая волна публикаций. В академической работе общероссийского охвата беженцы даны лишь обзорно и с 1914 по 1917 г [43, с. 227–233].

Докторская диссертация И.Б. Беловой, включая ее публикацию монографией, копировав ошибочный подход Щерова по совмещению антиподов: вынужденной миграции – к беженству гражданского населения и принудительной миграции – к пленению военнослужащих противника, сузив изучение до шести губерний, включавших Черноземье с придачей Калуги и изъятием Курска, удостоила жизнь эвакуанта в тылу на 1917 г. только благостно–однобоких оценок, повторив Лахареву о беженской судьбе в Советской России по 1925 г., упустив

наличие и возвращение армянских и румынских эвакуантов [7, 6]. Элементы плагиата и лакировку событий покажем здесь на одном примере. В нашей статье «коренное населения тыловых территорий встретило эвакуированных *сочувственно* и *благожелательно*» [ключевые термины здесь и далее выделяем курсивом. – А.К.], несмотря на подозрительность и отчужденность большинства пришельцев» [25, с. 110]. У этого автора «население относилось к беженцам *сочувственно* и *доброжелательно*», на нас ссылки в тексте нет, но зато налицо исправление стилистики со знаком плюс с «благо...» на «добро...» и сокрытие «подозрительности и отчужденности» у мигранта [6, с. 117].

В отношении изучения столичных регионов упомянем интересную статью на основе архивных источников, где Ю.А. Бахурин перенес современное определение «вынужденные переселенцы» на западных беженцев в Московской губернии за 1914–1917 гг. [4], что противоречит научному принципу историчности.

В отношении Курщины исследователям ничего принципиально нового создать не удалось. Известное исключение составляет публикация А.И. Раздорского, где пересказан отчет местного губернатора за 1914 г. о событиях начавшейся войны с ценной информацией об организации встречи и оказании помощи первым беженцам [42, с. 65–67].

Компиляция же данных в статье А.А. Терещенко о жизни этих людей в городах региона с 1915 г. из однотипной публикации собственного аспиранта за 2006 г., иногда дословно целыми абзацами [45, с. 87–88; 13, с. 66]; который перенял основной материал из наших работ 1997 г. и др., что наглядно говорит о вторичности и ненужности подобных попыток.

Особо сомнительна – от избитого названия и странного авторства до плагиатских заимствований и фактических нелепостей – коллективная книга под редакцией В.В. Коровина, заявленная как «монография» [41].

Ее заголовок «Последняя война императорской России...» подражает Н.Н. Яковлеву «Последняя война старой России» (М., 1994), материалам конференции «Последняя война Российской империи» (М., 2006) и К.Ф. Шацилло «Последняя война царской России» (М., 2010); тем более что война шла и при Временном Правительстве, а закончилась уже при большевиках.

В электронном виде она была выставлена как кандидатская диссертация А.В. Романова (ныне один из четырех ее авторов) «Социально–экономическое развитие Курской губернии в годы Первой мировой войны» (Курск, 2014).

Ее материалы о беженстве во многом дословно копируют статьи Курцева, Гаврикова и даже Терещенко за 2014 г., причем ссылки зачастую делаются не на авторов таковых, а на их первичные источники как архивные, так и печатные [41, с. 166–167].

По поводу нелепостей: в профильном пункте приводится общая цифра эвакуантов в Курской губернии за 1914–1917 гг. в 100,0 тыс. чел., которая впервые дана нами в 1997 г. [24, с. 51], в 2006 г. ее повторил Ф.А. Гавриков [13, с. 67], а уже его авторы этой работы [41, с. 169]. В конце же книги, именуя-

щемся «Заключением», она без всяких ссылок фантастично утраивается до 317,2 тыс. чел. [41, с. 175], как образец уже лженауки.

В общем итоге рост изучения темы беженцев с 1999 г. при новаторских публикациях и постепенном расширении ее хронологии и географии уже к 2014 г. сменился кризисом из-за изученности и ловкачества: от компиляций до плагиатства при сохранении части пережитков советских искажений жизни беженца Первой мировой войны.

Источники и литература:

1. *Алехин Д.В.* Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 267 с.
2. *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. 381 с.
3. *Баженова К.Е.* Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.
4. *Бахурин Ю.А.* Вынужденные переселенцы из западных окраин Российской империи в Москву и Московской губернии (1914–1917 гг.) // Великая война: сто лет. М., СПб., 2014. С.170–190.
5. *Бахурин Ю.А.* Татьянанский комитет: 1914–1917 // Цейхгауз: рос. воен.-ист. журнал. 2013. №2 (52). С.48–52.
6. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России: 1914–1925 гг. М., 2014. 424 с.
7. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России: 1914–1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России): дис. ... д-ра ист. наук. Брянск, 2014. 461 с.
8. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция: 1914 – февраль 1917 гг.: По материалам Калужской и Орловской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2007. 277 с.
9. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция: 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. 288 с.
10. *Букалова С.В.* Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. 24 с.
11. *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. 272 с.
12. *Гавриков Ф.А.* Города российской провинции в условиях Первой мировой войны (на примере Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 23 с.

13. *Гавриков Ф.А.* Население и беженцы в городах Курской губернии в условиях Первой мировой войны // *Курский край: науч.–ист. журнал*. Курск, 2006. № 9–10. (84–85). С.66–70.
14. *Ганелин Р.Ш.* Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 году // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1997. № 1 (14). С. 41–65.
15. *Грицаева А.Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных бедствий: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 18 с.
16. *Златина М.А.* Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны (июль 1914 – зима 1915/1916 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 25 с.
17. *Ерёмин И.А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. Барнаул, 2005. 276 с.
18. *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. Хабаровск, 1999. 448 с.
19. *Ильин А.В.* Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 г. – февраль 1917 г.) // *Правоведение*. 1991. № 5. С. 49–55.
20. *Ильин А.В.* Особые совещания Российской империи: их место и роль в государственном механизме (1915–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. 16 с.
21. *Кабузан В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. 351 с.
22. *Курицев А.Н.* Беженское население Курской губернии в 1914–1917 гг. // *Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых: тетрадь четвертая*. Курск, 2002. С.70–92.
23. *Курицев А.Н.* Беженство // *Россия и Первая мировая война (материалы международного науч. коллоквиума)*. СПб., 1999. С. 129–146.
24. *Курицев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // *Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь первая*. Курск, 1997. С. 33–64.
25. *Курицев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // *Вопросы истории*. 1999. № 8. С. 98–113.
26. *Курицев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны на территории Центрального Черноземья в 1914–1917 гг. // *Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России: материалы VI науч. конф.*, Липецк, 21–22 апр. 1998 г. Липецк, 1998. С. 80–88.
27. *Курицев А.Н.* Влияние беженства Первой мировой войны на полиэтничность образования в Центральном Черноземье (1914–1917 гг.) // *Национальное и общечеловеческое в культуре и образовании: межвуз. сб. науч. тр.* Курск, 2000. С. 195–198.
28. *Курицев А.Н.* Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // *Культуры городов Российской Империи на рубеже XIX – XX веков: международ. коллоквиум*, Санкт–Петербург, 14–17 июля 2004 г. СПб., 2009, С. 323–335.

29. *Курцев А.Н.* Западные беженцы в русской деревне (1914–1917 гг.) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. М., 2001. С. 87–89.
30. *Курцев А.Н.* Количество беженцев в российских регионах на 1916–1917 гг. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: сб. науч.тр. IV Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 8 дек. 2006 г.). Т.2. Белгород, 2007. С. 127–135.
31. *Курцев А.Н.* Оказание помощи беженцам Первой мировой войны в Центральном Черноземье // Российская провинция и ее роль в защите Отечества: материалы конф. посвященной 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Кострома, 1995. С. 44–48.
32. *Курцев А.Н.* О числе беженцев Первой мировой войны в России // Россия в мировых войнах XX века: материалы науч. конф., Москва, 26–27 сент. 2001 г. М.; Курск, 2002. С. 321–340.
33. *Курцев А.Н.* Прибытие беженцев Первой мировой войны в южную полосу Центрального Черноземья (1915 год) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: материалы науч.-практ. конф., Белгород, 1996. С. 47–49.
34. *Курцев А.Н.* Решения всероссийского Съезда общественных деятелей по вопросам помощи беженцам от 7–10 апреля 1917 г. // Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России: сб. науч.тр. Вып. 4. Курск, 2007. С. 104–116.
35. *Лахарева Н.В.* Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. 205 с.
36. *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг. (на примере Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999. 28 с.
37. *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны: дис. ... канд.ист.наук. СПб., 2000. 226 с.
38. *Матвеева Н.Л.* Деятельность Комитета великой княжны Татьяны Николаевны в годы Первой мировой войны // История российской монархии: Мнения и оценки: материалы 18 всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2000. С. 139–142.
39. *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой: Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2001. 448 с.
40. *Павлова О.В.* Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 303 с.
41. Последняя война императорской России и Курская губерния: социально-экономические процессы в провинции: монография / под ред. *В.В. Коровина*. Курск, 2014. 204 с.
42. *Раздорский А.И.* Благотворительная деятельность населения Курской губернии в первый год Первой мировой войны (по материалам всеподданнейшего отчета курского губернатора А.К. Багговута за 1914 г.) // Первая мировая война в судьбе России и народа: 100 лет осмысления. Курск, 2014. С. 63–72.
43. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. *Ю.А. Петров*. М., 2014. 982 с.

44. *Смирнов Н.Н.* На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 г. СПб., 1994. 410 с.
45. *Терещенко А.А.* Беженцы Первой мировой войны в городах Курской губернии // Курская губерния и куряне в Первой мировой войне: Курский военно-исторический сборник. Вып. 14. Курск, 2014 г. С. 85–88.
46. *Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 23 с.
47. *Цовян Д.Г.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
48. *Хасин В.В.* Миграционные процессы в Российской Империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999. 189 с.
49. *Щетинина А.С.* Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 204 с.
50. *Щетинина А.С.* Беженцы Первой мировой войны на Алтае (1917–1930 гг.) // Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 111–116.
51. *Щеров И.П.* Военная миграция в России 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 32 с.
52. *Щеров И.П.* Организация и деятельность Коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае (1914–1921 гг.) авт. реф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 15 с.

Д.В. Ливенцев,
доктор исторических наук,
профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин
Воронежского государственного медицинского
университета им. Н.Н. Бурденко

**Н.Н. БУРДЕНКО НА ФРОНТАХ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914–1917 гг.)**

25 августа 1914 г. Министерство народного просвещения дало официальное разрешение на работу Н.Н. Бурденко в качестве хирурга на театре военных действий. Уже 2 сентября Николай Нилович поступает в распоряжение «Главного управления русского общества Красного Креста» и назначается помощником заведующего медицинской частью при армиях Северо-Западного фронта. Затем 9 сентября состоялась командировка в город Вильно, связанная с организацией перевязочно-эвакуационного пункта. Одновременно участвует в создании

таких же пунктов на линии фронта Вержболово – Эйдукнен – Инстербург – Даркемен и при отступлении русских войск от Ковно [13, с. 23].

В октябре 1914 г. Н.Н. Бурденко находится среди участников Варшаво-Ивангородской боевой операции, а после в ноябре месяце в сражении под Лодзью. Собственно, участие в боевых действиях под Лодзью стало для полевого хирурга первым настоящим делом: «... Работа была канцелярской, я страшно тяготился ею и вскоре получил назначение консультантом в учреждениях Красного Креста в армию, действовавшую в районе Лодзи, Жирардова. Здесь пришлось все организовывать, выводить из хаоса, налаживать деятельность летучек, самому работать в них и расставлять подвижные лазареты поближе к фронту» [14, с. 60–61]. Впоследствии он обобщил в своей статье за 1938 г. «Об организации госпитализации и эвакуации в Лодзинской операции» первые уроки фронтов мировой войны [5, с. 74].

Кстати, Николай Нилович интересовался дальнейшим боевым путем военно-санитарных организаций, участвовавших в Лодзинском сражении, о чем свидетельствуют документы из его личного фонда: «Список военно-лечебных краснокрестных и других учреждений, работающих под флагом красного Креста при 2-й действующей армии во время Лодзинских боев на 1 января 1915 г.» [2, л. 1–10].

Тогда же сформировалось первое представление Н.Н. Бурденко об отвратительной организации русской военно-санитарной службы: «...Мне часто приходилось отрываться от хирургической работы для участия в заседаниях и для посещения фронта, летучек. Военно-санитарная организация была ниже всякой критики. Начальником санитарной службы был какой-то отставной генерал, который хорошо разбирался в вопросах виолончельной игры и плохо или вернее совсем не понимал вопросов санитарной службы». До конца 1914 г. он активно работает в госпиталях Варшавы и Гройцев.

Январь 1915 г. начинается для Николая Ниловича с докладов об операциях при транспортировке раненых в живот на собрании полевых хирургов армий Северо-Западного фронта [6, с. 379].

В феврале – марте 1915 г. Н.Н. Бурденко трудится хирургом-консультантом Красного Креста при армиях Северо-Западного фронта и проводит операции в вильненском госпитале.

Вскоре последовали первые заслуженные награды. Приказом армиям Северо-Западного фронта от 16 марта 1915 г. № 795 за самоотверженную работу в российском обществе Красного Креста Николай Нилович получил орден Святой Анны 3-й степени с мечами (наличие мечей подчеркивало боевое значение ордена – Авт.). Практически сразу 6 апреля 1915 г. последовал приказ армиям Северо-Западного фронта за № 940, удостоивший Н.Н. Бурденко за его деятельность на фронте ордена Святой Анны 2-й степени.

6 августа 1915 г. следует назначение Н.Н. Бурденко хирургом-консультантом 2-й армии Западного фронта [15, с. 78]. Одновременно он исполняет должность Особоуполномоченного в Риго-Ковенском районе. Во второй половине 1915 г. Николай Нилович в связи с воспалением среднего уха перево-

дится в Петроград. В столице Н.Н. Бурденко продолжает работать в госпиталях Красного Креста и назначается старшим врачом 2-го Георгиевского госпиталя. Важным событием в жизни хирурга стало избрание членом и докладчиком комиссии по пересмотру норм санитарного и хозяйственного снабжения армии, образованной при «Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства».

Вообще работать Н.Н. Бурденко на фронтах было весьма сложно, о чем свидетельствуют воспоминания военного хирурга: «...Вспоминается такой эпизод. Во время операции получаю приказание встретить принца Ольденбургского и подать ему рапорт. Я предложил дежурному врачу пригласить принца в операционную. Врач, очевидно, не решился, и меня вызвали вторично. Окончив операцию и наложив повязку, я явился к принцу Ольденбургскому в халате, перчатках и белой шапочке. Я ему доложил о безобразной работе военно-санитарного управления, ведущей к гибели тысяч раненых солдат. Принц внешне серьезно отнесся к докладу и, обращаясь к начальнику санитарной части, дряхлому генералу, грозно сказал:

– Вот видите, что вы наделали! Я вас научу, как работать!

Конечно, все осталось по-старому...» [14, с. 62].

Февраль 1916 г. начинается для Николая Ниловича с доклада на заседании лечебной комиссии при Главном управлении Красного Креста: «О необходимости введения предупредительных против столбняка прививок всем раненым с загрязненными ранами» [7, с. 7]. В личном фонде выдающегося хирурга до сих пор есть полный текст сообщения: «О предохранительных прививках против столбняка 12 февраля 1916 г.» [1, л. 1–12]. 10 марта он читает доклад в «Петроградском обществе врачей военного времени» [8, с. 716] на тему: «Первая помощь на фронте» [9, с. 757–758]. Однако Николай Нилович последовательно продолжает борьбу со столбняком на фронте. 17 марта 1916 г. он делает еще одно обстоятельное сообщение на заседании лечебной комиссии при Главном управлении Красного Креста.

Затем в апреле месяце состоялось сообщение на Пироговском съезде санитарных врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов: «О передовых отрядах и их роли в общей организации помощи раненым и больным войнам» [10, с. 454–455].

В августе 1916 г. Н.Н. Бурденко назначается хирургом-консультантом при Главноуполномоченном Красного Креста при армиях Северного фронта. Работая в Риге, Николай Нилович принимает общий надзор за больными, отравленными в результате газовых атак на Северном фронте. 25 октября он делает доклад о случаях отравления газами после германских атак [11, с. 77–78]. В его личном фонде есть полный текст сообщения «По поводу газовой атаки 25 сентября 1916 г.» [3, л. 1–27]. Как сообщал заведующий медицинской частью Красного Креста на Северном фронте доктор медицины С.К. Соловьев: «...Общий надзор за отравленными взял на себя профессор Н.Н. Бурденко. Отсутствие лечебного заведения с достаточным количеством свободных мест препятствовало сосредоточить всех больных [т.е. пострадавших от отравления газами. – Д.Л.] в одном

месте, что, разумеется, имело бы громадное значение в целях единства лечебных мероприятий и полного использования материала в научном отношении.

Более того, профессор Н.Н. Бурденко принимает решение опубликовать собственные исследования по влиянию отравляющих газов на человеческий организм. Итогом деятельности Н.Н. Бурденко во время Первой мировой войны при царской власти могут служить слова Н.Н. Бурденко: «...Работать было трудно. Было много суеты, мелкого честолюбия, интриг. Многие из администраторов в Варшаве были немецкого происхождения: барон Корф, барон Тивенгаузен, барон Титров, фон-Минцов, Эссен, Утгоф, Грессер, Раут-Траунбенберг и др.» [14, с. 63].

В январе – феврале 1917 г. Н.Н. Бурденко избирают председателем организационного бюро съезда врачей общественных организаций и военного ведомства. Однако, к сожалению, данный съезд для координации усилий всех медработников не состоялся. Несмотря на инертность царской бюрократической системы, некоторые начинания Николая Ниловича находят поддержку у власти. 14 февраля 1917 г. он получает удостоверение об отпуске за № 11058, выданное в Пскове заведующим медицинской частью Красного Креста при армиях Северного фронта. Краткосрочный отпуск по просьбе медицинского факультета Юрьевского императорского университета и с разрешения Главноуполномоченного «Российского общества Красного Креста» при армиях Северного фронта экстраординарный профессор Н.Н. Бурденко посвящает чтению лекций для студентов, в которых передает собственный уникальный опыт, приобретенный на театре боевых действий. В том же месяце военный хирург избирается в редакционную коллегию научного сборника «Материалы по вопросам военно-полевой санитарии и хирургии».

События Февральской революции привели к серьезным изменениям в государственном управлении. На волне революционных назначений 7 марта 1917 г. Николай Нилович становится приказом по армии и флоту исполняющим обязанности Главного военно-санитарного инспектора. На новом посту военный хирург Н.Н. Бурденко сразу энергично решает устранить все мешавшее ему работать ранее: «...Наконец, пришлось сменить руководителей санитарной службы, не понимавших основ военно-санитарного дела и проявлявших казенный оптимизм» [14, с. 64]. Тогда же он выступает на заседании Главного управления «Российского общества Красного Креста» по вопросу об установлении согласованных медико-санитарных и хозяйственно-административных мер всех общественных организаций, что приводит его к избранию в состав членов Главного управления Красного Креста. Вскоре Н.Н. Бурденко еще избирают и председателем организационного бюро по созыву съезда врачей в районе 12-й армии.

Главный военно-санитарный инспектор пытается привлечь к своей деятельности коллег по Юрьевскому университету. Вот циркуляр декана медицинского факультета Юрьевского университета от 18 апреля 1917 г.: «...Прилагая при сем отношение исполняющего должность Главного санитарного инспектора проф. Н.Н. Бурденко с приглашением г.г. профессоров и младших преподавателей на военно-санитарную службу в предстоящее летнее вакационное время, по

постановлению медицинского факультета от 17-го сего апреля, честь имею просить г.г. профессоров и младших преподавателей сообщить в медицинский факультет до 24-го сего апреля желательные сведения, с указанием срока, с какого пожелавший может принять участие в военно-санитарной работе» [4, 1. 38]. В качестве Главного военно-санитарного инспектора на заседании «Объединенного комитета военно-санитарных организаций Северного района» Николай Нилович предлагает проект об уравнивании в правах женщин-врачей с мужчинами военными хирургами и призыве бездетных женщин-врачей в возрасте до 40 лет на обязательную государственную службу.

В мае 1917 г. он выступает на совещании представителей врачебно-санитарных организаций с докладом: «К вопросу об устройстве управления в военно-санитарном ведомстве». Н.Н. Бурденко считал пересмотр «Положения о санитарной части» своей первоочередной задачей на занимаемом ответственном посту. Доклад новый начальник военно-санитарной службы начал со следующего вступления. Отдельно подчеркивалась ответственность военных врачей за санитарное состояние армии: «...Мы, врачи, не можем посадить на скамью подсудимых перед судом истории рядом с собой лиц, которые, в силу своего чисто образовательного ценза, будучи чуждыми вопросам санитарии и медицины, не могут в равной с нами мере разделить ответственность за недостатки нашего дела» [12, с. 22]. Одновременно на совещании при «Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части» Главный военно-санитарный инспектор Н.Н. Бурденко предлагает новые принципы комплектования штатов военных врачей. Уделил внимание Главный военно-санитарный инспектор Н.Н. Бурденко и статистической деятельности вверенного ему ведомства.

Увы, но управлять ему осталось недолго, уже 27 мая 1917 г. указом Временного правительства, данным Правительствующему сенату, Николай Нилович увольняется от исполнения обязанностей Главного военно-санитарного инспектора армии и флота. Однако в конце своей административной деятельности на высоком посту профессор Н.Н. Бурденко совершает еще одно важное дело. Он подает доклад военному министру «Об учреждении на фронтах должностей консультантов-венерологов».

Многие полезные начинания Н.Н. Бурденко после его снятия с должности не были внедрены в практику. Несмотря на это, Н.Н. Бурденко 9 июля 1917 г. на совещании при новом Главном военно-санитарном инспекторе вносит ряд предложений по реорганизации эвакуации раненых. 6 августа 1917 г. профессор Н.Н. Бурденко выступает на заседании «Центрального военно-санитарного совета фронтов при Управлении Главного полевого санитарного инспектора в Ставке» с сообщением, относящимся к лечению различных заболеваний во фронтовых условиях. Тогда же он назначается хирургом-консультантом и главным врачом эвакуационного приемника в городе Риге. Однако в данном случае Николай Нилович уже уходит от активной деятельности фронтового хирурга, что подтверждается его избранием на должность ординарного профессора по кафедре факультетской хирургии Юрьевского университета.

Сам Н.Н. Бурденко оценивал результаты собственной профессиональной деятельности в Первой мировой войне следующим образом: «...Что же мне удалось провести в первую войну на своем участке? Принцип специальной помощи; сортировку по диагнозу; эвакуацию по назначению; начать оперировать первичные ранения живота; применять закрытый шов при мозговых ранениях; основать в Военно-промышленном комитете отдел снабжения инструментами и аппаратурой военно-лечебных учреждений; организовать борьбу с сифилисом, ввести фронтовых консультантов по венерическим заболеваниям, представить проект санации сифилитиков» [14, с. 67].

Первая мировая война в полной мере раскрыла таланты профессора Н.Н. Бурденко как военного хирурга. Помимо практических медицинских вопросов, связанных с газоотравлениями и столбняком, Николай Нилович приобрел уникальный административный опыт. Он решал многочисленные проблемы – организация эвакуации раненых, санитарное обеспечение войск, профилактики венерических заболеваний на фронтах и кадрового обеспечения военно-лечебных заведений. Усилия Н.Н. Бурденко в военно-медицинской сфере были оценены по достоинству царским правительством, наградившим хирурга орденами Святой Анны 2-й и 3-й степени, а временное правительство назначило его Главным военно-санитарным инспектором. К сожалению, объективные разногласия в обеспечении военно-медицинского дела приводили к многочисленным конфликтным ситуациям между талантливым военным хирургом и представителями российской администрации в годы Первой мировой войны. Возможно, в этом кроется причина недолгого пребывания Николая Ниловича на посту Главного военно-санитарного инспектора, что помешало энергично осуществить целый ряд необходимых преобразований в организации военно-медицинского дела в тылу и на фронте.

Источники и литература:

1. Военно-медицинский музей (далее: ВММ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 46972.
2. ВММ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 47671.
3. ВММ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 49405.
4. Императорский Тартуский Университет. F. nr. 402. Nim. nr. 1. Su. nr. 3528.
5. *Бурденко Н.Н.* Об организации госпитализации и эвакуации раненых в Лодзинской операции // Военно-медицинский журнал. 1938. № 6.
6. *Бурденко Н.Н.* Об операциях и транспортировке раненых в живот. Доклад на заседании врачей района военных действий в армии Северо-западного фронта (1.11.1915 г.) // Русский врач. 1915. № 16.
7. *Бурденко Н.Н.* О предохранительных прививках против столбняка и раневых инфекций. Петроград, 1916.
8. *Бурденко Н.Н.* К общей характеристике первой помощи на фронте // Русский врач. 1916. № 30. С. 716.
9. *Бурденко Н.Н.* Общая характеристика организации первой помощи на фронте за первый год войны 1914 – 1915 гг. // Врачебная газета. 1916. № 46. С. 757–758.

10. *Бурденко Н.Н.* О передовых отрядах и их роли в общей организации помощи раненым и больным воинам // *Медицинское обозрение*. 1916. Т. 85.
11. *Бурденко Н.Н.* По поводу газовой атаки 25 сентября 1916 г. // *Материалы по вопросам военно-полевой санитарии и хирургии*. 1917. № 1.
12. *Бурденко Н.Н.* К вопросу об устройстве Управления в военно-санитарном ведомстве. Доклад совещания 20–24 мая 1917 г. представителей объединений врачебно-санитарных губерний, областей, фронтовых и армейских, созванное Советом при Комиссаре по Управлению верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Петроград: Центральный врачебно-санитарный совет. Сенатская типография, 1917.
13. *Багдасарьян С.М.* Бурденко Н.Н. Выдающиеся деятели отечественной медицины и здравоохранения. М., 1967.
14. *Багдасарьян С.М.* Материалы к биографии Н.Н. Бурденко (1876–1946 гг.). М., 1950.
15. *Багдасарьян С.М.* Николай Нилович Бурденко. М., 1954.

А.Н. Манжосов,

кандидат исторических наук,

член-корреспондент Академии военно-исторических наук;

В.В. Коровин,

доктор исторических наук,

профессор кафедры конституционного права

Юго-Западного государственного университета

А.Ю. Золотухин,

кандидат исторических наук,

учитель МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 15» (г. Курск)

УЧАСТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПЕРЕВОЗОК НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С первых дней войны Российская империя была поделена на две части – прифронтовую полосу (театр военных действий) и тыл. Первая охватывала территорию примерно в 300 верст вглубь страны от линии фронта. Здесь вся власть принадлежала Ставке Верховного главнокомандующего, и действовали законы военного времени. На остальной территории России применялись законы мирного времени, и работала прежняя администрация. Это привело к коренным изменениям в эксплуатации железнодорожного транспорта. В ведение военных властей сразу перешло 22,0 тыс. верст железных дорог (33,0 % всей сети). На фронтовых дорогах уже в первые месяцы войны оказалось 166,0 тыс. вагонов и 7,0 тыс. паровозов. Помимо командирования на театр военных действий (ТВД) подвижного состава, в соответствии с мобилизационным планом с

тыловых дорог было направлено свыше 23,0 тыс. инженеров, техников, мастеров, что значительно ослабило персонал дорог Восточного района (так в терминологии тех лет именовалась территория вне ТВД).

Дни мобилизации стали серьезной проверкой состояния путей сообщения. Она потребовала огромного напряжения сил. Для перевозки войск в июле – августе 1914 г. были задействованы 50,0 % пассажирских вагонов I и II классов и до 15,0 % вагонов III и IV классов. Так как для сбора вагонов (частично путем временного прекращения движения пассажирских поездов) потребовалось время, пик военных перевозок пришелся на 8–12-й день мобилизации. На 12-й день 32 железные дороги достигли максимально возможного уровня движения поездов [20, с. 157].

По признанию всех специалистов, мобилизация в Российской империи прошла успешно. Перевозка войск и военных грузов совершалась по графику. Восемь дорог перевыполнили мобилизационное задание. Для перевозки войск использовали большую часть подвижного состава. В дни мобилизации в западном направлении проследовало свыше 3 500 воинских эшелонов. 5 сентября 1914 г. министр путей сообщения доложил царю, что благодаря самоотверженному труду железнодорожников воинские эшелоны идут на фронт «со всей необходимой быстротой и точностью» [22, с. 19].

С началом Первой мировой войны обнаружилось, что железные дороги России оказались явно не подготовленными к военному времени. Российские железные дороги встретили войну с дефицитом подвижного состава, устаревшими технологиями формирования поездов, разгрузки и погрузки различных грузов, прежде всего необходимых для ведения боевых действий. Уже в первые месяцы начавшейся войны по размеру грузооборота отставала Россия от США в 8, а от Германии – в три раза. Так, зимой 1914 года на дорогах России скопилось примерно 8,0 тыс. вагонов залежавшихся грузов. К 1916 году их число возросло почти в 18 раз и достигло 147,0 тыс. [17, с. 71]. Причина всего этого была не в недостатке грузов, а в крайне низкой пропускной способности участков российских железных дорог.

В связи с нападением Австро-Венгрии на союзницу России – Сербию 28 июля 1914 года была объявлена всеобщая мобилизация. 16–20 суток после объявления войны составили ее начальный период, в ходе которого воюющие страны (в том числе Россия) осуществляли мобилизационное и стратегическое развертывание главных сил [18, с. 44]. Но, необходимо подчеркнуть, что уже в первый период войны транспортная ситуация явно складывалась не в пользу России. Так, к западным границам Российской империи со стороны Германии и Австро-Венгрии подходили 32 железнодорожных линии, 14 из которых имели по две колеи. По территории России шли лишь 13 линий к границе (из них 8 были двухпутными). Это позволило противникам сосредоточить свои главные резервы на русской границе через 13–15 дней. А России для этого требовалось 25–26 дней, т. е. по времени в два раза дольше [19, с. 204–205; 21, с. 20].

Первый тревожный сигнал о неблагоприятном положении прозвучал осенью. В дни мобилизации 32,0 тыс. вагонов с коммерческими грузами при-

шлось разгрузить, а еще 28,0 тыс. вагонов задержать на станциях в уже погруженном состоянии [1, л. 18]. На станциях стали образовываться скопления грузов. Работа транспорта не была равномерной по месяцам. Во второй половине лета и осенью традиционно возрастали перевозки нового урожая и топлива для пополнения запасов на зиму. В 1914 г. страна получила хороший урожай, но из основных продовольственных губерний вывезти его в полном объеме не удалось, так как железные дороги были заняты военными перевозками. Погрузка хлеба за второе полугодие 1914 г. по сравнению с теми же месяцами 1913 г. сократилась с 712,0 тыс. вагонов до 353,0 тыс. И уже к концу 1914 г. страна столкнулась с продовольственным кризисом. Всего по итогам 1914 г. не было перевезено до 2 млрд пудов грузов [22, с. 43]. Такое резкое сокращение перевозок оказало негативное влияние на промышленное производство и торговлю, стало толчком к росту цен и спекуляции.

Условия военного времени вызвали необходимость в поездах-банных, поездах-прачечных, поездах-столовых. Вагоны также передавались под склады имущества, жилье, магазины, аптеки и т. д. В них размещались авиационные и другие мастерские. Подвижной состав использовался для организации бронепоездов. На все это потребовалось большое количество паровозов и вагонов [20, с. 158].

К началу Первой мировой войны уже действовала единая служба военных сообщений России во главе со специальным отделом ВОСО Главного Управления Генерального штаба. Также имелись окружные органы, входившие в структуры штабов военных округов, и, линейные, ведавшие передвижением войск по группам железных дорог, с комендатурами на крупных станциях военно-стратегического значения. Незадолго до начала войны, 16 июля 1914 г., было утверждено Положение о полевом управлении войск в военное время. Согласно этому документу руководство путями сообщения на театре военных действий сосредоточивалось в военном ведомстве. Представителями последнего стали полевые органы ВОСО [16]. Главнейшей задачей органов военных сообщений являлось обеспечение театра военных действий путями сообщения, для маневренности русских армий.

На органы ВОСО также возлагались функции скорейшего продвижения эшелонов с мобилизованными резервами на театр боевых действий. На линиях представителями управления военных сообщений были заведующие передвижениями войск данного района (штаб-офицеры Генерального Штаба), и коменданты крупных станций. Заведующие передвижениями войск железнодорожного района действовали совместно с мобилизационными отделами дорог, составляли планы посадки и высадки войск, наблюдали за своевременностью продвижения воинских частей и грузов. Все распоряжения комендантов станций, относившиеся к перевозкам войск, были обязаны исполняться всеми командирами частей. Командиры частей на путях следования не имели права отменять распоряжения комендантов или отдавать им какие-либо приказания. Коменданты пользовались правами уездного воинского начальника и вели учет

военнослужащих, состоящих на железнодорожной службе, заведовали продовольственными пунктами на станциях погрузки.

С первых часов начального мобилизационного периода войны, железнодорожникам пришлось испытать трудности в обеспечении воинских перевозок. Так, воинские части, расквартированные на территории Курской губернии (например, полки 44-й пехотной дивизии, дислоцированные в Курске и Белгороде), направлялись в Луцк. Команды мобилизованных – в армии Западного и Юго-Западного фронтов, а также в различные гарнизоны и флоты России (Черноморский, Балтийский, Тихоокеанский).

Анализ маршрутов следования команд с курскими новобранцами в летние и осенние месяцы 1914 года дает представление об обширной географии их движения по территории Российской Империи. Так, команда № 7, собранная из жителей Фатежского уезда (110 человек), 17–18 ноября 1914 г., направлялась в Калугу для прохождения службы в составе 74-го инженерного запасного батальона. Команда новобранцев из Мало-Архангельска направлялась в части гвардии, в 1-й железнодорожный полк, располагавшиеся в Петрограде, для службы на некоторых кораблях Балтийского флота. Маршевые команды новобранцев № 1, 2, 3 (всего 191 человек), сформированные из жителей Тимского уезда, уезжали в Кронштадт, Севастополь, во Владивосток для службы в 11-м Сибирском пехотном полку, в артиллеристских и телефонных частях, обслуживавших флотские экипажи [15, л. 165, 172, 175, 177–178 об.].

Удалось выяснить, что перевозка этих команд осуществлялась по участкам Московско-Курской, Московско-Киево-Воронежской, Южной, Сызрано-Вяземской железных дорог. Основными станциями погрузки и отправления для них были: Поныри (Московско-Курская), Щигры (Московско-Киево-Воронежская) и Солнцево (Южная) железные дороги [15, л. 165–165 об., 172–172 об., 175, 177–177 об., 178–179 об.].

Согласно старым русским традициям новобранцы, уходившие служить в армию, а также их многочисленные родственники еще до поездки «заправлялись» спиртными напитками до явного неприличия. Поэтому на железнодорожных станциях губернии участились случаи нападения на станционные ларьки и буфеты, в которых всегда в обилии продавалось спиртное.

16 августа 1914 г. губернаторы Москвы, Калуги, Орла, Тулы, Киева, Чернигова, Курска, Воронежа и Харькова получили телеграфное указание начальника штаба Отдельного корпуса жандармов полковника В.П. Никольского, в котором подчеркивалось: «Ввиду применения Положения о подготовительном в войне периоде и начавшихся массовых перевозках войск и запасных нижних чинов, прошу отдать распоряжение о закрытии винных лавок, всех заведений, производящих торговлю спиртными напитками, находящихся вблизи полосы отчуждения [железных дорог]» [14, л. 46].

В тот же день курский губернатор Н.П. Муратов отдал соответствующее распоряжение о прекращении торговли спиртными напитками в районах, прикрепленных к станциям [14, л. 49]. Но неразбериха и самоуправство, в мирное

время не встречавшиеся на железных дорогах, продолжали лихорадить всех станционных и служащих и членов поездных бригад.

5 сентября 1914 года высокопоставленные железнодорожные чины во главе с Управляющим Юго-Восточными железными дорогами вынуждены были обратиться в адрес курского губернатора Н.П. Муратова со специальным письмом: «С объявлением мобилизации армии на вверенных мне дорогах развился безбилетный проезд запасных нижних чинов и ополченцев, членов их семейств и родственников, идущих на сборные пункты для свиданий, – подчеркивалось в документе. – Для проезда по железным дорогам без билетов родственники запасных нижних чинов и ополченцев снабжаются удостоверениями от местных военной и гражданской администрации, в том числе от полицейских управлений, волостных и сельских правлений и от отдельных административных лиц, до сельских старост включительно...» [14, л. 116–116 об.].

Управляющий Юго-Восточными дорогами особо замечал, что «выдача таких удостоверений не предусмотрена ни законом, ни действующими железнодорожными правилами». Представляется непонятным, чем руководствуются учреждения и должностные лица, выдающие такие документы. Более того, железнодорожные чиновники, сообщали и об участившихся случаях оказания сопротивления железнодорожникам, которые не пускали безбилетных пассажиров для посадки в вагоны. Отмечались и факты самовольного захвата вагонов в поездах, проходящих через узловые станции. Руководство Юго-Восточной железной дороги просило курского губернатора оказать содействие в наведении порядка силами полиции, в том числе для пресечения подобных нарушений.

8 сентября 1914 года в качестве ответа на послание губернатор Н.П. Муратов направил земским начальникам, уездным исправникам и Курскому полицмейстеру Н.В. Волкову распоряжение «о прекращении выдачи сих удостоверений подведомственными учреждениями и должностными лицами». Оно содержало указание всем полицейским чинам губернии принять меры к лицам, оказывающим «Сопротивление железнодорожникам и прибегающим к насилию и вторжению в проходящие поезда...» [14, л. 119–119 об.].

С сентября 1914 г. основные железные дороги Курской губернии были объявлены на положении чрезвычайной охраны. Здесь действовали особые комитеты, возглавляемые начальниками казенных или управляющими частных дорог. Но все же проблем с перевозкой военнослужащих (особенно низших чинов), становилось все больше.

Со станций, расположенных на территории губернии, приходили частые сообщения о безобразии военнослужащих. Так, на ст. Ворожба М.-К.-В. ж.д. после третьего кондукторского звонка 15 низших чинов железной дороги бросились к вагонам отправляемого поезда. Они вскочили на подножки уже закрытых вагонов. Дежурный по станции подал сигнал для остановки поезда. Когда тот остановился, многие военнослужащие разбежались (за исключением трех, предъявивших поезда билеты) [11, л. 228–228 об.].

3 марта 1915 г. начальник Харьковского жандармско-полицейского управления Южных железных дорог послал телеграммы на ряд узловых стан-

ций Курской губернии. В них он указывал: «Высшие воинское начальство обратило внимание, что низшие воинские чины самовольно отлучаются из частей, уезжают в поездах по железным дорогам одиночным порядком из мест расположения частей» [11, л. 230]. В аналогичных телеграммах начальника службы движения Южных железных дорог содержались требования к станционным и поездным агентам, чтобы «при посадках в поезда и на станциях в пути» они сообщали местным или попутным жандармским унтер-офицерам о следующих в вагонах поезда отдельных низших чинах» [11, л. 229–230].

Постепенно железнодорожные служащие и жандармы начали сталкиваться с массовым проездом безбилетных пассажиров, особенно в воинских и санитарных поездах. Чаще всего «застрельщиками» таких грубейших нарушений перевозочного процесса становились железнодорожники.

Жандармские офицеры и станционные служащие не успевали пресекать нарушения, допускавшиеся железнодорожными рабочими и местными крестьянами. В протоколах заседаний Особого комитета при Управлении МКВ железной дороги в 1914–1915 годах постоянно фиксировались подобные происшествия. Так, 24 марта 1915 г. на станции Льгов М.Ф. Борщов – рабочий фермы князя В.А. Барятинского вскочил на подножку уходящего санитарного поезда «с целью прокатиться». Но не удержался, ухватившись за поручни вагона, и упал. Нога попала под вагонное колесо, от чего сильно была повреждена ступня.

24 апреля 1915 г. на станции Глушково после отправления поезда с военнопленными австрийцами, на тормозную площадку хвостового вагона заскочил житель села Кульбаки Н.С. Феденко. На требование главного кондуктора покинуть поезд, он ответил отказом и бранью. Когда состав был остановлен, Феденко силой удалили с площадки.

Несмотря на запреты, посторонним приближаться к проходящим поездам с военнопленными, 24 мая 1915 г. во время стоянки такого поезда на станции Дьяконово, местные крестьяне, возглавляемые Н.И. Андросовым, явились на платформу, и подошли к вагонам. Их смогли выпроводить со станции только с помощью жандармов [5, л. 300; д. 36, л. 308, 312–312 об.; 7, л. 93, 531–531 об.].

На станциях значительные трудности вызвало обеспечение питанием военнослужащих проходящих эшелонов и раненных воинов, перевозимых в военно-санитарных поездах.

7 октября 1914 года постановлением особого комитета М.-К.-В. железной дороги было запрещено повышать цены на основные продукты «в пределах полосы отчуждения железной дороги» [9, л. 20, 90].

Повсеместно с железных дорог России в Ставку Верховного командования поступали жалобы о явных трудностях в продаже продуктов на железнодорожных станциях.

30 октября 1914 г. Верховный начальник санитарно-эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский (это родственник сестры Николая II – Великой княгини Ольги Александровны) утвердил правила «О продаже съестных припасов воинским чинам на станциях железных дорог». Они вступили в силу 4 ноября

1914 года. Этим документом регламентировались основные положения в проведении станционной торговли продуктами для военнослужащих

Так, торговля осуществлялась только в полосе отчуждения железных дорог или особых местах близ неё. Над местами, где велась торговля, должны устанавливаться вывески с надписью: «Продажа съестных продуктов для воинских чинов по установленным ценам». Вечером и ночью эти места должны были быть освещенными. Торговцы обязаны были выкладывать продаваемые продукты на лотках и содержать их с должной аккуратностью, прикрытыми чистыми полотенцами. За место, отводимое для продаж припасов военнослужащим, плата с торговцев не взималась. Особо подчеркивалось, что «для обеспечения военно-санитарных эшелонов» продавцы должны были посылать своих подручных к вагонам «для продажи продовольствия из корзин» [9, л. 263–264 об., 437–438, 451–451 об.; 10, л. 209–210 об., 211].

С целью улучшения организации продажи и качества съестных продуктов войскам и раненым на станциях Московско-Киево-Воронежской дороги, 2 ноября 1914 г. Управляющий дорогой Г.Ф. Энман подписал обращение к руководителям участков пути [10, оп. 60, д. 34, л. 17]. Всем было дано задание выработать предложения по указанным вопросам.

15 ноября 1914 г. Особый комитет при Управлении М.-К.-В. ж.д. рассмотрел следующие вопросы: 1 – На каких станциях дороги требуется устройство навесов для торговли съестными продуктами; 2 – Какой площади должен быть указанный навес и где изыскать средства для их установки; 3 – По какой цене должны быть отпускаемые с лотков продукты воинским чинам [9, л. 304].

24 декабря 1914 г. в приказе № 343 «О продаже съестных припасов воинским чинам «на Московско-Киево-Воронежской дороге было определено 38 станций, на которых следовало устанавливать типовые навесы. 7 из них – Путивль Коренево, Льгов-1, Курск-2, Кшень, Мармыжи и Щигры располагались на территории Курской губернии.

11 апреля 1915 г. приказ Управляющего М.-К.-В. железной дорогой «О продаже съестных припасов воинским чинам» серьезно ужесточил правила продажи продуктов на станционных объектах [10, л. 45, 207–208].

Продажа товаров согласовывалась с местными управами, или же устанавливались ориентировочные цены. Так, один фунт (410 гр) черного хлеба стоил от 2,5 до 4 копеек, белого – от 3 до 6 копеек. Ветчина варенная (1 фунт) продавалась за 55 копеек, колбаса – по 28 копеек, птица вареная и жареная – от 65 до 80 копеек, сало свиное – за 26 копеек. Рыба вареная и жареная – от 10 до 25 копеек за штуку; молоко кипяченое (четверть) по 35–40 копеек. Сахар колотый за пуд стоил 5 рублей 80 копеек; пуд соли – по 40–45 копеек; чай в упаковке (1 фунт) – от 1 рубля 50 копеек до 4 рублей [10, л. 17–17 об.]. Длительное время цены на продовольственные товары держались в указанных пределах, и регулировались лицами, имевшими особое разрешение на торговлю на железнодорожных объектах [11, л. 263, 327; 12, л. 128].

Разложение трудовой дисциплины среди железнодорожных рабочих и служащих, особенно в начале 1915 года, требовало суровых мер администрации

железных дорог. 16 марта 1915 г. был оглашен приказ Управляющего М.-К.-В. железной дороги № 78 «О чрезвычайных мерах».

В нем подчеркивалось, что служащие «за самовольное оставление службы или неявку в назначенный срок без уважительных причин к исполнению служебных обязанностей, подвергаются заключению в тюрьму на время от 4 до 8 месяцев».

11 апреля 1915 г. Управляющим дорогой Г.Ф. Энман подписал приказ № 105 «О чрезвычайных мерах охраны дороги». На дороге было организовано 7 участковых комитетов (среди них Курский, во главе с начальником 2-го участка пути инженером В.А. Ралем) [12, л. 127–127 об., 129–129 об., 132–133; 3, л. 55].

11 мая 1915 года по всем станциям и ремонтным предприятиям М.-К.-В. железной дороги было разослано постановление Особого комитета при Управлении дороги от 25 апреля 1915 года. Этим постановлением ужесточались правила поведения железнодорожников на своих предприятиях, на территории продовольственных пунктов, при встрече и сопровождении воинских поездов. Запрещались беседы с военнослужащими по любым вопросам прохождения службы, состояния командного состава, итогах боевых действий, в которых они участвовали. Особо запрещались беседы о понесенных потерях в боях, о моральном составе армии, о мерах по противодействию немецким шпионам, судах над ними и исполнении приговоров. Запрещались любые контакты железнодорожников с перевозимыми военнопленными. Не допускалось распространения слухов, «могущих внести возбуждение или волнение в среду служащих, мастеровых и рабочих дороги», распространение любых изданий и печатных агитационных материалов [11, л. 263–264].

24 июля 1915 г. приказом № 188 Управляющего М.-К.-В. железной дороги эти правила были серьезно ужесточены [13, л. 208–208 об., 474–475]. Были введены наказания «за слухи, заведомо ложные, возбуждающие тревогу об общественных бедствиях». Запрещался выход публики без билетов к пассажирским и воинским поездам. В телеграммах, отсылаемых за подписью начальника мобилизационного отдела дороги Л.Н. Грузевича-Нечая, начальники станций строго предупреждались об этом [13, л. 328].

На всех железных дорогах губернии с 1914 года была запрещена торговля спиртными напитками, а также появление в нетрезвом виде в полосе отчуждения и помещениях служб железной дороги. Казалось бы, что эти меры должны были способствовать поддержанию строжайшей дисциплины и порядка на железнодорожном транспорте. Однако многочисленные происшествия говорили об обратном. Так, 3 мая 1915 года при следовании грузового поезда на перегоне Лукашевка – Блохино – Льгов-1 из одного из вагонов вывалился пьяный железнодорожник. Это был исполняющий должность помощника машиниста депо Льгов-2 А.Ф. Поляков. При расследовании этого случая железнодорожным властям удалось установить, что он сильно напился с друзьями в Курске в помещении кондукторского резерва. Потеряв ориентир во времени, он сел в пассажирский поезд № 7. Здесь же, на станции Дьяконово был высажен ввиду его

нетрезвого состояния. На станции он без ведома кондукторской бригады залез в пустой вагон стоящего поезда, откуда и вывалился на 375-й версте на участке Курск – Льгов. Машинист пассажирского поезда, курянин И.Я. Солянин, следуя за этим грузовым поездом, едва не наехал на пьяного, лежавшего на путях, но во время смог остановить ведомый им состав. 22 мая 1915 г. А.Ф. Поляков был подвергнут однодневному аресту и отстранен от работы, связанной с движением поездов [11, л. 178–179, 296].

Массовые перевозки раненых и больных российских воинов вызывали интенсивные дополнительные нагрузки на железнодорожную администрацию и служащих станций. Вскоре после их начала по железным дорогам России, было разослано повеление от 28 ноября 1914 г. принца А.П. Ольденбургского, в котором отмечалось, что «с целью предупреждения разноса заразных болезней через раненых и больных, перевозимых в санитарных поездах, последние должны приниматься на станции после пассажирских поездов». Подобная практика распространялась и на поезда с военнопленными [4, л. 1–2].

В конце 1914 г. на железных дорогах губернии также случались инциденты, застрельщиками которых становились раненые военнослужащие. Так, 13 декабря 1914 г. начальник Московско-Киевского жандармско-полицейского Управления в рапорте, направленном на имя Управляющего М.-К.-В. железной дорогой Г.Ф. Энмана, сообщал: «Начальник санитарной части армии Юго-Западного фронта уведомил нас, что... раненые нижние чины, эвакуируемые в санитарных поездах, самовольно оставляют таковые и пересаживаются на пассажирские поезда для следования на Родину» [2, л. 48]. Кондукторским бригадам, сопровождающим пассажирские поезда, «при обнаружении в них раненых без документов», поручалось высаживать таковых на станциях, где имелись лечебные учреждения или сдавать их чинам жандармской полиции. Поэтому руководители железных дорог вынуждены были реагировать на все случаи несвоевременного проследования санитарных поездов.

Так, 9 марта 1915 г. на прошедшем совещании под руководством начальника Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железной дороги В.П. Рейслера, подчеркивалось о беспорядочном движении и частых происшествиях на линиях М.-К.-В. железной дороги, что постоянно затрудняло движение санитарных поездов и эшелонов с военнопленными [4, л. 7].

Совещание, проведенное в Москве, признало желательным ставить «зараженные поезда как можно дальше от других». При приеме поездов с военнопленными «на всех станциях надлежало их ставить как можно дальше от наших воинских эшелонов, в точности и с больными ратниками» [4, л. 8].

Таким образом, частые нарушения техники безопасности со стороны паровозных и кондукторских бригад; умышленное игнорирование элементарных правил личной безопасности на железнодорожных объектах; появление железнодорожников, связанных с движением поездов, в нетрезвом состоянии на рабочем месте; случаи гибели скота в полосе отчуждения и на путях с последующим за этим сходом подвижного состава [8; 9, л. 129–131, 295, 302–303; 13, л. 139]; напряженные графики движения поездов с людскими резервами, моби-

лизационными и эвакуационными грузами, отрицательно отражались на перевозках по железнодорожным участкам Курской губернии как в начале Первой мировой войны, так и в последующие – 1915–1917 годы.

Источники и литература:

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 133. Оп. 1 Д. 7.
2. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 46. Оп. 48. Д. 5.
3. ГАКО. Ф. 46. Оп. 49. Д. 3
4. ГАКО. Ф. 46. Оп. 49. Д. 15.
5. ГАКО. Ф. 46. Оп. 50. Д. 35.
6. ГАКО. Ф. 46. Оп. 50. Д. 36.
7. ГАКО. Ф. 46. Оп. 50. Д. 37.
8. ГАКО. Ф. 46. Оп. 55. Д. 9, 34, 36, 37.
9. ГАКО. Ф. 46. Оп. 60. Д. 33.
10. ГАКО. Ф. 46. Оп. 60. Д. 34.
11. ГАКО. Ф. 46. Оп. 60. Д. 35.
12. ГАКО. Ф. 46. Оп. 60. Д. 36.
13. ГАКО. Ф. 46. Оп. 60. Д. 37.
14. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 162.
15. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 167.
16. Пути сообщения на театре войны 1914–1918 гг. Ч.1. Краткий отчет Управления путей сообщения при Штабе Верховного Главнокомандующего. М., 1919. 461 с.
17. Все дороги ведут в Москву / под ред. Л.А. Карнова. М., 1971.
18. История войн и военного искусства / предс. ред. кол. И.Х. Баграмян. М., 1970.
19. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1837–1917. СПб., 1994.
20. История железнодорожного транспорта России XIX–XXI вв. М., 2012.
21. Призванные строить и защищать. Очерк истории железнодорожных войск Советской Армии (1918–1988). Кн. 1. М., 1988.
22. Сидоров А.Л. Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. Т. 26. М., 1948.

В.В. Раков,
кандидат исторических наук,
зам. директора-начальник отдела использования и публикации
документов ОКУ «Госархив Курской области»

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ РАНеным, УВЕЧНЫМ И БОЛЬНЫМ ВОИНАМ В 1914–1917 ГОДАХ

Общее число раненых за время Первой мировой войны, по данным русского санитарного ведомства, составило 2 844 500 чел. (не считая раненых, взятых в плен), т. е. 1/5 часть всех мобилизованных. Количество больных солдат и офицеров русской армии составило 2,3 млн. чел. [4, с. 4–5]. Гигантский масштаб потерь вынуждал правительство привлекать для оказания помощи раненым и больным воинам общественную инициативу и благотворительность.

Согласно действовавшему положению об эвакуации от 1890 г., мобилизационному расписанию 1910 г. и эвакуационным планам, разрабатывавшимся в Главном Управлении Генштаба, за эвакуацию и лечение больных и раненых воинов отвечало Военное ведомство. На фронте предполагалось развернуть помимо полковых и дивизионных перевязочных пунктов 251 лазарет на 210 коек каждый, являвшихся главным образом местами сортировки больных и раненых перед их отправкой во внутренние районы или оставлением для лечения в прифронтовом районе [5, с. 32]. В Военном ведомстве были полностью уверены в способности своими силами обслужить раненых и отказались от услуг Российского Общества Красного Креста по расширению его деятельности в этой области [5, с. 83].

Но действительность первых же дней войны выявила несостоятельность намеченных планов. Количество раненых воинов ежемесячно исчислялось не несколькими десятками, как предполагалось, а сотнями тысяч. В результате большинство госпиталей, предназначенных для лечения раненых во фронтовой зоне, превратилось в перевалочные пункты для раненых, эвакуируемых во внутренние районы России. В тылу же эвакуационные госпитали оказались неподготовленными. 10 августа 1914 г. начальник эвакуационного управления Главном Управлении Генштаба докладывал: «...Учреждения внутренней эвакуационной организации совершенно не готовы к приему и размещению раненых и больных: распределительные и окружные пункты не устроены; предназначенные для их организации госпитали не отправлены; личный состав для госпиталей, медицинского и хозяйственного разряда не предназначен и не командирован по местам; больничных мест для постоянного лечения больных и раненых в распоряжении Военного ведомства не имеется и для открытия их мобилизационным планом не предусмотрено ни необходимых для этого госпиталей ни личного состава. Очевидно, что при таком условии органы внутренней

организации не имеют возможности ни принимать раненых, ни размещать их для лечения» [5, с. 209–210].

В главе V утвержденном Николаем II в августе 1914 г. временном положении об эвакуации раненых и больных речь шла об участии структур Красного Креста, общественной и частной благотворительности в этом общегосударственном деле. Это участие могло заключаться в помощи эвакуационным учреждениям военного ведомства бельем, одеждой, перевязочным материалом. Кроме того, можно было создавать по пути следования эвакуированных больных и раненых военнослужащих «питательные и ночлежные пункты» и обеспечивать их «призрение и попечение» на местах [6, ст. 3565].

Медицинская помощь больным и раненым воинам Первой мировой войны в Курской губернии оказывалась лечебными заведениями различной ведомственной принадлежности и формы организации: собственно Военным ведомством, обществом Российского Красного Креста, Курским губернским и уездными земствами, Курским комитетом Всероссийского союза городов (органы городского самоуправления), Курской епархией, дворянством, Акционерным обществом Московско-Киево-Воронежской ж.д., частными лицами.

Война застала Курское городское управление совершенно неподготовленным к оказанию массовой помощи больным и раненым воинам. Целевых средств на реализацию этих целей не было, поэтому Городская Дума смогла лишь принять решение о финансировании обслуживания всего 25 кроватей при городской больнице. Ситуация начала кардинально меняться после образования Всероссийского союза городов и вступления курского городского самоуправления в состав этой организации. Это событие произошло 27 августа 1914 г. На своём заседании Городская дума поддержала предложение городской управы о возбуждении перед новой всероссийской организацией ходатайства о выделении средств для оказания помощи больным и раненым воинам.

Оказанию помощи фронту призван был служить Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ), учрежденный на Всероссийском съезде городских голов 8–9 августа 1914 г. На основании постановления Городской Думы от 27 августа 1914 г. город Курск вступил в эту общественную организацию. 1 ноября 1914 г. Курский комитет Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам официально приступил к деятельности. В состав Комитета входили 24 человека, в том числе 19 – избранные Курской городской Думой, 2 – по избранию Распорядительного Бюро юридической комиссии Курского Комитета и 5 старших врачей госпиталя – по приглашению Комитета. Председателем Комитета был избран гласный Городской Думы Николай Николаевич Лоскутов, а его заместителем – Константин Дмитриевич Попов, городской Голова, врач по образованию [1, с. 3].

К этому времени в Курске уже действовали госпитали военного ведомства и Курского губернского земства. Данное обстоятельство показало необходимость координации действий для определения первоочередных задач с целью устранения возможного дублирования в действиях. Приоритетным направлением для себя городское управление обозначило открытие медучреждений для

инфекционных («заразных») больных. Принятое решение было обусловлено тем фактом, что Курск превращался в крупный железнодорожный перевалочный пункт, и чтобы избежать распространения инфекций среди прочих пациентах лечебных учреждений, а также населения требовалось проводить фильтрацию больных и раненых прямо на вокзале. 28 сентября 1914 г. такой наблюдательный пункт (противоэпидемическое учреждение, создаваемое в очагах карантинных болезней, на сухопутных, водных и воздушных коммуникациях) на 25 кроватей был открыт на станции Курск-Ямская. До этого больные и раненые воины непосредственно с поездов направлялись в лазареты без дифференциации по характеру ранений или болезней. Исключение составляли лишь лица с тяжелыми ранениями, которым требовалось срочное хирургическое вмешательство. Но собственно только наблюдательного пункта и инфекционного отделения на 25 кроватей при городской больнице (открыто 15 сентября 1914 г.) было явно недостаточно, поэтому в конце 1914 – начале 1915 гг. были открыты заразные бараки в сл. Ямской (на 50 мест) и в центральной части города (на 100 мест) [1, с. 4].

Важное значение имело открытие 16 октября 1914 г. госпиталя 1-го разряда на 420 кроватей в помещении Народного дома. Открытие этого лечебного заведения было необходимо, так как кроме госпиталя Курского губернского земства в городе не было специально оборудованных госпиталей, где могли бы проводиться сложные хирургические операции. Кроме того при этом госпитале открывались рентгеновский и стоматологический («зубоврачебный») кабинеты.

Не менее насущной задачей, особенно с наступлением холодов, являлась задача создания разборочного госпиталя при станции Курск-Город. С началом военных действий поезда, прибывавшие в Курск с ранеными, разгружались на открытой платформе городского вокзала. Пока было тепло, подобная практика не представляла угрозы для прибывающих, но с наступлением холодов положение больных и раненых военнослужащих становилось критическим.

К устройству и организации работы этого учреждения приступили в первый числа ноября 1914 г. Объективно проблема была осложнена отсутствием необходимого помещения, так как местная администрация, в ведение которого находилось единственно подходящее для этих целей помещение, передало это здание Курскому Комитету ВСГ только после довольно длительных переговоров. 12 ноября 1914 г. разборочный госпиталь на 500 кроватей начал функционировать.

Однако решение этого вопроса не означало решения проблемы в целом. Прежде всего, речь шла о сооружении вблизи городского вокзала тёплого барака, где бы мог разместиться весь контингент прибывающего поезда с носилочными и ходячими ранеными. Задача была выполнена в кратчайшие сроки. 28 ноября 1914 г. теплое и светлое помещение барака для размещения прибывающих с поездами воинов, где проводился их первичный осмотр, сортировка и определение последующего лечебного заведения было введено в строй.

Барак примыкал непосредственно к железнодорожной платформе городского вокзала и представлял собой зал длиной 20, шириной 6 и высотой 2 саже-

ни (соответственно 42; 12,6 и 4,2 м.). В нём размещались 46 скамеек и 100 носилок. В бараке были установлены 8 чугунных печей, два электрических вентилятора, кипятильник для горячей воды, проведены электричество и вода [2, с. 1].

Вскоре после открытия тёплого барака и разборочного госпиталя встал вопрос об устройстве при бараке бани с дезинфекционной камерой, построенной летом 1915 г. Таким образом, сложился своеобразный комплекс курского разборочного госпиталя, состоящий из барака, бани с дезинфекционной камерой и собственно госпиталя, в котором после фильтрации оставлялись военнослужащие с подозрением на инфекционные заболевания до выяснения характера самих болезней.

Собственно разборочный госпиталь размещался в нескольких помещениях, находившихся в 200–300 метрах от городского вокзала. Это были частные владения, арендованные Курским Комитетом ВСГ. В первом, ближайшем к вокзалу доме (владелец Францов), госпиталь занимал три этажа. В здании имелся водопровод из собственного артезианского колодца. Электрическое освещение, электрические вентиляторы, отопление голландскими печами. В здании размещалось 335 коек. Во втором доме (владелец Соломыков) имелось 4 больших комнаты, в которых размещалось 105 коек. В помещениях имелось электрическое освещение, водопровод и туалеты. Самым маленьким (на 60 коек) было третье помещение госпиталя – дом Кандаурова. Но и в нём были электричество, водопровод и централизованное отопление.

В ноябре 1916 г. произошло расширение госпиталя на 100 коек за счет аренды и оборудования еще одного помещения – дома Феоктистова. Дом Феоктистова, расположенный на Генеральной улице, представлял собой большое двухэтажное каменное здание, на верхнем этаже которого и располагались госпитальные помещения [3, с. 53–54].

Порядок движения больных, прибывающих на станцию Курск-город, был определён следующим образом. По прибытии поезда больные и раненые воины из вагонов переходили (или переносились на носилках) в барак, где получали чай с белым хлебом. Во время чаепития производилось измерение температуры, а затем опрос врачами о состоянии здоровья. В питательном пункте при бараке прибывающим больным и раненым выдавались чай и хлеб, а затем производились измерение температуры и опрос о состоянии здоровья.

При опросе билетами разных цветов отмечались тяжело раненые, легко раненые, страдающие кожными заболеваниями, заболеванием глаз, нервными больными, перенёсшие инфекционные болезни (тиф, азиатскую холеру, дизентерию) и имеющие повышенную температуру.

Все перенёсшие инфекционные болезни лица выделялись в отдельную группу и отправлялись в разборочный госпиталь для дальнейшего наблюдения. Туда же направлялись и лица с повышенной температурой по причине подозрения в наличии инфекции.

Распределение больных и раненых по лазаретам г. Курска в зависимости от характера ранения и болезни осуществлялось врачами разборочного госпи-

тая. При этом носилочные раненые из барака переносились в вагонетки, которые по рельсовому пути, построенному за счет Союза Городов, доставлялись к линии городского трамвая. Позже, расширяя свою деятельность, разборный госпиталь, ввиду отсутствия у других госпиталей в Курске средств для перевозки раненых, приобрёл три медицинские кареты, в том числе две – специально оборудованные и покрытые брезентом.

За период с ноября 1914 г. по декабрь 1916 г. через барак прошли 276 559 человек, доставленных в город на 1 158 военно-санитарных и гражданских поездах. Особенно массовым было прибытие раненых в мае – сентябре 1915 г. и в июне – июле 1916 г. В разборочном госпитале под наблюдением врачей было оставлено 46 248 чел., что составляло 16,7 % от числа всех – прибывших. После вступления в строй бани летом 1915 г. почти половина прибывающих на станцию (44,5 %) мылась в бане, получала чистое бельё и обмундирование, а их вещи проходили полную дезинфекцию [1, с.12; 2, с. 3; 3, с. 51].

Кроме госпиталей и «заразных барачков», содержавшихся на средства Союза городов и частных лиц, Курский комитет ВСГ в 1914–1915 гг. открыл ряд вспомогательных учреждений: прачечную, три дезинфекционные камеры, бактериологический кабинет, ледоделательную станцию, питательный пункт, а также приобрёл пять дезинсекционных аппаратов и четыре кареты для перевозки больных и раненых.

Параллельно с лечением больных и раненых воинов приходилось решать ряд других задач, вызванных обстоятельствами военного времени. Это, прежде всего, помощь беженцам. Она выражалась в организации питания и лечения беженцев, выдачи им денежных пособий, оказании юридической помощи, обучении детей. Была также налажена деятельность органов местного самоуправления по снабжению и снаряжению армии.

В деле оказания помощи больным и раненым воинам в Курской губернии кроме Курского комитета Всероссийского Союза городов действовали Российское общество Красного Креста и губернское земство. Общие вопросы по организации помощи больным и раненым воинам выносились для обсуждения на совещаниях, созываемых или Губернатором, или уполномоченным Красного Креста, или Комитетом Всероссийского Союза городов.

Тесные рабочие отношения сложились у Курского Комитета с представителями Красного Креста. Представители местной общины сестёр милосердия принимали участие в экзаменах на курсах по подготовке сестёр милосердия, организуемых Комитетом. Лица, успешно выдержавшие экзамен, с разрешения Попечительского Совета местной общины получали звание сестёр милосердия военного времени. В конце 1916 г. Уполномоченный Красного Креста по курскому району обратился в Комитет с предложением совместного устройства гаража автомобилей для перевозки раненых. По ходатайству местного Комитета, Главный Комитет ассигновал для этих целей 2 500 руб. на единовременные расходы и по 75 руб. ежемесячно. На совместные средства Красного Креста, губернского земства и Союза городов содержался питательный пункт III разряда на ст. Курск-город МКВЖД.

Примером совершенно иного свойства можно считать отношения Комитета с Курским губернским земством. Последнее не входило в Общеземский Союз. Попытки Комитета организовать совместные действия по содержанию заразного госпиталя на 150 коек в сл. Ямской, предпринятые в 1914 г., как и создание согласительной комиссии по распределению больных и раненых воинов по губернии провалились, прежде всего, из-за особой позиции губернского земства.

К 1917 году в ведении Комитета находились следующие учреждения: восемь госпиталей в Курске и пять – в уездных городах Курской губернии (Белгород, Щигры, Обоянь, Рыльск, Льгов). Общее число коек в курских госпиталях составляло 2 740, в том числе 257 – в специальных отделениях (10 для офицерских и 35 для нижних чинов в неврологическом отделении госпиталя при Народном доме; 212 коек «для глазных и ушных больных» в Покровских бараках). [3, с. 8]

По состоянию на 01.01.1917 г. на территории Курской губернии действовало 132 госпиталя и лазарета, способных одновременно принять 10 166 чел. Благодаря помощи медицинских учреждений, созданных и содержащихся на средства органов местного самоуправления, общественных организаций и частных лиц Курской губернии в годы Первой мировой войны были спасены десятки тысяч жизней наших соотечественников.

Источники и литература:

1. Отчет о деятельности Курского комитета Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам за 1914 год. Курск, 1915. 80 с.
2. Отчет Курского Комитета Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам: Со времени открытия действия Союза городов в Курске по 1 августа 1915 г. Курск, 1915. 217 с.
3. Отчет о деятельности Курского комитета Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам с 1-го января 1916 г. по 1-е января 1917 г. Курск, 1918. 439 с.
4. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. 103 с.
5. Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг.: Сб. док. Куйбышев, 1942. 464 с.
6. Сборник узаконений и распоряжений правительства за 1914 г. Пг, 1914. Собр. 252. Ст. 2358.

Г.А. Салтык,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой культурологии
Курского государственного университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вступление России в первую мировую войну не могло не отразиться на деятельности полиции как общей, так и политической. Для координации работы полиции с военными властями в структуре Департамента полиции было образовано 9-е делопроизводство, которое стало заниматься делами, связанными с войной. В его обязанности входило: ведение политического сыска в Российской империи и за ее пределами (в том числе и штаты розыскных органов), поимка дезертиров, охранение и возобновление государственной границы Российской империи, охрана Императорской семьи и самого Императора. Здесь же были сосредоточены вопросы о военнопленных и подданных иностранных государств, находящихся на территории Российской империи [5, с. 62–63].

На местах этими вопросами занимались губернские жандармские управления (ГЖУ). Основными направлениями их работы в годы войны были: контрразведывательная деятельность; предотвращение революции, обеспечение политической безопасности войск и подавление революционных выступлений в городах; содействие армии в организационных вопросах, а именно – доставке новобранцев, усилении офицерского состава штабов фронтов, конвоировании и слежке за военнопленными и др. Одним из важнейших направлений их работы являлась цензорская деятельность.

Заметим, что в России был создан целый свод законов и положений о цензуре, действие которых значительно ограничивало развитие гласности. Помимо общих правил о цензуре, имелись специальные рекомендации для организации контроля над публикациями военных журналистов, региональной прессы. В первый день войны было утверждено Временное положение о военной цензуре, по которому полицейские должны были следить не только за публикациями в периодической печати, но и за содержанием лекций, кинофильмов, театральных представлений и т. д. [5, л. 1, 9, 11, 54]

В рамках этой группы полицейских обязанностей большое внимание уделялось контролю за общественными увеселениями. Все представления и гулянья должны были происходить с разрешения губернатора или начальника местной полиции только после выдачи организаторам специального удостоверения. Работникам полиции предоставлялся беспрепятственный доступ в помещения, где проходили собрания, и в театры, где им отводилось не более трех посадочных мест. Они наблюдали за соблюдением утвержденной программы и в случае нарушений собрание или представление могли приостановить. Полицейские следили, чтобы во время представлений не проводилось мелкого торга питьем и

съестными припасами без законного разрешения и соблюдения правил. Те же указания действовали в отношении выставок, базаров, передвижных музеев, публичных чтений лекций. Уличным певцам и музыкантам также надо было получить разрешение и уплатить установленный сбор [18, с. 222–227].

Большое внимание полиция уделяла цензурированию кинокартин. В первую очередь запрещались к показу фильмы о жизни немцев. К примеру, в ГАКО нами был обнаружен рапорт щигровского ездного исправника, в котором говорилось о запрете кинематографических картин из немецкого быта «из-за недовольства населения, участников военных действий и ополченцев запаса» [4, л. 1 об., 2].

Существенное внимание полиция Курской губернии обращала на соблюдение гражданами правопорядка. Особо она следила за тем, чтобы в общественных местах не производилось азартных игр и не устраивалось игорных домов, чтобы никто не занимался изготовлением карт. Следует отметить, что в 1915 г. курский губернатор указывал на то, что среди офицеров и гражданских лиц «вкоренились азартные игры в карты, за которыми проводят круглые сутки». Поэтому по его распоряжению полицейские вели особое наблюдение за общественными клубами, гостиницами и трактирами. Их владельцы обязаны были дать подписку о недопущении «никаких азартных игр в своих заведениях под страхом строгой законной ответственности» [2, л. 4, 11; 3, л. 9–9 об.].

Следует отметить, что губернские жандармские управления выполняли значительную часть функций по контрразведке – осуществляли наблюдение за иностранцами, надзор за военнопленными, контролировали передвижение подозрительных лиц, отслеживали настроение городских и сельских жителей и их контакты с иностранцами. ГЖУ обязаны были осуществлять цензуру, следить за политической благонадежностью населения, не допускать антиправительственной пропаганды и вести активную работу по выявлению военного шпионажа.

Заметим, что 24 июля 1914 г. был издан Указ, согласно которому все местности Российской империи, не находившиеся на осадном и военном положении, объявлялись в состоянии чрезвычайной охраны с расширением прав губернаторов и военных властей в местном управлении. К таким местностям была отнесена и Курская губерния. Тогда же в губернии был распространен «Перечень сведений», оглашение и распространение которых в условиях военного времени запрещалось и наказывалось [7, л. 17].

Так, местным жителям нельзя было обнародовать информацию об устройстве, составе и численности всякого рода воинских частей и учреждение военного и морского ведомства, о расположении и передвижении частей и учреждений и об изменениях в их уставе, составе и численности; о вооружении, снаряжении, обмундировании, довольствии, санитарном состоянии; о подготовке к мобилизации воинских частей, о приведении их на положение военного времени; о сооружении провозоспособности и технического состояния железных дорог, о деятельности их по перевозке войск и военных грузов; о всякого рода заготовках и складах для нужд военного и морского ведомств России; о

поймке шпионов и о суде над ними и о приведении в исполнение и т.д.» [10, л. 221].

«Остерегайтесь, молчите! Враг всюду подслушивает!», – под таким названием в Курской губернии было распространено обращение главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. В нем, в частности, отмечалось, что «...война требует строгого секрета, великой тайны, что зачастую «весь успех войны» мог зависеть «от умения вести военные действия в тайне» и т. д. В документе указывалось также, что исход военных действий на фронте во многом зависит от того, то происходит в тылу действующей армии. Поэтому особое внимание обращалось на военный шпионаж. Однако, по мнению авторов документа, шпионами могли быть не только немцы. Шпионские функции могли выполнять и русские, «за серебряник продающие свое Отечество». По этому поводу в призыве отмечалось: «...Всюду, и на позициях, и в тылу, и в штатах, в обозах, лазаретах, в поездах, на железных дорогах, на заводах, мастерских, в комитетах и воинских присутствиях, всюду, где собираются люди и где делается военное дело, всюду протискиваются, присматриваются и прислушиваются эти Иуды-предатели, чтобы уловить что-нибудь на пользу немцам и на пагубу нам». И далее призыв заканчивался обращением к населению «всячески остерегаться, нужно дать себе крепкий зарок – никогда, ни при каких обстоятельствах, не сообщать ни устно, ни письменно, ни знакомому, ни незнакомому, никаких военных сведений» [9, л. б/н.].

Особые указания получали русские военнослужащие, которым воспрещалось сообщать посторонним лицам сведения о своих войсках. Об этом речь шла в Приказе № 116 по М.-К.-В. железной дороге от 20 апреля 1915 г., разосланном начальникам станций и железнодорожных мастерских. Получили его и начальники станций Курской губернии, а также начальники железнодорожных мастерских станции Конотоп. Так, военнослужащих предупреждали, что «недостаточно следить за собой, надо смотреть и за другими, удерживать товарищей от излишней откровенности, а тех, кто будет расспрашивать вас и прислушиваться к разговорам между вами, немедленно указывать коменданту станции, жандармам или железнодорожному начальству» [10, л. 222, 254].

С целью предотвращения диверсий на железных дорогах в апреле 1915 был издан Приказ № 105 по М.-К.-В. железной дороге «О чрезвычайных мерах охраны», в котором указывалось на то, что при Управлении дороги учреждались Участковые комитеты по их чрезвычайной охране, членами которых являлись коменданты станций Бахмач и Курск, а также начальники Конотопского и Рышковского жандармских отделений. Помимо прочего, участковому комитету предоставлялись следующие права: воспрещать в полосе отчуждения всякие собрания; делать распоряжения о закрытии всяких торговых и промышленных заведений на известный срок или на все время действия чрезвычайной охраны; приостанавливать «различного рода произведения печати и теснения» и т. д. [10, л. 254 об.]

На особый контроль местной полиции была поставлена информация об изобретениях, научных открытиях, высоких достижениях в различных областях

и, особенно – «в области военного искусства и обороны государства». В фондах ГАКО нами был обнаружен документ, в котором содержалась информация об изобретении крестьянином села Казачья Локня Сужданского уезда А.Н. Вакуловым сухопутной подземной мины «с планом и копией экспертизы» [11, л. 1]. Согласно Предписания Министерства внутренних дел за № 15755 чины «подведомственной полиции» должны были немедленно доложить об этом изобретении в «Комитет охраны и поощрения русских творческих дарований». И действительно, вскоре курский губернатор Багговут отправил в комитет информацию об изобретении курянина [16, с. 189–190].

В ГАКО хранятся десятки документов об осуществлении ГЖУ предварительного контроля, за соблюдением паспортно-визового режима, и в первую очередь – проверка паспортов лиц, прибывших из-за границы. В случае возникновения сомнений полиция обязана была указать жандармам на подозрительных иностранцев «для установления за ними негласного наблюдения». К примеру, такое наблюдение было установлено в октябре 1916 г. за прибывшим на жительство в Путивльский уезд из Буковины В.С. Матерно и Ф.Е. Павлуцкого, а также австрийского подданного А.М. Принчука [1, л. 472, 474, 475].

Следует отметить, что в первые месяцы войны военные и гражданские власти уравнивали германских и австро-венгерских подданных, проживающих на территории Российской империи со шпионами. Так, 26 июля 1914 г. Министр Внутренних дел Маклаков направил Курскому губернатору циркуляр за № 402, в котором отмечалось, что «все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту и в дальнейшем с ними надлежит поступать по указу военного начальства». Запасные же чины также были признаны военнопленными и должны были высылаться из местности Европейской России и Кавказа в Вятку, Вологду и Оренбургскую губернии, а из Сибири в Якутскую область [6, л. 12].

Нами был обнаружен список германских подданных, проживающих в Курской губернии, составленный 25 июля 1915 г. В него были занесены: Георгий Мертенс – содержатель литейного завода в г. Курске; И.В. Майер – управляющий имением г. Струкова Фатежского уезда; Эдуард Цыбарт – содержатель колбасной в Грайворонском уезде; Теодор Сафран – управляющий Русско-Азиатского банка в г. Белгороде; Фридрих Лукау – лесопромышленник Дмитриевского уезда; Густав Лукгауз – директор фабрик Рыльского уезда и т.д. Под надзором полиции оказался и Мариинский сахарный завод в Пенах, во главе которого стоял Рудольф Оргард – немец по национальности, но являвшийся русским подданным [12, л. 66].

Следующим важным направлением контрразведывательной деятельности являлся контроль за ходом эвакуации, грузоперевозок и передвижением беженцев. В 1915 г. правительство, штаб округа и фронта были озабочены проблемами, связанными их с передвижением, учетом и фильтрацией. Острейшей проблемой для Курской губернии стало размещение беженцев и оказание им помощи. Осенью 1916 г. в Курске насчитывалось около 10 тыс. беженцев – женщин, детей и стариков. Значительные их группы поселились в Белгороде,

Дмитриеве, Короче, Обояни, Путивле, Старом Осколе, Щиграх и других уездных городах губернии. Всего в местных городских центрах было расселено 16 792 человек, или 20,4 %, что составляло около 6,0 % от всего городского населения Курской губернии. Всего же к 1917 г. по данным Н.В. Лахаревой в границах Курской губернии размещалось до 100 000 беженцев [15, с. 10–11].

Не следует забывать и о том, что курская полиция на протяжении всей войны продолжала вести борьбу с революционным движением в губернии. И хотя, представители различных политических партий в этот период особой активности не проявляли, Курское ГЖУ не теряло своей бдительности. Об этом, например, свидетельствуют материалы ГАКО, рассказывающие о том, как местные полицейские власти организовали охрану Николая II и членов его семьи, посетивших Курск в ноябре 1914 года [8, л. 11].

В 1914–1916 гг. ГЖУ продолжались поисковые мероприятия по задержанию курского террориста И.И. Голощапова [17, с. 217–226.]. Курской полиции также удалось выявить и несколько нелегально действующих групп социалстов-революционеров, одной из которых являлась группа учащихся из г. Белгорода. Полиции удалось перехватить распространяемые членами группы воззвания «К падению Эрзерума», в котором эсеры, осуждая мировую войну, призывали курян к новой войне – с царизмом [13, л. 107].

Таким образом, Первая мировая война обусловила появление у полиции новых обязанностей и, прежде всего, по организации массовой эвакуации населения и имущества государственных учреждений, борьбе со спекуляцией и вражеской разведкой. Вместе с тем, расширение обязанностей полиции не сопровождалось существенными организационными изменениями. Выделим три основных направления работы жандармерии в годы Первой мировой войны: контрразведывательная деятельность; предотвращение революции, в том числе обеспечение политической безопасности войск и подавление революционных выступлений в городах; содействие армии в организационных вопросах: доставка новобранцев, усиление офицерского состава штабов фронтов, конвоирование и слежка за военнопленными.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 600.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5260.
3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7913.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8471.
5. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8507.
6. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8521.
7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10705.
8. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10713.
9. ГАКО. Ф. 46. Оп. 50. Д. 19.
10. ГАКО. Ф. 46. Оп. 60. Д. 36.
11. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 569.

12. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 572.
13. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 577.
14. *Касьянов А.В.* Особенности организационно-правового обеспечения деятельности полиции Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015 // URL: a.mvd.ru (дата обращения: 16.06.2016 Г.).
15. *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России, 1918–1925 гг.: на примере Курской губернии: автореф. ... канд. ист. наук. Курск, 1999.
16. *Салтык Г.А.* Военный шпионаж в российской провинции в годы Первой мировой войны // Вестник архивиста. № 3. 2014.
17. *Салтык Г.А.* «Нить по розыску бандита *И.И. Голощанова* оборвалась ...». Из истории борьбы Курского губернского жандармского управления с революционным терроризмом в 1907–1917 гг.» // Грани гуманитарного знания: сб. статей к 60-летию проф. С.П. Щавелева. Курск: изд-во КГМУ, 2015.
18. *Салтык Г.А., Горлова Н.И., Главинская С.Н., Белобородова А.А.* Полиция Курской губернии: история становления и деятельности (1864–1917). Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007.

А.А. Терещенко,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Курского государственного университета

ПОМОЩЬ ГОРОЖАН КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ФРОНТУ, ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ И ВОЕННОПЛЕННЫМ (1914–1917)

Россия на протяжении двух последних столетий пережила серию крупных международных и множество локальных войн. Каждая из них оставила глубокий след в истории нашего общества, в том числе такая, как Первая мировая, охватившая пространство всего земного шара. Война изменила привычный характер отношений и уклад жизни населения, оказала существенное влияние на социально-экономические процессы, протекающие в России в целом и в Курской губернии в частности.

Проблема помощи курян фронту, гражданскому населению и пленным в годы Первой мировой войны нашла первоначальное отражение в наших публикациях, начиная с 1997 года. Так, к примеру, в сборнике материалов межвузовской научной конференции «Армия в истории России» (Курск, 1997) помещена наша статья «Города Курской губернии в период первой мировой войны (1914–1917 гг.)», в которой рассматривается ряд гуманитарных вопросов, помощи беженцам, возникших в результате военных действий. Затем к данной теме обра-

тился А.Н. Курцев, опубликовав статью «Беженцы I мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 (Курск, 1997) в сборнике «Курск и куряне глазами ученых».

В ходе Всероссийской научной конференции «Непобедимые сыны Отечества» (Курск, 2000), посвященной 55-летию Победы на Курской дуге, помещены наши материалы о роли городов Курской губернии в первой мировой войне (1914–1917 гг.). Далее к данной теме мы обращались в связи с проведением Международной научной конференции (Тамбов, 2012) на тему «Железные дороги и процесс социальной модернизации России в XIX – первой половине XX в.», где опубликовали обширную статью «Роль железных дорог провинциальной России в Первой мировой войне (на примере Курской губернии)».

Материал о помощи курян беженцам, гражданскому населению и фронту нашел свое продолжение в нашей статье «Беженцы Первой мировой войны в городах Курской губернии», опубликованной в 14 выпуске Курского военно-исторического сборника «Курская губерния и куряне в Первой мировой войне», посвященном 100-летию начала Первой мировой войны (Курск, 2014). В настоящей статье мы подвели некоторые итоги предыдущих публикаций.

С первых дней войны на плечи провинциального населения, в т.ч. горожан Курского края, легли сложные задачи по формированию и переброске войск и вооружения, вывозу раненых и погибших, снабжению армии и населения продовольствием, топливом и необходимыми товарами [28, с. 143].

Курская губерния была переведена на чрезвычайное положение Указом Николая II с 24 июля 1914 г. [1, л. 28, 29]. Объявлялась всеобщая мобилизация. В летнюю мобилизацию 1914 года на военную службу, из Курской губернии, призвали 42 394 нижних чинов запаса [17, с. 37]. За первые три года войны было проведено 11 призывов ратников (два – в 1914 г., три – в 1915 г. и шесть – в 1916 г.) [23, с. 24]. При этом, в Курской губернии мобилизовали около 320,0 тыс. чел. [27, с. 61], что превышало численность населения всех городских центров губернии (290,5 тыс. жителей, или 8,9 % ко всему населению, составлявшему 3 256,6 тыс. чел. и соответствовало 53,3 % от числа трудоспособных мужчин и 12,6 % всего населения губернии). Сюда вошли примерно 40,0 тыс. служащих в армии до войны и мобилизованные беженцы [28, с. 144].

Среди воинов было немало наших мужественных и храбрых земляков. Так, только в составе 282-го Александровского и Лебединского пехотных полков по 19 человек стали Георгиевскими кавалерами, 18 человек получили такую награду в Ольгопольском пехотном полку, 11 – в 312-м пехотном Васильковском полку и 8 – в 59-м Люблинском пехотном полку [14, л. 54]. Кавалерами двух Георгиевских крестов стали наши земляки: Степан Дмитриевич Ростовцев, уроженец Белгорода, служивший в 13-м пехотном Белозерском полку; Степан Лотарев, уроженец Дмитриева, фронтовик лейб-гвардейского Семеновского полка; Иван Романович Бригин, житель Корочи, ветеран 61-го пехотного Литовского полка. А участник войны, воин лейб-гвардейского Преображенского полка Петр Самофалов, уроженец Грайворонского уезда, был награжден Золотым Георгиевским крестом [24, с. 17].

В течение всей войны, а, особенно, в ее начальный период, местное население трогательно заботилось об ушедших на фронт сыновьях, братьях, отцах. Для воинов собирали и высылали по железной дороге теплые вещи и нижнее белье, подарки из продуктов и табака, предметы обихода и проч. Кроме того, практиковались пожертвования денежных средств на различные нужды фронтовиков, в т.ч. особые «рождественские подарки» [9, л. 15].

Одной из главных забот было оказание специальной помощи семьям мобилизованных. Городское самоуправление организовывало регулярную выдачу государственных пособий членам этих семей. К примеру, уже в конце 1914 г. только в городе Курске такие пособия получали 870 семейств из расчета 2 руб. 30 коп. в месяц на взрослого и подростка и 1 руб. 15 коп. на ребенка [27, с. 62–63]. Особое внимание горожане старались уделять детям, прежде всего сиротам военного времени. В провинциальных городах губернии с 1915 г. открылись детские приюты для сирот солдат и офицеров, были проведены своевременные мероприятия по обеспечению их работы всем необходимым (продовольствием, топливом одеждой, бельем и др.). К примеру, в г. Курске на средства дворянства содержался пансион-приют на 95 воспитанников, при Льговском городском приюте на благотворительные средства содержалось детское отделение на 30 мальчиков-сирот и т. п. [4, л. 96].

Горожане Курской губернии также оказывали большую помощь в лечении раненых и больных фронтовиков. В прифронтовой линии Север-Юг в восьми городах, в том числе в Курске, действовали распределительные эвакуационные пункты по приему с фронта раненых и больных воинов. Уже в августе 1914 г. Курск был избран центральным пунктом, куда приходили санитарные поезда с Юго-Западного фронта, которые после сортировки раненых направлялись в лечебные учреждения других регионов.

Первые раненые стали поступать в г. Курск с 1 августа 1914 г. Их торжественно встречали на Курском вокзале [24, с. 12]. Санитарный поезд переводился со станции Курск на шестиверстную городскую железнодорожную ветку, откуда больных и раненых доставляли в центр города на станцию Курск-город. В 100 шагах от ветки проходила трамвайная линия, вдоль которой размещались отведенные городом помещения под лечебные пункты. Оттуда, на особо приспособленных трамвайных платформах, больных доставляли по назначению. Тех, кто был способен сидеть и передвигаться перевозили в рессорных фаэтонах [24, с. 12–13].

Большую помощь в перевозке раненых оказал директор предприятия «Курский трамвай», бельгиец Генрих Дальбру. Узнав о необходимости отправки тяжелораненых воинов, он предложил изготовить особого вида вагоны и перевозить на них раненых, причем бесплатно, заявив, «что все его заботы и расходы есть лишь скромный дар бельгийца русскому народу». Дополнительно, к своим бесплатным услугам, господин Дальбру прислал на имя курского губернатора письмо и 500 рублей и предложил «употребить деньги на помощь раненым и больным друзьям бельгийского народа – русским солдатам» [24, с. 14].

Помимо размещения и лечения больных и раненых воинов, другой проблемой стало их обеспечение одеждой, обувью и бельем. Так, Курский губернатор уже 16 августа 1914 г. обратился в Московское Дворянское собрание со следующими словами: «Многие раненые прибывают в Курск без верхней одежды, сапог и, когда их приходится отправлять, испытывают громадные затруднения. Местных средств на эту потребность, конечно, хватить не может. Ни у председателя «Эвакуационной комиссии», ни у меня нет никаких запасов. Требуются сотни шинелей, сапог, а у нас только ничтожные десятки. Помогите, прикажите переслать нам на указанные цели хоть старые шинели и годные к носке сапоги» [10, л. 13 об. – 14]. Губернатор вынужден был также обратиться и к жителям города Курска: «Помогите раненым, выходящим из наших госпиталей, не имеющим теплой одежды и обуви. Наступают холода. Отзовитесь, добрые люди, на эту нужду защитников Родины» [10, л. 13 об. – 14].

Простые горожане, чиновники, учреждения и комитеты с готовностью откликнулись на призыв местной власти. Они жертвовали сукно, одежду, обувь, теплые вещи, деньги – все то, что мог дать для больных и раненых воинов. Курская городская Дума на чрезвычайном заседании от 29 августа 1914 года, постановила: «пожертвовать из городских средств 3 000 рублей и уполномочить городского Голову занять эту сумму у частных лиц или в Городском банке и поручить ему, организовать сбор пожертвований» [10, л. 26]. Помощь оказывали многие общественные организации и население. Так, правление Курского Знаменского монастыря для раненых и больных воинов пожертвовало 1 000 аршин холста, Белгородский Свято-Троицкий монастырь – 300 аршин. Жители г. Обояни передали на нужды госпиталей 2 997,5 аршин полотна и 74 аршина байки, а 10 октября 1914 г. отправили в Курск 3 тюка и 5 ящичков вещей. Городской управой г. Путивля 31 августа 1914 г. был проведен кружечный сбор с продажи флажков «на помощь больным и раненым воинам», в ходе которого удалось собрать 1 077 руб. 80 коп. Город Тим прислал 16 аршин сукна. Собранием Грайворонской городской Думы 11 сентября 1914 г. было решено «ассигновать на приобретение носильных вещей, необходимых для раненых воинов, 200 руб.» [6, л. 300]. Помощь шла со всех уголков губернии. Собранные в уездах вещи отправлялись железнодорожным транспортом в губернский Курск.

Проводимые мероприятия позволили местной администрации Курской губернии к октябрю 1914 г. отказаться от покупки и изготовления за деньги теплых вещей, так как вполне хватало пожертвований. В результате Курский губернатор 17 октября 1914 г. обратился к жителям с новой просьбой: «Острая нужда, временно испытываемая в снабжении теплой одеждой больных и раненых воинов, выходящих из лазаретов, ныне уже миновала. Теплые вещи теперь нужны не столько для раненых, которые достаточно этим обеспечены, сколько для наших солдат, находящихся на театре военных действий на передовых позициях» [6, л. 180–188]. Губернатор просил сдавать вещи в организованный комитет «по сбору и изготовлению теплой одежды для действующей армии» [19, 11 сент.].

События Первой мировой войны вызвали горячий отклик среди всех слоев населения, в т.ч. у служащих Московско-Курско-Воронежской железной дороги, решивших пожертвовать на военные нужды проценты с получаемого жалования. Специально созданный Железнодорожный комитет решил «часть жертвуемых сумм обращать на устройство 2-х госпиталей (на станции «Белгород» работал лазарет № 7 Южных железных дорог вместимостью на 22 места), а также на раздачу завтраков раненым на станциях железной дороги [7, л. 63–63 об., 67–68, 71–72].

В целом, в местных городах действовало свыше 100 лечебных учреждений, основанных на средства православной церкви, пожертвования горожан, различных общественных организаций и государственных учреждений. Так, с 1915 г. при Знаменском монастыре г. Курска действовали лазареты на 50 и 20 мест. Епархиальное ведомство содержало подобные лечебные заведения в архиерейском доме, в Свято-Троицком и Рождество-Богородицком монастырях и других церковных помещениях.

Лечением раненых и больных занимались и частные лица. Так на средства дворян был оборудован лазарет на 95 мест. В ноябре 1914 г., курские лазареты осмотрел российский император Николай II, а спустя месяц, раненых воинов в Курске посетила и его жена Александра Федоровна с дочерьми, которые возглавляли различные общественные организации помощи жертвам войны [5, л. 11; 20, 20–21 февр.; 17]. Таким образом, общими усилиями армейских и гражданских лечебных учреждений расположенных в провинциальных городских центрах была оказана необходимая помощь сотням тысячам фронтовиков.

Не менее острой проблемой для городов стало размещение и оказание помощи беженцам Первой мировой войны и переселенцам. Самым тяжелым периодом «беженского движения» стало время с апреля по декабрь 1915 г. Приток эвакуированных с Украины, Прибалтики, Белоруссии и Польских земель начался с лета. К весне 1916 г. Курск принял свыше 6 тыс. этих жертв войны, к осени 1916 г. их насчитывалось уже около 10 тыс. чел., главным образом женщин, стариков и детей [1, л. 102; 22; 26, с. 85–88]. Из 25 млн жителей, в областях, охваченных эвакуацией, с нажитых мест снялось около 3-х млн чел. Потоки беженцев запрудили дороги, осложняя воинские перевозки. Под жилье для них приспособляли товарные вагоны. К осени по этой причине из оборота железной дороги было выведено 120,0 тыс. вагонов [29, с. 87, 103]. Беженцы стали одной из составных частей народной трагедии, названной современниками емкими словами «Великое отступление» [26, с. 85–88].

Вот как описывает ситуацию на Курской железнодорожной станции один из современников: «Участь галичан и латышей поистине ужасна. На ямском вокзале можно встретить целую толпу беженцев из родной нам Галиции, в большинстве женщины с грудными детьми. Они робко жмутся у входа в вокзал и по их измученным, осунувшимся лицам можно было судить, сколько горя и страданий перенесли они, расставаясь с родными углами, и переносят теперь, тщетно ища приюта и хлеба» [15, с. 25].

Средств выделяемых правительством для устройства беженцев было явно недостаточно. Так, Обоянский городской Голова обратился к горожанам с воззванием, в котором просил жителей оказать «помощь в кровле и пище нашим страждующим братьям до изгнания из пределов Русского государства жестокого врага» [8, л. 10–10 об.]. Крупные группы беженцев расселились в Белгороде, Дмитриеве, Короче, Путивле, Старом Осколе, Щиграх и других провинциальных центрах [23, с. 62].

Помимо государственных учреждений, помощь беженцам оказывали и общественные организации. Самой представительной и весьма деятельной среди них являлось «Курское отделение Татьянинского комитета» [26, с. 88], построившего на станции Курск-Ямская теплые бараки для беженцев, раздававшего для них верхнюю одежду, нижнее белье и др. вещи. Только в течение ноября – декабря 1915 г. на станции было роздано около 500 теплых предметов. Особое внимание уделяли нуждам потерявшихся детей. Отделение субсидировало всероссийскую акцию «Капля молока», организуя раздачу бесплатного молока детям. Усилиями отделения к началу 1916 г. все дети находились в приютах или монастырях, а некоторые были возвращены родителям, относительно других велась переписка [11, л. 54–54 об., 114].

Княгиней Н.В. Дондуковой-Изъединовой при Татьянинском комитете 27 августа 1915 г. был открыт приют на 100 с лишним детей беженцев в принадлежащем Курскому дворянству доме. При приюте находилась школа, сапожная и столярная мастерские. Для учащихся, эвакуированных в курские средние учебные заведения, отделение открыло мужское и женское общежитие на 30 человек каждое, с полным «содержанием» и без платы за обучение. Кроме того, в губернском центре устроили специальную больницу на 30 детей беженцев [3, л. 111, 154]. В течение первого года военных действий беженцам выделяли продовольствие, на станции Курск-Ямская за счет ограниченных средств Союза Городов и местных благотворительных обществ и граждан оказывали медицинскую помощь [2, л. 7].

Основная помощь беженцам (питание, одежда, жилье, медицинская помощь, школа) оказывалась городскими управами под эгидой Всероссийского союза городов. В этой работе участвовали сообща представители городской общественности и беженских национальных организаций. Всего во время войны в городах и уездах только Курской губернии нашли приют 317,2 тыс. беженцев – русских, галичан, евреев, поляков, латышей, немцев-колонистов и др. [28, с. 144].

Кроме беженцев и своих солдат, в городах находились солдаты воюющих с нами держав, но уже в статусе военнопленных. Как и своих солдат, пленным необходимо было размещать, кормить и одевать. Большинство таковых было отправлено в деревни, где их среди местных крестьян определяли на сельхозработы. Однако, несмотря на это, сравнительно небольшие группы пленным оставались в городах, в основном, в госпиталях Курска – 305 чел. австрийцев и 141 чел. германцев. В г. Белгороде на 23 февраля 1915 г. находилось 11 офицеров и 600 нижних чинов австрийской армии, в Старом Осколе – 15 офицеров и

99 нижних чинов той же армии, в Грайвороне на 10 февраля 1915 г. – более 200 военнопленных австрийцев, которые имели возможность свободно общаться с местным населением [13, 26–26 об., 58–58 об.].

В г. Обояни на 28 января 1915 г. среди военнопленных австрийцев было 20 офицеров и 400 нижних чинов славянской национальности, причем офицеры были отпущены воинским начальником под честное слово и пользовались свободой в пределах города, нижние чины были размещены все в одной казарме, под особым караулом. В начале 1915 г. в составе военнопленных Рыльска имелось 10 австрийских офицеров и 120 нижних чинов, которые размещались в отведенном городом помещении и свободного общения с коренными жителями не имели, в Короче насчитывалось 5 офицеров (славяне), 46 человек рядовых славян, 179 человек румын. В Щиграх по Набережной улице в доме Петровского были расквартированы 70 человек военнопленных австрийцев, которые могли свободно общаться с местным населением [13, л. 23, 28–29, 33, 52, 56]. В Путивле на 29 января 1915 г. насчитывалось 92 человека пленных нижних чинов. Они размещались на казарменном положении в городском приходском училище, а 10 офицеров, находились в гостинице. В качестве пленного в г. Курске был австрийский униатский митрополит граф Шептицкий, который находился под стражей и никакого общения ни с кем не имел. Всего в городах губернии по состоянию на 1915 г. находилось 2071 пленный [21, с. 59]. Все пленные, подданные Австрийской империи, совершенно свободно разгуливали по улицам города, легко знакомились с местными жителями.

Военнопленных необходимо было не только размещать, но и одевать, и кормить. Одевать и кормить пленных просто так никто не собирался. Так, к примеру, Рыльская управа признала необходимым «по производительности труда, произведенного по очистке городских улиц, денежное вознаграждение (для военнопленных. – *А.Т.*) заменить выдачей холста для пошива им белья, которое шили сами военнопленные» [12, л. 36]. Нижние чины из состава военнопленных часто отправляли из города в сельскую местность на сельскохозяйственные работы, где они поступали на довольствие к местному населению. Вопрос об одежде для оставшихся в городе пленных удовлетворялся, в основном, за счет самого города. К примеру, 16 мая 1915 г. Рыльская городская управа передала заведующему военнопленными 334,2 аршина парусины для изготовления нижнего белья для пленных австрийской армии, но этого количества явно не хватило, и заведующий сообщал, что для 120 военнопленных, в то время находившихся в городе, необходимо еще 500 аршин парусины [12, л. 23, 35–35 об.].

Местное население к пленным относилось по-разному. Немецких пленных откровенно ненавидели, чему способствовала официальная пропаганда. Зато к австрийцам (которых было большинство) относились терпимо, так как последние (чаще всего – славяне), по мнению обывателей, охотно сдавались русским в плен.

В заключении укажем, что городские жители играли весьма значительную роль в обеспечении победы в войне. На их плечах лежали заботы об обес-

печении госпиталей и лазаретов. Лечили раненых и больных, отправляли их после лечения на фронт или домой.

Куряне оказывали огромную помощь в эвакуации беженцев и переселенцев, военнопленных и сирот, участвовали в формировании фронтовых передвижных лечебных и санитарно-профилактических поездов, занимались перевозкой армейского вооружения и снаряжения, пленных.

Кроме того, по мере необходимости, отправляли собранные для действующей армии фронтовые посылки-подарки, особенно «рождественские». При этом прилагали определенные усилия для обеспечения нормального функционирования местного хозяйства, обеспечения населения продовольствием, топливом и др. товарами.

Горожане Курской губернии передавали в пользование органов местного управления свое имущество и здания для организации лечебных учреждений, пунктов питания, детских приютов и т.п., организовывали собственные лечебные учреждения в тылу.

Жители городов принимали активное участие в сборе денежных средств, одежды, обуви и теплых вещей для армейских нужд, раненых, больных, вдов, детей и сирот.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8498.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8666.
3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8877.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9028.
5. ГАКО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 27.
6. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 170.
7. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 740.
8. ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 214.
9. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 641.
10. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 642.
11. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 659.
12. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 668.
13. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 548.
14. ГАКО. Ф. Р – 322. Оп. 1. Д. 57.
15. Журнал заседаний экстренного уездного земского собрания за 27 и 28 января 1915 г. Курск, 1916.
16. Журналы экстренных заседаний Курского губернского земского собрания за 1 сентября 1915 год. Курск, 1916.
17. Журналы заседаний 50-го очередного Курского губернского земского собрания 1915–1916 годов. Курск, 1917.
18. Известия всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. М., 1915. № 7.
19. Курская быль. 1914.

20. Курская быль. 1915.
21. Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1916.
22. Отчет Курского дворянского депутатского собрания за 1916 год. Курск, 1917.
23. Россия в первой мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.
24. *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975.
25. *Лемке М.* 250 дней в царской ставке // Первая мировая. М., 1989. С. 388.
26. *Терещенко А.А.* Беженцы Первой мировой войны в городах Курской губернии // Курская губерния и куряне в Первой мировой войне. Курский военно-исторический сборник. Вып. 14. Курск: ООО «Интеграл плюс», 2014. С. 85–88.
27. *Терещенко А.А.* Города Курской губернии в период первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Армия в истории России: Матер. межвуз. науч. конфер. Курск, 1997.
28. *Терещенко А.А.* Роль городов Курской губернии в первой мировой войне (1914–1917 гг.) // Непобедимые сыны Отечества: Матер. Всерос. науч.-практ. конфер., посвящ. 55-летию Победы на Курской дуге. Курск, 2000.
29. *Яковлев Н.Н.* Экономические кризисы в России. М., 1955.

И.П. Цуканов,
кандидат исторических наук,
руководитель Центра патриотического воспитания молодежи
Курского государственного университета

УВЕКОВЕЧИВАНИЕ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

28 июля 1914 г. началась Первая мировая война, в которую Россия вступила 1 августа 1914 г. В России ее называли «Великой войной», «Второй Отечественной», «Германской». Потери русской армии в ней составили 2 254 369 чел. [1]. Но этой войны практически нет в нашей истории, нет в учебниках, почти нет мест, где можно было бы положить цветы в память погибших.

Президент России В.В. Путин 27 июня 2012 г., отвечая на вопросы членов Совета Федерации, сказал: «Это забытая война. Забыта она понятно почему. Наша страна много достигла в советский период времени, это очевидный факт, но есть вещи, которые тоже являются очевидными. Эту войну называли империалистической в советское время.

Чем Вторая мировая война отличается от Первой, по сути, непонятно. Никакой разницы на самом деле нет. Но я думаю, что замалчивали ее не потому, что ее обозвали империалистической, хотя речь шла, прежде всего, о геополитических интересах стран, вовлеченных в конфликт.

Замалчивали ее совсем по другим причинам. Мы почти не задумываемся над тем, что произошло. Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества! Мы проиграли проигравшей Германии. По сути, капитулировали перед ней, а она, через некоторое время, сама капитулировала перед Антантой. И это результат национального предательства тогдашнего руководства страны. Это очевидно, они боялись этого и не хотели об этом говорить, и замалчивали это, и несли на себе этот крест... Но время прошло, сейчас нужно вернуться к этому, потому что люди, которые отдали свои жизни за интересы России, не должны быть забыты» [2].

В Москве 1 августа 2004 г., к 90-летию начала Первой мировой войны, на месте Московского городского Братского кладбища были поставлены памятные знаки «Павшим в мировой войне 1914–1918 годов», «Российским сёстрам милосердия», «Российским авиаторам, похороненным на московском городском братском кладбище». 11 ноября 2008 г. на месте Братского кладбища в городе Пушкин была установлена стела-памятник героям Первой мировой войны.

В декабре 2012 г. Президент России утвердил поправку в Федеральный закон России «О днях воинской славы и памятных датах России», вступившую в силу с 1 января 2013 г., согласно которой 1 августа был объявлен Днём памяти российских воинов погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг. [3].

1 августа 2014 г. На Поклонной горе в Москве был открыт памятник героям Первой мировой войны. В церемонии приняли участие президент РФ Владимир Путин, министр обороны Сергей Шойгу, министр культуры Владимир Мединский, патриарх Московский и всея Руси Кирилл, представители других религиозных конфессий, политики, члены военно-исторических клубов, горожане. Перед памятником маршем прошла рота почетного караула, возле монумента стояли солдаты в форме времен Первой мировой войны.

Идея установить памятник в честь 100-летия вступления Российской империи в Первую мировую войну принадлежала Российскому военно-историческому обществу (РВИО). Конкурс проектов выиграл скульптор Андрей Ковальчук. Монумент состоит из двух частей – это солдат на высоком постаменте, на котором изображен Георгиевский крест, и пехота, идущая в атаку на фоне российского триколора.

Памятник был создан на народные деньги, свой вклад внесли и меценаты зарубежья. Так, во Франции по инициативе председателя Общества памяти Императорской гвардии князя Александра Трубецкого состоялся благотворительный концерт-акция «Симфония мира», по итогам которого было собрано € 22 тыс.

В Москве в поддержку возведения памятника прошли благотворительные мероприятия. МХТ им. А.П. Чехова показал спектакль «Белая гвардия» по роману Михаила Булгакова, Большой театр дал оперу «Тоска» Пуччини. В Московской филармонии состоялись концерты Юрия Башмета, Бориса Березовского и симфонического оркестра «Новая Россия». Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского устроила благотворительный концерт «Героям Первой мировой», в котором приняли участие лауреаты конкурса

юных музыкантов «Щелкунчик» и пианистка Екатерина Мечетина. 74 млн рублей было выделено из резервного фонда мэра Москвы. Общая стоимость работ по созданию мемориала составила около 180 млн рублей.

Памятные знаки, посвященный героям «забытой войны» также были открыты в Калининграде, Пскове, Туле, Липецке, Саранске, Ставрополе, Архангельске и Ленинградской области [4]. Не отстала от других регионов и Курская область.

Когда началась Первая мировая война, в Курской губернии было организовано 139 госпиталей и лазаретов [5, С. 185–203]. Основную нагрузку из них несли, безусловно, штатные военные эвакуационные госпитали. В г. Курске было 8 таких госпиталей с численностью персонала в 130 чел. каждый и вместимостью от 420 до 630 койкомест. Кроме этого в г. Курске и губернии были расположены госпитали и лазареты различной принадлежности.

Губернское дворянство выделило свой пансион в здании Дворянского собрания (бывшего гарнизонного Дома офицеров) на 75 коек. Курско-Белгородская епархия в здании женского училища и в общежитии духовной семинарии организовала госпитали на 630 коек. Купеческое собрание выделило здание своего клуба на развертывание госпиталя на 420 коек. Губернское земство полностью отдало под госпиталь здание на Московской улице (ныне здесь располагается городской департамент архитектуры. Строящийся Народный дом (теперь областная филармония) сразу же стали приспособлять под лазарет на 420 мест.

Свои лазареты устроили местное кредитное товарищество, отделение общества сохранения народного здоровья, акцизное управление, ряд владельцев частных домов, мужская классическая гимназия и Мариинская женская, казенный винный склад.

С 22 августа 1914 г. по 1 января 1915 г. через Курский распределительный пункт прошло 37 605 раненых и больных русских воинов. Особую нагрузку стал нести госпиталь в Народном доме, организованный 16 октября 1914 г. За короткий срок здесь лечилось 26 796 человек, а в городской больнице, где также был устроен госпиталь – 4 894 больных и раненых. Командами выздоравливающих были заняты здания четырех начальных городских училищ (всего 750 чел.) [6].

КОМПОО Центр «Поиск» в 2014 г. была проведена работа в государственных архивах по выявлению сохранившихся на территории Курской области зданий, в которых во время Первой мировой войны находились воинские части, госпитали и лазареты. Было выявлено 22 таких здания. Большую помощь поисковикам в определении их современных адресов оказал курский историк и краевед Юрий Владимирович Озеров. Центром «Поиск» был выигран грант Комитета по делам молодежи и туризму Курской области, на средства которого было изготовлено 9 мемориальных плит.

1 августа 2014 г. в день 100-летия с начала Первой мировой войны на здании контрольно-пропускного пункта Курской бригады химической защиты (г. Курск, ул. Дзержинского, 84) была открыта первая памятная плита с тек-

стом: «27-28 июля (9-10 августа по нов. ст.) 1914 г. из этого военного городка, пополнив свои ряды мобилизованными жителями Курской губернии, ушли на фронт 173-й Каменецкий и 174-й Роменский пехотные полки, отличившиеся в сражениях Первой мировой войны».

Как отметил на митинге доктор исторических наук Владимир Коровин: «Место было выбрано не случайно: 25 сентября 1916 года на 173-й Каменецкий полк была обрушена газовая атака немцев, химическая атака, пострадали около тысячи человек, 240 человек погибли сразу и ещё 800 человек получили тяжелейшие ранения, большинство из них в строй больше не вернулись. Сейчас по иронии судьбы именно в этом военном городке базируется воинская часть, которая обеспечивает защиту населения от того самого химического оружия. Вот такая историческая параллель».

Помимо установки памятной доски, организаторы подготовили выставку, где рассказали о героях Первой мировой войны [7]. В митинге приняли участие военнослужащие, члены военно-патриотических клубов, родственники участников той войны, которые возложили цветы на могилы героев Первой мировой капитана А.Н. Озерова, капитана П.В. Смирнова, поручика Г.Ф. Орлова, прапорщика В.В. Сырокомского на Херсонском кладбище.

В ноябре – декабре 2014 г. были торжественно открыты еще 8 мемориальных плит на зданиях, где размещались госпитали и лазареты: 78-й сводный военный эвакуационный госпиталь (г. Курск, ул. Радищева, 33), госпиталь Курского губернского земства (г. Курск, ул. Ленина, 69), лазарет Крестьянского кредитного товарищества №1 (г. Курск, ул. Золотая, 12). Эти три учреждения 22 ноября (5 декабря по нов. ст.) 1914 г. посетил император Николай II, что было отмечено на плитах.

Также были открыты плиты в память 77-го сводного эвакуационного госпиталя Военного ведомства (г. Курск, ул. Ломоносова, 3), городского госпиталя им. Н.Н. Гладкова (г. Курск, ул. Горького, 15), Курского городского лазарета Всероссийского союза городов (Курск, ул. Перекальского, 1), лазарета Курского губернского земства (г. Рыльск, ул. Дзержинского, д.18), лазарета Дмитриевского земства и Красного Креста (г. Дмитриев, ул. Ленина, д. 54).

5 декабря 2014 г. по инициативе сотрудников Курского государственного медицинского университета на здании ОБУЗ «Офтальмологическая больница» (бывший хирургический барак городской больницы, г. Курск, ул. Садовая, 42А) была открыта гранитная плита в память 100-летия посещения 22 ноября (5 декабря по нов. ст.) 1914 г. императрицей Александрой Федоровной и Великими княжнами Ольгой и Татьяной лазарета Всероссийского земского союза [8].

15 мая 2014 г. в Курском государственном университете состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Первая мировая война в судьбе России и народа: 100 лет осмысления». Организаторами которой стали комитет образования и науки Курской области, комитет по делам молодежи и туризму Курской области, ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», Юго-Западное отделение Академии военно-исторических наук, КОМ-

ПОО Центр «Поиск». По итогам конференции был издан сборник материалов [9].

Большой интерес участников вызвали выступления А.А. Сойникова «Освещение истории Первой мировой войны в школьных учебниках по истории России», В.В. Коровина «Боевой путь 173-го пехотного Каменецкого полка в первые месяцы Великой войны», В. Аграновской, Н. Вербиной «История страны: взгляд сквозь жизнь нашего прапрадеда», Ю.Ф. Хрипкова «Некоторые особенности издания почтовых карточек «Заём Победы», А.А. Сутула «Применение удушливых газов в военных целях на Восточном фронте Первой мировой войны по воспоминаниям участника тех событий, уроженца Курской губернии М.И. Бояринцева».

Состоялась презентация подготовленной Юрием Викторовичем Донченко и изданной за собственные средства книги «Памятца воинов Курской губернии», павших на фронтах Первой мировой войны, в которую вошли более 12800 фамилий наших земляков [10]. В 2015 г. Ю.В. Донченко издал второй том «Памятцы...», куда вошло еще 13773 фамилии [11].

Вечная память нашим землякам, защищавшим Родину в годы Первой мировой войны!

Источники и литература:

¹. URL: http://statehistory.ru/books/pod-red--G-F--Krivosheeva_Rossiya-i-SSSR-v-voynakh-XX-veka--Statisticheskoe-issledovanie/15 (дата обращения: 02.08.2014 г.).

². URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/15781#sel=> (дата обращения: 02.08.2014 г.).

³. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010719> (дата обращения: 12.06.2016 г.).

⁴. URL: <http://izvestia.ru/news/574658> (дата обращения: 12.06.2016 г.).

⁵. Виноградова В.К., Цуканов И.П. Дислокация госпиталей и лазаретов на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в судьбе России и народа: 100 лет осмысления. Курск: Курск. гос. ун-т, 2014. 204 с.

⁶. URL: <http://old-kursk.ru/book/stepanov/paints/page022.html> (дата обращения: 02.08.2014 г.).

⁷. URL: <http://www.46tv.ru/new/society/003128/> (дата обращения: 02.08.2014 г.).

⁸. Текущий архив Центра «Поиск».

⁹. Первая мировая война в судьбе России и народа: 100 лет осмысления: сб. материалов межрегион. науч.-практич. конф. / сост. И.П. Цуканов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2014. 204 с.

¹⁰. Донченко Ю.В. Памятца воинов Курской губернии (1914–1918). Курск, 2014. 400 с. // URL: <http://kursksu.ru/stories/view/2603> (дата обращения: 02.08.2014 г.)

¹¹. Донченко Ю.В. Памятца воинов Курской губернии (1914–1918). Т. 2. Курск, 2015. 400 с.

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

О.Н. Аргунов,

ведущий архивист отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области»

ЗАГОТОВКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ДЛЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В 1914–1917 гг.

Снабжения армии продовольствием является одной из ключевых задач тыла в любой войне. От того, насколько хорошо будут организованы поставки продовольствия, во многом зависит исход военных кампаний. Поэтому данный вопрос тут же стал на повестку дня с началом Первой мировой войны и Курская губерния, будучи одной из наиболее развитых в аграрном отношении, не осталась в стороне.

Стоит отметить тот факт, что в середине 1914–1915 гг. закупки и поставки хлеба для нужд армии были для крестьян делом добровольным. Однако, начиная с 1916 г., когда результаты затяжной войны все более стали сказываться на социально-экономическом положении деревни, армия все чаще стала испытывать проблемы с поставками продовольствия. Поэтому уже в 1916 г. правительство предложило сдавать все излишки хлеба по твердым ценам, но эти меры не спасли положения: крестьяне, в том числе и курские, не стремились расставаться со своим хлебом, которого уже явно не хватало всему населению.

В сложившейся ситуации правительство было вынуждено пойти на принудительные реквизиции хлебных излишков, которые тут же встретили активное сопротивление со стороны местного населения. Так, в архивном фонде «Канцелярия курского губернатора» отложились документы о выступлении крестьян в селе Новостроевке Грайворонского уезда в феврале 1917 года.

В вышеуказанный населенный пункт 17 февраля 1917 года прибыл помощник уполномоченного по заготовкам хлеба для армии непременный член Курского губернского присутствия действующий статский советник П.А. Клевенский для принудительной реквизиции излишков хлеба, т. к. сельское общество отказалось от добровольной поставки. Вместе с ним в село прибыли земский начальник и грайворонский исправник с «отрядом стражи». Изначально, вопрос поставок хлеба пытались разрешить мирным путем, но собравшийся сход не желал уступать чиновникам, поэтому было решено изымать хлеб в принудительном порядке, но толпа, состоявшая преимущественно из женщин и стариков, вооружившись кольями, начала активно сопротивляться, и уполномоченному с отрядом пришлось уехать, отложив реквизицию хлеба [1, л. 36].

В дальнейшем, для того чтобы изъять хлеб в Новостроевку был направлен специальный отряд стражи в 40 человек, которому удалось реквизировать хлеб и арестовать тех, кто оказал наиболее ожесточенное сопротивление; среди

них были Игнат Меркульев и Степан Шапошников, которые были доставлены в грайворонскую тюрьму [1, л. 44]. Дальнейшая их судьба остается неизвестной.

Последующие реквизиции хлебных запасов для нужд армии проходили только в сопровождении полиции, о чем свидетельствует рапорт суджанского уездного исправника курскому губернатору. К примеру, для изъятия хлеба в селе Воробжа Суджанского уезда 28 февраля 1917 года того же П.А. Клевенского уже сопровождали 10 нижних чинов полиции и 15 человек стражи, которых направили в соседнее село Уланок, чтобы не вызывать лишних тревог у местного населения. Крестьяне «охотно отдали для нужд армии свои свободные хлебные запасы» [1, л. 71–71 об.].

В отношении поставок продуктов животноводства для нужд армии картина была похожей: за период с середины 1914 по 1915 г. поставки были добровольными, но когда начались перебои с поставками продовольствия для нужд фронта, государство приступило к принудительной реквизиции и продуктов животноводческой отрасли. Однако стоит отметить, что далеко не всегда подобные меры были рациональными.

К примеру, план заготовок крупного рогатого скота у крестьянства для нужд армии по Старооскольскому уезду составлял 300 голов, однако к 23 июля 1916 года добровольно было продано только 20 голов. В связи со сложившимся положением уездной земской управой было решено принудительно реквизировать 540 голов крупного рогатого скота. Но местное население по-прежнему отказывалось сдавать скот, мотивируя несколькими причинами: во-первых, многие не имели излишков скота для продажи, во-вторых, значительная часть населения жила на доходы от продажи молока в уездном центре, в-третьих, некоторые семьи не могли обойтись без коров. Но одной из наиболее весомых причин было недовольство тем, что реквизиция не касалась помещичьего животноводства, что еще больше настраивало крестьян против класса господ. Тем не менее, в принудительном порядке удалось собрать необходимое количество скота, однако крестьянство все более враждебно стало относиться к государству. Также стоит отметить, что и сами помещики весьма неодобрительно относились к реквизиции скота и, как отмечалось в рапорте старооскольского уездного исправника, «вряд ли отдадут свой скот добровольно без принудительных мер...» [2, л. 8–8 об.].

В том же Старооскольском уезде были и случаи, когда значительное количество хозяйств освобождались от поставок крупного рогатого скота для нужд армии. Так, Старооскольское земство попыталось реквизировать дойных коров у Троицкой молочной артели, однако было принято во внимание, что данная артель снабжает молоком госпитали и больницы Старого Оскола и, как «учреждение полезное», нуждается в поддержке, а изъятие коров никак не способствует экономическому развитию уезда, поэтому имеющихся 173 коровы, дававших в день по 35–40 пудов молока, из которых 10–15 пудов направлялись в лазареты и больницы для раненых, было решено оставить у хозяев [2, л. 17–17 об.].

В отношении поставок сала и других продуктов свиноводства для нужд армии в 1916 и 1917 гг. наблюдалась диаметрально противоположная картина.

На конец 1916 года во многих уездах Курской губернии сложилась следующая ситуация: выращенных специально на продажу для нужд армии свиней военные заготовители закупать не торопились, а из-за запрета продажи их на рынке, свиньи поедали лишние корма, тем самым создавая проблемы населению и подрывая местное свиноводство [3, л. 54].

В то же время в 1917 г., когда на Курскую губернию была возложена обязательная поставка для нужд действующей армии свиного сала в размере 108 000 пудов, это вызвало некоторые трудности. В письме председателя губернской управы курскому губернатору от 7 февраля 1917 г. указывается, что «вследствие крайней малочисленности свиней в Курской губернии некоторые уездные земства лишь с большим напряжением своих сил смогут выполнить павший на их долю наряд на свиное сало, а некоторые из них, как выясняется в настоящее время, окажутся в силах выполнить лишь часть своего наряда» [4, л. 38]. Поэтому любой вывоз свиней за пределы губернии расценивался как саботаж заготовок и любыми способами подобные действия предостерегались и останавливались; к примеру, в Путивльском уезде пытались вывезти 100 голов свиней, но вмешательство губернатора в это дело остановило вывоз животных [4, л. 38–38 об.].

К сожалению, исследуя архивные фонды Государственного архива Курской области не удалось обнаружить информации, сколько именно продовольствия Курская губерния смогла поставить для действующей армии, из-за чего исследование нельзя считать завершенным. Поэтому выводы, которые будут сделаны, могут быть скорректированы в зависимости от обнаружения и последующего анализа нового источникового материала.

Исходя из вышеприведенных фактов, можно сделать промежуточный вывод о том, что крестьянское население Курской губернии оказывало всю возможную помощь продовольствием действующей армии, однако политика принудительной реквизиции сельскохозяйственной продукции вызывало открытое недовольство в крестьянской среде, которое накаляло и без того сложную ситуацию в курской деревне.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9174.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9116.
3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9110.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9176.

Е.Г. Атрепьева,
*научный сотрудник отдела использования и публикации
документов ОКУ «Госархив Курской области»*

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ КУРСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 1917 г.

Начало Первой мировой войны на страницах курской периодической печати отмечено выходом обращений и призывов, манифестов и статей, пропагандирующих цели войны, сообщающих о ходе мобилизации и т. д.

Так, например, одним из первых был опубликован Высочайший Манифест императора Николая Второго от 20 июля 1914 г., оповещающий об объявлении Германией войны России, призывающий «в грозный час испытаний забыть внутренние распри и отразить дерзкий натиск врага» [7, 1–8 авг.]. Позднее в том же издание было опубликовано: «... Немного дней тому назад манифестом нашим оповестили мы русский народ о войне, объявленной нам Германией. Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты... объявила войну не раз спасавшей ее России... Силы неприятеля приумножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы, но с удвоенною силою растет... справедливый гнев мирных народов... Мы не одни: вместе с нами встали доблестные союзники наши...» [7, 1–8 авг1].

«В первый момент, когда Германия объявила нам войну, и в особенности, когда окончательно выяснилось, что она и Австрия будут иметь против себя не только Россию и Францию, но и Англию, а вскоре и Японию, и что Италия останется, до поры до времени, безучастной, в тот момент могло казаться, что Вильгельм II бросился в безумную авантюру, и что он скоро будет вынужден признать себя разбитым как в дипломатической игре, так и на поле битвы... Да, разгром Германии неизбежен, но только в том случае, если ее враги не отнесутся легкомысленно к военной мощи Германии и сами напрягут свои силы, до последней степени, до готовности принести какие угодно жертвы, лишь бы сломить угрозу немецкого ига. Никакие неудачи, как бы они не были серьезны и длительны, как бы болезненно они не отражались на народной жизни, не должны себя заставить забыть об этой основной и роковой задаче нашего времени» [1, с. 3–4]. Такого рода публикации появлялись на страницах курских изданий, давая тем самым понять, что эта война решает вопросы национально-государственного существования, вопросы обо всем будущем данной национальной жизни и всей европейской культуры [1, с. 1].

В газетах, журналах, сборниках документов появляются новые рубрики – «Военные заметки», «Война народов», «Вести с войны», «Размышления правых курян», «Небывалая по размерам война», «Экономические причины войны» и др., рассказывающие о причинах и целях войны.

Газета «Курские губернские ведомости» в своей официальной части размещает разделы о пожертвованиях на всевозможные нужды граждан, а также

призыва к воинской повинности, который на территории Курской губернии в 1914 г. начался в плановые сроки 1 октября. Всего на службу было призвано 18 068 человек.

В статье «По нашему краю. г. Дмитриев. Проводы дружинников» газеты «Курская быль» мы находим подробное описание проводов ратников ополчения, сформированных в полк нашей дружины. «В 6 часов вечера по колокольному звону в соборном храме все жители собрались на городской площади. Из храма вышел крестный ход с хоругвями, иконами, со знаменем союза русского народа. За ним шел городской голова А.В. Яковлев, на груди его развивались ленты национальных цветов, на них ярко и выпукло красовалась надпись «Боже, Царя храни. От г. Дмитриева, Дмитриевской пешей дружины». На руках он нес древний образ св. Николая, спутник дружины ратников при Севастопольской кампании, украшенный цветами... Командир полка коленопреклоненный принял образ. После молебна о даровании победы русскому воинству протоиерей Ф. Покровский окропил святой водой всех воинов...» [4, 11 сент.].

В 1915 г. в Курской губернии, как и по всей России, прошли три досрочных призыва новобранцев. Отметим, что объявленный досрочный призыв 1917 г. существенно отличался от призывов 1915 и 1916 гг. Он происходил не в воинских присутствиях, составляемых из представителей сословных учреждений и военного ведомства, а на сборных пунктах у воинских начальников. Возраст молодых людей составлял 19 лет. Никаких льгот по семейному и имущественному положению не предоставлялось.

С началом войны и на протяжении двух последующих лет рост благотворительности среди различных слоев населения набирает все большие обороты. К населению Курской губернии через прессу распространяются призывы и воззвания к пожертвованиям.

«Жители Курска и губернии приглашаются жертвовать как деньгами, так и материалами, необходимыми для изготовления белья и халатов, равно готовыми предметами и личным своим трудом по участию в этом добром деле. Помочь своим отцам, детям и братьям, израненным и заболевшим в боях с врагом – наша святая обязанность и долг. Пусть каждый, не стесняясь малым приношением и небольшим свободным временем, охотно идет в дом дворянства», - читаем мы на страницах Курских губернских ведомостей 1914 г. [7, июль]. Уже через полгода будет известно, о том, что в городских и сельских приходах 51 епархии учреждены и действуют 19, 38 попечительных советов, оказавших денежную помощь 509 608 семействам; на этот предмет израсходовано 1 198 415 рублей, в том числе 1 069 399 руб., собранных пожертвований и 130 016 руб., отчисленных из церковных сумм [8, 15 февраля].

Общий патриотический подъем, охвативший Россию, в первые месяцы войны достаточно быстро угас. На протяжении 1914–1915 гг. местная газета «Курская быль», выходящая ежедневно, на своих страницах печатает сообщения от Петроградского телеграфного агентства, извещающие о победах и поражениях русской армии с австро-венграми; публикует заметки, описывающие ход военных действий во Франции, Англии, Австро-Венгрии, Италии; в рубри-

как «Вести с войны» рассказывает о военном положении в Туркестанском крае, о протесте духовенства в Ватикане и многое другое. Жизнь Курской губернии ярко освещена тут же в разделе «Местная жизнь», который дополнен списками не только раненых и убитых, но и без вести пропавших и умерших от ран воинов различных чинов и званий.

В это же время повсеместно создаются попечительные комитеты для помощи участникам и жертвам войны. Так, например, попечительный комитет судебного ведомства существовал на ежемесячные вычеты из жалованья чинов ведомства и помогал как воинам, сражающимся на передовых позициях, так и воинам, уже пострадавшим от неприятеля. В своей мастерской он ежедневно изготавливал «около тысячи штук белья, заказывал и закупал партиями сапоги, ...а также содержал на свои средства госпиталь на 152 кровати и лазарет на 40 кроватей» [8, 8–15 мая]. Другой – педагогический комитет по оказанию помощи раненым и их семьям, существующий также на ежемесячных отчислениях из жалованья служащих в учебных заведениях и пожертвований, часть своих средств пересылал на нужды центрального лазарета в Харьков, а остальные средства расходовал на содержание детского приюта в Курске [4, 27 октября].

Повсеместно открываются лечебные учреждения, лазареты, создаются перевязочные пункты. Оказанию помощи фронту призван был служить Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ), учрежденный на Всероссийском съезде городских голов 8–9 августа 1914 г. На основании постановления Городской Думы от 27 августа 1914 г. город Курск вступил в эту общественную организацию.

Одной из важнейших задач госпиталей и лазаретов, наряду с оказанием помощи больным и раненым, становится борьба с эпидемическими заболеваниями, и как следствие, конечно же, устройство специальных больниц для инфекционных больных. Прежде всего, устройство таких больниц необходимо было для городов, особенно являющихся распределительными и эвакуационными пунктами, как Москва, Петроград, Орел, Курск, Харьков [3, с. 61].

Особый контроль был установлен над санитарными поездами, с целью обнаружения инфекционных заболеваний среди поездного контингента раненых, обеспечивая во время движения поездов силами медицинского персонала изоляцию таких больных в особо отведенные и приспособленные для этого вагоны [3, с. 64].

Общее число раненых за время Первой мировой войны, по данным русского санитарного ведомства, составило 2 844 500 чел., т. е. 1/5 часть всех мобилизованных. Количество больных солдат и офицеров русской армии составило 2,3 млн чел.

Из западных губерний в Курск ежедневно прибывали товарные поезда, нагруженные колоколами, снятыми с православных церквей и костелов, котлами, машинами, всевозможными предметами фабричного производства и домашнего хозяйства, изготовленных из меди. Все эти вещи перевозились и сдавались на хранение в ближние и дальние артиллерийские парки и склады, что за

Московскими воротами, часть из которых, переплавлялась для выделки снарядов, оставшаяся – хранилась до окончания войны [5, 1 авг.].

Центральной темой газет становятся трудности, вызванные войной, и в первую очередь рост цен на предметы продовольствия. Вот такие данные приведены в газете «Курская быль»: мука пшеничная возросла в цене на 83,3 %, пшено на 100,0 %, гречневая крупа на 220,0 %, картофель – на 100,0 %, масло на 240,0 %, мыло на 221,4 %, мясо на 86,1 % [6, 28 июля].

Городская дума собирает чрезвычайные собрания, на которых решаются различные вопросы, охватывающие городскую и губернскую жизнь: от покупки типографии и приобретения автоматического пожарного насоса, до неустройств водопровода в городе и выдаче дополнительных пособий семьям призванных [6, 28 июля].

Наиболее полноценная картина происходящего, несомненно, представлена письмами очевидцев, тексты которых приводят отчасти в ужас, а нередко вызывают гордость за тот героический подвиг. Отрывок одного из таких сообщений был прислан в редакцию Курских епархиальных ведомостей священником сл. Песчаной Новооскольского уезда Тихоном Нестеровым, который подробно описал все тяготы пребывания в плену одного из русских солдат по фамилии Алейников. «Понедельник. Завтрак – болтушка с отрубей. Обед – нечищенная морковь. Ужин – костяная болтушка. Вторник. Завтрак – кукурузная болтушка. Обед – каштановый суп. Ужин – похлебка ячменная с лузгой. Среда – завтрак – болтушка с бобовой лузги, обед – брюквенный суп, ужин – селедка и 5/8 фунтов картофеля в мундирах...». И далее: «...все это составляется снисчиво так, что очень много заболевает с такой пищи. Я бы желал отомстить за такое питание, но я не в состоянии... Сообщаю русскому народу, что если кто попал в критическое обстоятельство, то легче себя покончить, чем в Германию в плен сдаваться... Подтверждаю, что в Германии мироедство и губительство, наказывают беспощадно за малейшие проступки: если в бараке кто закурил, то к столбу привяжут по ногам и рукам веревкой, чтоб неподвижным был; если кто спрятался от работы то кушать не дадут и к столбу вяжут и по затылку дадут и т. д.» [8, 22 сент.]. Другие же публикации повествуют о героизме и мужестве солдат. Так статья «Памяти павших героев» журнала «Курские епархиальные ведомости» описывает героический случай командира-полковника Дросса, поручика Хламова, прапорщика Ермакова и двух нижних чинов, которые спасая своих товарищей по Воронежскому пехотному полку, 5 батальона, 31 артиллерийской бригады погибли в «жарком бою» при численном неравенстве сил [8, 1–8 февраля]. И награды находили своих героев: «Государь Император всемилостивейше соизволил пожаловать право ношения Высочайше утвержденного Романовского знака 3 ст. отличия за труды по сельскому хозяйству крестьянину Курской губернии Афанасию Супрунову», или «Государь Император объявляет Высочайшее благоволение за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны, помощнику начальника Курского жандармского управления графу Подгоричани-Петровичу» [5, 1 авг.].

1916 г. стал определяющим для России: экономика России была перенапряжена, прогрессирует хозяйственный кризис, происходит рост рабочего движения, распространялись слухи об изменах, как в верхах власти, так и других структурах общества. В сложившиеся условия участились случаи забастовок, связанные с нехваткой продуктов питания, инфляцией, развитием спекуляции, ростом доходов заводчиков.

Победа Февральской революции и курс Временного правительства на осуществление демократических преобразований вызвали в стране широкую народную поддержку. Сформированное объединившимися революционными силами Временное правительство создавало свои советы – рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При всем этом страна вынуждена жить по старому укладу, лишь частично вливая новое содержание в старые формы. В народные массы вливается целый поток новых взглядов, идей, смелых призывов. И как результат этого – вспыхнувшая борьба классов: рабочих с хозяевами и администрацией, солдат – с командным составом, крестьян – с помещиками, духовенством и между собою [9, 15–22 ноября]. Забастовки и расправы на фабриках и заводах, разгромы помещичьих усадеб, грабежи, изгнание духовенства и т. д. – такой была представлена Курская губерния на страницах местной периодики. Хозяйственная и финансовая разруха государства достигла фантастических размеров.

Газетные статьи 1917 г. являются призывами и обращениями к гражданам. Вот такое обращение к торговцам вышло в «Курском крае»: «Старый режим оставил нам в наследство полное расстройство транспорта, вызванное бессистемностью и отсутствием плана перевозок продовольственных грузов. Наша задача – внести порядок в эту разруху! Курск испытывает острую нужду в продовольствии» [10, 12 марта].

Главной целью созданного Курского временного исполнительного комитета и становится сохранение порядка и спокойствия в городе и урегулирование продовольственного дела. По всей Курской губернии проходят массовые аресты предводителей дворянства и наряду с этими обстоятельствами выборы представителей в уездные комитеты. На страницах газет появляются заголовки: «К выборам в совет солдатских депутатов», «Всероссийский Совет крестьянских депутатов» и т. д., а вскоре эти Советы и развернут активную деятельность, направленную на решение общественно-экономических вопросов, например, таких как изъятие земель из частной собственности во всеобщее пользование на трудовых уравнилельных началах.

Курская военная газета в апреле 1917 г. публикует резолюции, принятые совещанием Советов рабочих и солдатских депутатов по рабочим вопросам: резолюция о бирже труда, о военнообязанных, об инспекции труда, о социальном страховании и т. д. Так, например, резолюция о 8-часовом рабочем дне предполагала установление повсеместно и для всех отраслей труда 8-часовой рабочей день с запрещением сверхурочных работ, за исключением предприятий, работающих на оборону и изготавливающих предметы первой необходимости. Резолюция о профессиональном строительстве главной целью ставила образова-

ние профессиональных союзов, с целью закрепления завоеваний рабочего класса в области законодательной охраны труда и организации экономической борьбы рабочего класса [2, 14 апреля].

С мая 1917 г. вместо Курского исполнительного комитета образуется Курский Губернский народный совет, в который входят представители от сельского населения губернии, от уездных комитетов, от кооперативов, от рабочих, от солдат, всех учреждений и общественных организаций. Первое заседание вновь созданного Совета состоялось уже 7-го мая.

Со своей стороны церковь тоже прикладывала все усилия «к облегчению водворения новых начал государственной жизни, освещая с церковной кафедры эти начала с христианской точки зрения, призывая верующих хранить спокойствие, доверие Правительству, и все силы напрягать к победоносному окончанию войны» [10, 16 марта].

В целом, печатная периодика в период между центральными событиями 1917 г. в России служила ареной обсуждения главных тем политической повестки дня – вопросов о войне, мире, власти и собственности.

Первая мировая война явилась тяжелым испытанием для всех отраслей промышленности и сельского хозяйства. Как подтверждение тому и продовольственный кризис, и низкий уровень производства промышленных предприятий, сбои в работе транспорта, прежде всего железнодорожного, и классовая борьба и т. д.

Таким образом, анализируя материалы печати того времени, мы убедились в том что, происшедшие в годы первой мировой войны изменения, а также общие условия военного времени вызвали как в российской деревне, так и в повседневной жизни горожан социальные перемены, сыгравшие большую роль в дальнейшей судьбе народа и государства в целом.

Источники и литература:

1. Вопросы мировой войны: Сб. стат. под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг. 1915. 675 с.
2. Военная газета. 1917.
3. Известия главного комитета. М. 1914. 98 с.
4. Курская быль. 1914.
5. Курская быль. 1915.
6. Курская быль. 1916.
7. Курские губернские ведомости. 1914.
8. Курские епархиальные ведомости. 1915.
9. Курские епархиальные ведомости. 1917.
10. Курский край. 1917.

Л.И. Купреева,
*научный сотрудник отдела использования и публикации
документов ОКУ «Госархив Курской области»*

К ВОПРОСУ О НАГРАЖДЕНИИ БРОНЗОВОЙ МЕДАЛЬЮ ЛИЦ, ОТЛИЧИВШИХСЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ВСЕОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ 1914 ГОДА

101 год назад в мировой истории произошел один из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества – Первая мировая война 1914–1918 гг. Она стала абсолютно новым явлением для всего мира. В состоянии войны впервые оказались не отдельные страны и регионы. В нее было ввергнуто все мировое сообщество. Наиболее трагичной по своим последствиям война стала для России, в которой произошла беспрецедентная в истории коренная ломка всей системы общественных отношений.

1 августа 1914 года Россия вступила в эту войну, оказавшуюся последней войной Российской империи, которую она не пережила и вышла из нее уже совсем иным государством. Великая война оказалась первой мировой не только по ее порядковому номеру. Многое тогда произошло впервые. Это был первый опыт массовой мобилизации, перевода экономики на военные рельсы, впервые в сражениях приняли масштабное участие танки и авиация, впервые появились новые рода войск и виды оружия.

Первая мировая война стала тяжелым испытанием для российской провинции, внося изменения во все сферы ее жизни. Невиданный по масштабам военный конфликт потребовал мобилизации всех внутренних сил страны для ее ведения. Провинция обеспечивала армию необходимыми людскими, продовольственными, материально-техническими ресурсами в условиях нарастающего экономического кризиса, порожденного войной.

Мобилизационные мероприятия 1914 г. в Курской губернии, как и по всей Российской Империи, прошли организованно, чему, без сомнения, способствовал общий подъем патриотических настроений, вызванный вступлением России в вооруженное противоборство с Германией, объявившей ей войну.

В знак внимания «к трудам, способствовавшим отличному проведению всеобщей мобилизации 1914 года», император Николай II 12 февраля 1915 года учредил государственную награду, ставшую последней военной медалью периода русской монархии, – светло-бронзовую медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» для ношения ее на груди, на темно-синей ленте ордена Белого Орла. Это единственная медаль, имеющая данную ленту. Согласно Положения об этой медали, ею награждались лишь лица, по своим служебным обязанностям принимавшие участие в мобилизации войск в начальный и предшествующий период войны, в работах по составлению планов мобилизации, призыву чинов запаса и ополчения на военную службу и по поставке для нужд армии перевозочных средств по военно-

конской, повозочной, автомобильной и судовой повинностям, а также по перевозке войск и военных грузов. Кроме того, на такое награждение имели право и лица, непосредственно участвовавшие в исполнении этого рода работ при мобилизации 1914 года. Все, награжденные этой медалью, получали ее бесплатно [1, с. 1–1 об.]. Право ношения медали удостоверялось особым свидетельством [2, с. 2.].

Сама медаль имеет диаметр 28 мм, на ее лицевой стороне изображен портрет императора Николая II в профиль, какие-либо надписи и регалии отсутствуют. На оборотной стороне медали горизонтальная надпись в пять строк: «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года». Имеет ушко для крепления к ленте [и, с. 28 с приложением].

Всего на Санкт-Петербургском монетном дворе было изготовлено 50 000 бронзовых медалей [1, с. 14].

В феврале 1915 года в Курскую губернию был направлен циркуляр за подписью Министра внутренних дел Маклакова и Председателя Управления воинской повинности Куколь-Яснопольского, касающийся порядка награждения вышеуказанной медалью. Вопрос о награждении был вынесен на рассмотрение местных губернских властей, которым поручалось составлять списки [1, с. 1] и которые решали его в меру своего понимания данного вопроса. Несмотря на весьма подробное разъяснение о порядке награждения, списки, представленные по указанию Курского губернатора Губернскому по воинской повинности присутствию воинскими уездными присутствиями, уездными исправниками и Курским полицмейстером [1, с. 4], оказались достаточно внушительными. Думаю, что здесь, как обычно, сыграл свою роль человеческий фактор.

Общее количество человек, внесенных в по уездные списки для награждения по Курской губернии, составило около 2 397 [1, с. 20–426].

В апреле 1915 г. для раздачи в Курскую губернию Управлением воинской повинности было выдано лишь 930 медалей [1, с. 146].

21 мая 1915 г. Курским Губернатором был вновь направлен циркуляр Курскому полицмейстеру, уездным исправникам Курской губернии и уездным по воинской повинности присутствиям с предложением заполнить свидетельства на право ношения медали, в котором он подчеркивал крайне ограниченное количество присланных медалей и предписывал награждать ими лишь тех лиц, «кои исполнили свои мобилизационные обязанности с отличием, а не работники, ничем не выделившиеся или даже принимавшие лишь то или другое косвенное участие в деле мобилизации» и «заслуги коих подходят под точно определенные указания Положения о медали, и которые действительно достойны такого отличия». По заполнении свидетельств, они, вместе с отдельным общим списком лиц, были представлены Губернатору на подпись [1, с. 138].

Награждение не носило ярко выраженного классового характера, так как к нему было представлено немало крестьян, исполняющих обязанности волостных писарей, старшин. В циркуляре Министра внутренних дел за апрель 1915 года подчеркивается их важная роль и содержится просьба «обратить особое внимание на названных выше скромных, но полезных тружеников мобили-

зационного дела» [1, с. 15]. На волостных старшин и писарей были возложены обязанности, успешное исполнение которых имело большое значение в ходе мобилизации.

В списке должностных лиц, принимавших участие в отличном выполнении всеобщей мобилизации 1914 года и заслуживающих за свои труды, пожалованные Высочайшим утверждением, медали, вошли: работники уездных по воинской повинности присутствий, уездные исправники, приставы, заведующие военно-конскими участками, земские медицинские и ветеринарные врачи и мн. др.

Медаль эта является единственной, учрежденной за труды по выполнению всеобщей мобилизации.

Ордена и медали – это наша история, связь с героическим прошлым страны. По ним можно воссоздать важнейшие вехи ее военной истории.

Тем не менее, после Октябрьского переворота одними из первых декретов ВЦИК и СНК РСФСР стали: декрет от 10 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [3, с. 35–36] и от 16 декабря 1917 года декрет «Об уравнивании в правах всех военнослужащих», которым «все ордена и прочие знаки отличия» отменялись [4, с. 137–138].

Так, наградные медали, в том числе и медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года», как и другие знаки отличия Российской империи, одним росчерком пера были превращены в исторические реликвии.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 141. Оп. 1. Д. 174.
2. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 12764.
3. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 31.
4. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 139.

Л.С. Ласочко,
*зам. начальника отдела использования и публикации
документов ОКУ «Госархив Курской области»*

НЕГЛАСНЫЙ НАДЗОР НАД ИНОСТРАННЫМИ ПОДДАННЫМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСАРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В словаре под редакцией Брокгауза и Ефрона мы можем прочитать, что «полицейский надзор по действующему законодательству существует в двоякой форме: гласный и негласный». О последнем сказано, что «порядок назначения и существо негласного надзора в уставе о предупреждении «преступления не определен...» [10, с. 437].

Предвидя возможное начало военных действий, и прежде всего со стороны Австро-Венгрии, МВД уже с 1912 года обязало полицию Курской губернии установить секретное негласное наблюдение за иностранцами, особенно австрийскими подданными.

Документы архивного фонда Курского губернского жандармского управления свидетельствуют, что секретный или негласный надзор устанавливался за лицами, которые могли быть заподозрены в действиях, направленных против «общественного спокойствия». Наблюдение велось тайно, поднадзорные могли не знать и не догадываться, что за их деятельностью, связями, образом жизни, перемещениями ведется строгий контроль.

Накануне и в годы Первой мировой войны особый надзор устанавливался за иностранными подданными с целью выявления возможного занятия с их стороны шпионажем.

Следует отметить, что в России, и в Курской губернии в том числе, проживало немало иностранных подданных. Согласно итогам Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в Курской губернии проживало 635 иностранцев, лиц обоего пола. Из них подданных Австро-Венгрии – 201 чел., Германии – 99 чел., Пруссии – 109 чел., Турции – 34 чел., Франции – 29 чел., Швейцарии – 28 чел., Персии – 23 чел. ...» [9, л. 98–99].

Ещё в феврале 1904 г. австро-венгерское консульство обратилось с запросом к курскому губернатору о количестве проживающих в губернии австрийских и венгерских подданных. По донесениям уездных начальников полиции оказалось, что количество проживающих австрийских подданных – 120 человек, венгерских подданных в губернии не оказалось [1, л. 1, 29].

С начала 1914 г. увеличилось количество прибывающих в губернию австрийских, швейцарских, турецких и китайских подданных.

Так, в записке подполковника отдельного корпуса жандармов Белевцова начальнику КГЖУ от 13 января 1914 г. сообщалось о появлении в России иностранцев, именуемых себя «туристами», совершающих пешком, без денег, «кругосветные путешествия вследствие заключенного с каким-либо спортивным обществом пари». Однако информации, донесения, поступающие с мест,

свидетельствовали, что большинство из этих туристов, игнорируя маршруты, подолгу «остаются в пределах европейской России, избирая определенные районы и посещая по несколько раз одни и те же пункты», а проживание их в первоклассных гостиницах, посещение дорогих ресторанов, наводило на мысль, что цель этих туристов – «сбор военных сведений, установление связей с «постоянно проживающими в России секретными иностранными агентами разведки». Предписывалось установить наблюдение за подобного рода туристами: сообщать о личности каждого из прибывших с указанием «откуда прибыли и куда выбыли» [3, л. 9–10].

О целях прибытия иностранцев сообщалось в донесениях уездных исправников. В мае 1914 г. отмечено прибытие группы китайских подданных в г. Обоянь «по торговым делам»; в сл. Велико-Михайловка для «найма девушек на огородные работы в Ростов-на-Дону прибыла группа болгарских подданных; сообщалось о появлении в г. Новый Оскол французской гражданки, лирической актрисы Маргариты Делев [4, л. 32, 40]. Пристав 1-й части г. Курска уведомлял начальника КГЖУ о поселившимся во вновь строящемся народном доме австрийского подданного Антона Стрижевского, который занимался «штукатурными работами» [4, л. 152]. В отношении всех прибывающих лиц иностранных подданных было сделано предписание об установлении за ними негласного наблюдения. 20 июля 1914 г. губернатор направил в адрес начальника КГЖУ «Список австрийских и германских подданных, проживающих в Курской губернии» [4, л. 147].

Список германских подданных, включал 44 человека, среди них были известные в Курске и губернские лица: Георгий Мартенс, содержатель литейного завода, в г. Курск; Вильгельм Печке, владелец дрожжевого и винокуренного заводов Рудольф Эртман, владелец колбасного заведения в г. Курск, Антон Зейдель, фотограф, г. Курск, Павел Квилиц, владелец пивного завода в Курске, Вернер Краузе, лесопромышленник, Обоянского уезда, Иван Майер, управляющий имением Струкова в Фатежском уезде, Вильгельм Вальтер, управляющий имением Толстого в Грайворонском уезде [4, л. 161–162] и др. 26 июля 1914 г. был составлен дополнительный список на 10 человек германских подданных, в который были включены арендаторы, приказчики, рабочие и др. лица [4, л. 164].

28 июля 1914 г. Департамент полиции разослал начальникам губерний секретный циркуляр, в котором говорилось о «массовом наплыве в Россию китайцев, прибывающих в качестве мелких торговцев». Рассеиваясь и проживая без всякого надзора по всей стране, китайцы-торговцы могли быть завербованы военными разведчиками иностранных держав. В связи с этим, предписывалось установить «тщательное наблюдение за китайцами» с целью выяснения настоящих целей и рода занятий их в России [3, л. 294–294 об.].

Негласный надзор устанавливали и над иностранными компаниями, действовавшими на территории России. Так, во исполнение секретного циркуляра Департамента полиции от 5 ноября 1914 г. Курское губернское жандармское

управление установило негласный надзор за агентами по продаже швейных машин компании Зингер [3, л. 406–407].

По полученным сведениям главная контора фабрики Зингер поручила своим агентам «собрать негласным путем в обслуживаемых ими районах сведения о количестве и названиях селений, с указанием в них численности усадеб и жителей, а также достопримечательных местностей» [3, л. 452].

Проанализировав поступившую от уездных урядников информацию о деятельности агентов, начальник КГЖУ в своем донесении Департаменту полиции от 2 марта 1915 г. сообщал, что агентами компании Зингер собирались сведения о количестве жителей в пределах Курской губернии, однако, делалось это исключительно по роду их службы, связанной со сбытом швейных машин [3, л. 452]. И, тем не менее, за деятельностью агентов негласный надзор продолжался.

29 июля 1914 г. на имя губернаторов и градоначальников под грифом «совершенно секретно» была направлена телеграмма, в которой сообщалось, что в связи с призывом Австрией и Германией «всех способных носить оружие, все австрийские и германские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет должны считаться военнопленными и подлежат немедленному аресту и высылке» [4, л. 219]. Из мест Европейской части России и Кавказа высылались в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии, а из Сибири – в Якутскую область. К числу германских, австрийских и венгерских подданных были отнесены подданные не только Германии и Австро-Венгрии, но и других государств или частей их, вошедших в состав упомянутых держав. Всем иностранным подданным государств, находящихся в состоянии войны с Россией, до особого распоряжения запрещалось занимать должности поверенных или управляющих недвижимым имуществом.

Начальники полиции должны были сообщать о мерах, принятых в отношении австрийских и германских подданных, состоящих управляющими в имениях. Это положение коснулось таких лиц, как Георгий Гинингер, германский подданный, управляющий Курским водопроводом, Феликс Квецинский, австрийский подданный, управляющий имением и винными заводами Николая Евграфовича Муханова и др. [2, л. 2, 5].

Кроме указной категории лиц под действие закона попадали пивовары, винокуры, заведующие заводами, помощники управляющих. Лицам, в благонадежности и лояльности которых не возникало сомнений, разрешалось с согласия военного начальства оставаться на свободе в местах их жительства, но опять-таки под наблюдением полиции. Некоторым из них, как например Вильгельму Вальтеру, бывшему заведующим Николаевской экономией при Головчанском заводе в Грайворонском уезде и в течение 32 лет проживавшему в России, было разрешено проживать на прежнем месте, но от занимаемой должности заведующего экономией он был отстранен [2, л. 14–15].

Австрийские и германские дезертиры, оказавшиеся в России до войны, оставались «на прежнем основании с усилением надзора за ними» [4, л. 176–176 об.].

18 августа 1914 г. начальником Курской губернской тюрьмы в адрес Курского губернского жандармского управления был направлен «Список военнопленных, отправленных в распоряжение Курского уездного воинского начальника». В этом списке оказались Вильгельм Печке, братья Отто и Георгий Мартенс, братья Август и Антон Зейдель, Вальдемар и Павел Квилиц и др., хотя в характеристиках, данных всем, включенным в список, содержится запись: «За время проживания при хорошем поведении ни в чем предосудительном замечен не был» [4, л. 213–215 об., 389]. Некоторые из лиц возбудили ходатайство о переходе в русское подданство: управляющий городским водопроводом Георгий Геннингер, часовой мастер Эмиль-Людвиг Фридрих Готш, Фридрих и Август-Фридрих Везгунг и др.

В круг наблюдения попали «высланные в определенные местности германские, австрийские и венгерские подданные», а также прибывающие с фронта военнопленные немцы и австрийцы, которые «благодаря сохранению им полной личной свободы в местах их водворения создавали угрозу для «государственного порядка и общественного спокойствия». Департамент полиции в своем циркуляре от 6 января 1915 г. просил доносить обо всех случаях «революционной пропаганды и подготовки благоприятной почвы для революции» [5, л. 21].

В 1915 году увеличилось число прибывающих в Россию австрийских, швейцарских, германских, персидских, греческих и др. подданных.

Курский уездный исправник доносил начальнику КГЖУ о прибытии немцев-колонистов, русских подданных, поступивших на мельницу графа Клейнмихеля в с. Рышково Курского уезда в качестве работников; в имение генерала П.Д. Политковского при селе Букреево Рышковской волости прибыли на жительство австрийские подданные Войцех Сломицкий, Михаил Кадель и Михаил Росса – все чернорабочие [6, л. 69, 193–194].

Перед Курским губернатором было возбуждено ходатайство о наблюдении со стороны чинов полиции за военнопленными иностранцами, находящимися в пределах Курской губернии, а также за всеми иностранцами, прибывавшими на территорию губернии.

Так, 26 декабря 1916 г. Департамент полиции разослал циркуляр о том, что в Россию с важным поручением «шпионского характера» командирована певица Хильда Флотова, баварка, хорошо говорящая на русском и французском языках. Она выступала в одном из варьете в качестве имитаторши. Перед отъездом в Россию Флотова занималась изучением карт. Предписывалось при появлении Флотовой на территории губернии «установить за ней самое тщательное наблюдение» [7, л. 47–47 об., 8, 11–11 об].

Внимание полиции привлек и гастролирующий Мартин Иегер, дающий «магические представления короля ловкости». Отмечалось, что он посещает преимущественно воинские части, стараясь проникнуть ближе к передовым частям.

В некоторых случаях не указывалась причина или повод для установления наблюдения. 3 января 1917 г. Курскому уездному исправнику было направ-

лено отношение начальника КГЖУ об установлении «тщательного негласного наблюдения» за испанскими подданными Марио Гюэль (он же Гелль) и Джоси Бергес «по военным обстоятельствам». «Особо секретное негласное наблюдение» устанавливалось и за прибывшим в Россию румынским подданным Каролем Фишером, подозревавшимся в шпионаже [8, л. 4, 71–72].

Приведенные примеры свидетельствуют, что негласный надзор в годы Первой Мировой войны устанавливался за всеми без исключения иностранными подданными независимо от их положения, рода занятий и времени пребывания в России и в Курской губернии в частности. И если накануне и в первые годы войны негласный надзор за иностранцами устанавливался с целью выявления и пресечения шпионажа, то начиная с 1916 года, в поле зрения полиции попадают иностранные подданные, которые, пользуясь свободой передвижения, могли нести в массы революционные идеи.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7415.
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10712.
3. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 531.
4. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 535.
5. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 548.
6. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 570.
7. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 609.
8. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 610.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. XX. Курская губерния. СПб., 1904.
10. Энциклопедический словарь. Т. XX. СПб. 1897.

И.В. Пинаева,

преподаватель Курского автотехнического колледжа (г. Курск)

ПОМОЩЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУРСКОЙ ЕПАРХИИ АРМИИ И ОБЩЕСТВУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война – одна из самых трагичных страниц в мировой истории. Российская империя вступила в войну 1 августа 1914 г., это событие стало серьезным испытанием для страны. Вся российская общественность воодушевленная патриотическим подъемом, старалась оказать посильную материальную и моральную поддержку армии. Не только государство и светские общественные организации, но и различные духовные ведомства принимали активное участие в поддержании воинов. Конечно же, не осталась безучастной к

происходящим событиям и Русская Православная церковь, действовавшая через Святейший Синод и епархиальные управления на местах.

Территория современной Курской области и частично территории соседних областей находились под управлением Курской епархии, которая определяла деятельность всех православных монастырей и приходов, духовных учебных заведений в деле оказания помощи действующей армии. Один из основных вопросов, который было необходимо решить, – материальная и моральная поддержка воинов, лечение больных и раненых. С этой задачей Курская епархия успешно справлялась. Первые лазареты для раненых воинов были оборудованы в зданиях учебных заведений – согласно распоряжению архиепископа Курского и Обоянского Тихона от 23 августа 1914 г., по просьбе Курского губернатора Николая Павловича Муратова, здание Курского епархиального женского училища было передано под лазарет для больных и раненых военнослужащих [1, л. 101]. На средства епархии 26 сентября 1914 г. в архиерейском доме, расположенном в Знаменской Роще, был открыт санаторий-госпиталь на 35–40 мест [4, с. 792]. Активное участие в устройстве госпиталя, путем внесения денежных средств, приняли монастыри Курской епархии: Курский Знаменский монастырь пожертвовал 1 200 р., Коренная пустынь – 800 р., Белгородский мужской монастырь – 1 500 р., Белгородский женский монастырь – 500 р., Курский Свято-Троицкий женский монастырь – 100 р., Борисовская Тихвинская пустынь – 500 р., Рыльский Николаевский мужской монастырь – 300 р. Всего же, от 13 монастырей епархии госпиталь получил 7 400 р. [3, с. 688]. Для заведования госпиталем была образована комиссия из черного и белого духовенства, а также из мирян. Архиепископ Тихон пожертвовал на лечение раненых и больных воинов свои личные сбережения в размере 400 р. сразу и 100 р. ежемесячно. К 1 января 1915 г. на оборудование госпиталя, лечение и содержание раненых было израсходовано 9 045 р. 35 коп. [7, с. 589]. Обитатели осуществляли в пользу госпиталя в Знаменкой архиерейской роще не только денежные, но и вещевые пожертвования: от Коренной пустыни – большое количество белья, одеяла и подушки, а также лошадь с упряжью, сани и линейка для перевозки раненых, от игуменьи Свято-Троицкого женского монастыря – Емилии – 25 рубашек, 25 халатов, 150 полотенец [5, с. 370].

В начале сентября 1914 г. Святейший Синод обратился к обителям с просьбой оказать помощь в лечении раненых воинов. Монастыри Курской епархии с готовностью откликнулись на эту просьбу, так Белгородский Свято-Троицкий монастырь отвел для раненых военнослужащих монастырскую гостиницу на 40 кроватей и пожертвовал в местный Комитет Красного Креста 5 000 рублей для организации лазарета. Коренная Рождество-Богородицкая пустынь оборудовала в монастырской гостинице 15 кроватей, со всеми необходимыми принадлежностями, вольнонаемными врачами, фельдшером и несколькими лицами из братии, назначенными для специального ухода за больными. Рыльский Николаевский мужской монастырь выделил для госпиталя свободное помещение [3, с. 689]. Курский Свято-Троицкий женский монастырь предоставил под военный госпиталь свою церковно-приходскую школу, а также по-

жертвовал 412 аршин холста (293 м) и 100 полотенец на нужды госпиталя [1, л. 12]. Борисовская Тихвинская женская пустынь, не имея возможности предоставить свое помещение, постановила ежемесячно отчислять на содержание госпиталя по 30 рублей из своих доходов [3, с. 690].

Обитатели не только самостоятельно осуществляли уход за больными и ранеными воинами, но и совершали серьезные денежные пожертвования. К сентябрю 1915 г. в пользу Российского Общества Красного Креста от курских монастырей были перечислены следующие суммы: от Курского Знаменского монастыря – 5 000 р., от Белгородского Свято-Троицкого – 10 000 р., от Обоянского Знаменского монастыря – 2 000 р., от Рыльского Николаевского монастыря – 1 000 р., от Курской Коренной пустыни – 8 000 р., от Борисовской пустыни – 1 500 р. Таким образом, монастыри продолжали традиции древнерусских обителей всегда в годы народных бедствий охотно приходивших на помощь государству своими трудами и материальными пожертвованиями [7, с. 589]. В течение 1916 г. от монастырей Курской епархии в пользу Красного Креста было пожертвовано 61 915 р. 31 коп. [13, с. 528].

Особое внимание уделялось вопросу оказания помощи семьям военнослужащих, ведь многие из них находились в довольно затруднительном положении в связи с тем, что главные кормильцы были призваны на войну. В целях одобрения и утешения воинов, отправляющихся в действующую армию, священнослужители церковью Курской епархии заканчивали свои патриотические поучения и речи успокоительными словами: «Вы братие, будете защищать дорогое наше Отечество там, а мы с прочими властями здесь будем заботиться о семьях ваших».

Для поддержки семей военнослужащих Курской епархией был проведен ряд мероприятий: во всех приходах были образованы попечительные советы, служащие органами общественной помощи их женам и детям. Благодаря Попечительным советам были собраны и розданы денежные пособия 1 414 нуждающимся семьям на сумму 4 044 рубля 24 копейки [4, с. 791].

К осени 1915 г. эта цифра значительно увеличилась. От духовенства Курской епархии было собрано 16 836 р., что позволило оказать помощь 6 352 семьям военнослужащих. Всего же за первый год войны 1 050 церковными попечительствами епархии была оказана материальная помощь 36 646 семействам на сумму 74 735 р. 63 коп. За тот же период нуждающимся семьям было роздано 8 000 пудов муки (131 040 кг), 750 пудов ржи (12 285 кг), 1 449 возов дров, 4 275 возов соломы, до 200 пудов коровьего масла (3 276 кг), столько же – свиного сала, до 400 пудов овса (6 552 кг.) и большое количество других сельскохозяйственных продуктов [6, с. 565].

Для облегчения положения жен военнослужащих по решению архиепископа Тихона было решено открыть ясли для детей «...отцы которых на войне, а матери с утра на работе» [7, с. 590]. Это позволяло частично «разгрузить» женщин и дать им возможность трудиться и зарабатывать на жизнь. «Ясли от Курского православного духовенства для детей лиц, призванных на войну», были открыты 1 июля 1915 г. и содержались на пожертвования курского город-

ского духовенства. Сразу же после открытия в них было принято более двух десятков детей в возрасте от двух лет. В разных местах епархии по примеру Курска началась работа по созданию таких же яслей [7, с. 591]. К началу 1916 г. ясли были значительно расширены. Было решено принимать детей военнослужащих в возрасте от 2 до 10 лет. Помещение для яслей, по решению настоятельницы Емилии, предоставил Свято-Троицкий женский монастырь. Для содержания детей ежемесячно от каждого причта и от каждой церкви выделялось по 2 рубля – итого 138 рублей в месяц. Для заведывания яслями был избран комитет под председательством игуменьи Емилии. К 31 декабря 1915 г. яслями воспользовались 149 детей – 63 мальчика и 86 девочек [10, с. 296]. Дети весь день находились под присмотром – с 7 часов утра до 7 часов вечера, были накормлены и ухожены. В яслях было установлено трехразовое питание, включавшее весовой хлеб, чай и молоко, обед и ужин из двух блюд. Обязанности воспитательниц выполняли послушницы и монахини Свято-Троицкого монастыря [11, с. 313].

Большое внимание уделялось проблеме беженцев. 5 октября 1915 г. в Петрограде было открыто Всероссийское общество попечения о беженцах под председательством А.А. Римского-Корсакова. Инициатива была поддержана Церковью. По указанию архиепископа Курского и Обоянского Тихона в Курске 10 ноября 1915 г. был открыт отдел этого общества, который приложил немало усилий для оказания помощи православным, эвакуированным из западных районов Российской Империи. В состав Общества кроме светских лиц вошли многие представители епархиальных учреждений, всех духовно-учебных заведений г. Курска. Материальную помощь беженцам оказывали Епархиальный Комитет, монастыри и приходы епархии [8, с. 791]. Курский Знаменский монастырь предоставил для их проживания свои свободные помещения, в Коренной пустыни для беженцев шилось теплое белье. В помещениях церковно-приходских школ при Богословской, Покровской и Михайловской церквях города Курска были открыты приюты для беженцев [2, л. 15]. К 1 января 1916 г. по приходам Курской епархии было размещено 10 558 православных беженцев. По всем уездам Курской губернии с для них была собрана материальная помощь: более 6 000 предметов одежды, 514 пар обуви, 7 811 предметов белья, 18 274 аршин холста (12 997 м), 1 796 пудов зерна (29 418 кг), 548 пудов муки (8 976 кг) и другие продукты (печеный хлеб, картофель, капуста, сало и др.). Для беженцев были собраны денежные пожертвования на сумму 6 852 рубля [9, с. 114].

Помощь, оказываемая обителями армии, не ограничивалась денежными и вещевыми пожертвованиями, осуществлялась и духовная поддержка воинов. С этой целью монастыри Курской епархии отправили в армию 17 иеромонахов, оборудовали военные походные церкви, израсходовав более 5 000 рублей. От Коренной пустыни в действующую армию были направлены три иеромонаха с церковной утварью на сумму более 400 рублей. Рыльский Николаевский мужской монастырь также на собственные средства оборудовал походную церковь и снабдил ее необходимой утварью на сумму 300 рублей [12, с. 447].

Таким образом, Курская епархия и находящиеся в ее ведении монастыри и приходы приняли активное участие в решении многих проблем, вызванных войной. Их помощь была разнообразной и выразилась в духовной поддержке воинов и их семей, в денежных пожертвованиях в пользу Общества Красного Креста и военных госпиталей, в заботе о раненых воинах и беженцах, в материальной и социальной помощи семьям военнослужащих.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10709.
2. ГАКО Ф. 1. Оп. 1. Д. 9133. Л. 15.
3. Курские епархиальные ведомости. 1914. № 33–34.
4. Курские епархиальные ведомости. 1914. № 39.
5. Курские епархиальные ведомости. 1915. № 20.
6. Курские епархиальные ведомости. 1915. № 32.
7. Курские епархиальные ведомости. 1915. № 33–34.
8. Курские епархиальные ведомости. 1915. № 43–44.
9. Курские епархиальные ведомости. 1916. № 7–8.
10. Курские епархиальные ведомости. 1916. № 22.
11. Курские епархиальные ведомости. 1916. № 23–24.
12. Курские епархиальные ведомости. 1916. № 37–38.
13. Курские епархиальные ведомости. 1916. № 43–44.

Т.Н. Потаскаева,
научный сотрудник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области»

**МАРШРУТЫ СЛЕДОВАНИЯ КОМАНД НОВОБРАНЦЕВ
ПРИЗЫВА 1914 г. (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Не смотря на высказанное Россией согласие на любой способ разрешения конфликта, возникшего между Австро-Венгрией и Сербией, Германия получив от России отказ от выполнения неприемлемых условий, объявила войну. Объявленная мобилизация вооруженных сил России проходила быстро и с патриотическим подъемом. Русское правительство отождествляло эту войну с Отечественной войной 1812 года и возлагало надежды на посильное участие и активную помощь граждан Русской земли в предстоящей борьбе с врагом [7, с. 9].

В Указе Императора, данному Правительствующему Сенату в Петергофе, от 16 июля 1914 г. говорилось о переходе на военное положение армии и флота, для чего призвать на действительную службу нижних чинов запаса и поставить в войска лошадей, повозки и упряжь от населения. Призвать на действительную службу офицерских и классовых чинов запаса армии и флота, а также всех про-

чих чинов того же запаса, состоящих на офицерском учете, врачей, ветеринаров и фармацевтов запаса армии [3, л. 1–2].

Согласно правилам Устава о воинской повинности ратники в случае созыва ополчения, того возраста, который подлежит призыву, т. е. не достигшие 43 лет, должны явиться в Воинское Присутствие того уездного, губернского столичного города, в уезде которого постоянно или временно проживают. Призываемым ратникам давалось на устройство их домашних трое суток, считая со дня объявления на месте Высочайшего повеления о призыве. От призыва освобождались ратники, имеющие должности в государственной или общественной службе, а также в службе по управлению железных дорог. Освобождались от призыва ратники, занятые на службе по найму в артиллерийских, технических заведениях, мастерских, казенных заводах, портовых мастерских морского ведомства, зачисляясь на службу в те же заведения и заводы, в которых находились до призыва [6, л. 19].

По соглашению с Военным ведомством в 1912 г. были изданы правила мобилизации в случае военных действий, согласно которым при Главном управлении Российского Общества Красного Креста и при местных учреждениях были созданы особые постоянные мобилизационные комиссии [7, с. 11].

Наряду с мобилизацией ратников ополчения, велась мобилизация новобранцев, которая была объявлена в октябре 1914 г. В каждом уезде было открыто несколько призывных участков. На примере Курского уезда можно проследить прохождение мобилизации за октябрь 1914 г. Курский уездный исправник подал рапорты о ходе мобилизационных мероприятий. Курское уездное по воинской повинности присутствие по 1 призывному участку было открыто 1 октября, призывалось 644 человека, принято в войска 413 человек. По второму участку призыв начался с 10 октября, призывалось 618 человек, принято в войска 412 человек. По 3 участку призыв открыт 21 октября, призывалось 572 человека, принято в войска 396 человек. По четвертому участку призыв начался 29 октября, призывалось 360 человек, принято в войска 164 человека [4, л. 67–67, 70, 72].

Для освидетельствования и приема новобранцев на время с 1 октября 1914 г. по 1 апреля 1915 г. врачебное отделение Курского губернского правления 16 сентября сообщило о назначении врачей во все уездные воинские присутствия [4, л. 62], однако первые месяцы боевых действий внесли изменения в порядок освидетельствования, уже 24 сентября в уездные по воинской повинности присутствия направлено сообщение о том, что новобранцев, подлежащих испытанию, посылать в земские и городские больницы следует в случае действительной необходимости, в связи с переполнением больниц ранеными и больными [4, л. 28, 62].

Лица, признанные годными к службе, но не явившиеся своевременно к освидетельствованию, испытанию или переосвидетельствованию, но затем явившиеся или обнаруженные до 15 февраля следующего за призывом года подвергались дисциплинарному наказанию, аресту в зависимости от категории призывника и характера уклонения [5, л. 5–5 об.].

Распоряжением Курского губернатора от 21 сентября 1914 г., в виду приближающего очередного призыва новобранцев в призывных пунктах во время набора, а также в местах сбора новобранцев из домашнего отпуска перед отправлением их в войска необходимо было прекращать торговлю крепкими напитками. Данное распоряжение последовало на рапорты, поступающие от уездных воинских начальников, в которых сообщалось, что в дни приема новобранцев при закрытых казенных винных лавках замечено неумеренное потребление вина, которое покупалось в складчину в большом количестве и распивалось на улицах [4, л. 14, 21, 37].

Отправка сформированных команд проводилась в торжественной обстановке, при отправке отбывающих частей ополченцев и новобранцев совершался напутственный молебен, посадка нижних воинских чинов в вагоны на станциях проводилась под музыку, исполняемую местными оркестрами [1, л. 139–139 об.].

С 24 августа 1914 г. был установлен порядок отправления по частям войск новобранцев, согласно которому новобранцы отправлялись командами. В сопровождение им выделялись не более 1 офицера и 1–2 помощника из нижних воинских чинов. Для отдаленных округов – Омского, Иркутского, Приамурского, в виду продолжительности времени нахождения в пути, для сопровождения на каждый эшелон новобранцев выделялся 1 офицер и 35 нижних чинов, из которых 5 унтер-офицеров.

Для сопровождения новобранцев в Сибирские округа командировались офицеры из Сибирских округов, а рядовые и ефрейторы из Центральной России. Для поддержания порядка на железных дорогах в период перевозки новобранцев, назначались особые вооруженные команды при офицере, которые подчинялись местным заведующим передвижением войск.

Согласно расписанию наряда нижних воинских чинов для сопровождения партий новобранцев призыва 1914 г. со сборных пунктов в войска по назначению, по требованию уездных воинских начальников ото всех уездов Курской губернии нижние воинские чины назначались от запасных пехотных батальонов. Для Путивльского, Рыльского уездов наряд производился от начальника 16 запасной пехотной бригады, для Львовского, Дмитриевского, Суджанского, Курского, Фатежского, Щигровского, Тимского, Обоянского, Старооскольского, Новооскольского, Корочанского Белгородского, Грайворонского уездов от начальника 4 запасной пехотной бригады. Фельдшера, кашевары и хлебопеки командировались от тех же частей, от которых сделан наряд сопровождающих нижних чинов.

В статье приведены маршруты для следования новобранцев в запасные батальоны, в действующие формирования армии и маршруты новобранцев, следующих транзитно через Курскую губернию.

Команды новобранцев обыкновенным походом следовали до ближайшей железнодорожной станции, а потом отправлялись по железной дороге до пункта назначения. В 30-й пехотный запасной батальон г. Харькова из г. Грайворона 3 ноября 1914 г. отправлена команда, состоящая из 258 человек новобранцев

и одного унтер-офицера. Маршрут полегал от пункта назначения до ст. Хотмыжск, откуда по железной дороге до ст. Основа и в 7 часов вечера этого же дня команда должна была прибыть в г. Харьков.

В ноябре 1914 г. была отправлена команда новобранцев из г. Львова в 20 пехотный батальон, расположенный в г. Курске. Обыкновенным походом утром 15 ноября команда в количестве 200 человек, в сопровождении 1 унтер-офицера и 1 рядового отправлялась до ст. Львов, откуда в 6 часов вечера следовала до ст. Курск, с прибытием в 9 часов.

Из г. Фатежа отправлялась команда новобранцев из 110 человек, 1 унтер-офицера и 1 рядового в 74 пехотный запасной батальон г. Калуга. Начало движения назначено на утро 17 ноября, с остановкой на ночлег в с. Ольховатка, до ст. Поныри, днем следующего дня команда отправлялась до Тулы, с прибытием в г. Калуга.

Большинство же команд отправлялись в действующие части армии. Из г. Тима 32 новобранца следовали в войска Гвардии в г. Петроград и 48 человек в Кронштадтскую крепостную артиллерию в сопровождении 1 ефрейтора и 2 рядовых. Маршрут начинался 7 ноября обыкновенным походом из г. Тима до Зуевки с ночлегом в с. Лещинская Плата. 8 ноября вечером маршрут продолжался со ст. Солнцево по железной дороге через Тулу в Москву по Московско-Курской дороге. Из Москвы по Николаевской железной дороге маршрут следовал до ст. Петроград, где 32 человека передавались в Гвардейскую пехотную запасную бригаду, а оставшаяся группа следовала до ст. Ораниенбаум, откуда распоряжением местного заведующего передвижением войск перевозилась до крепости Кронштадта.

Для службы в Черноморском флоте в г. Севастополь из г. Тима 7 ноября следовала команда в количестве 28 человек и 1 сопровождающего рядового. Маршрут лежал через Лещинскую Плату и Зуевку до ст. Солнцево, откуда вечером 8 ноября по железной дороге до Харькова, Мелитополя с прибытием днем 11 ноября в пункт назначения. На три дня раньше сюда по тому же маршруту прибыла команда новобранцев в количестве 25 человек и 1 ефрейтора из г. Львова.

Из Львова 5 ноября 1914 г. отправлены две команды новобранцев: первая в Осовецкую крепостную артиллерию в г. Брест-Литовский в количестве 70 человек и 1 унтер-офицера. Обыкновенным походом до ст. Львов через ст. Навля до Брянска, откуда маршрут пролегал до ст. Гомель, до ст. Лунинец с прибытием на ст. Брест вечером 7 ноября. Маршрут второй команды в количестве 50 человек новобранцев и 1 унтер-офицера пролегал до станции Лунинец по тому же маршруту на том же эшелоне. От ст. Лунинец команда направилась до ст. Барановичи с прибытием на ст. Гродно утром 8 ноября.

Через Курскую губернию проходили маршруты новобранцев, сформированные в г. Малоархангельске Орловской губернии, следующие пешим ходом до ст. Поныри, а затем по маршруту до пункта назначения [4, л. 164, 166, 168, 170, 175, 177, 184–185].

Однако, не смотря на патриотический подъем мобилизации в ее начале, в воинских частях отмечались случаи самовольных отлучек нижних воинских чинов. От многих начальников частей поступали ходатайства о розыске и задержании тех, кто находился в бегах. Судя по отчетам уездных исправников, становые приставы принимали все меры по розыску, тем не менее, большинству разыскиваемых удавалось скрываться. Бывали случаи, что нижние чины, покинув место службы, проживали по неделе дома, но местный урядник не принимал мер по возвращению их к месту службы. Число беглецов занижалось и полицией, указывались лишь те, кто проживал на подведомственной территории, чтобы не ухудшать статистику по поиску беглецов, однако при розыске нижних чинов розыск объявляли по всем уездам губернии, не зависимо от места проживания [2, л. 1–2, 6].

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8524.
2. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 10902.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 16472.
4. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 167.
5. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 173.
6. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 181.
7. Об организации Курским земством помощи раненым и больным воинам во время настоящей войны // Земство Курской губернии. Журнал заседания экстренного губернского земского собрания за 24 июля 1914 года. Курск. 1914.

А.И. Чубаров,
*научный сотрудник Военно-исторического музея
«Юные защитники Родины» (г. Курск)*

**ПРОЕКТЫ ПЕРЕСМОТРА В 1917 г. МИНИСТЕРСТВОМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗАКОНА «О ПРИЗРЕНИИ НИЖНИХ
ВОИНСКИХ ЧИНОВ И ИХ СЕМЕЙСТ» ОТ 25 ИЮНЯ 1912 г.**

Во время Первой мировой войны социальную опеку семейств мобилизованных военнослужащих осуществлял «Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов», состоявший из представителей различных министерств, ведомств и благотворительных комитетов: Александровского, Алексеевского, Елизаветинского, Романовского и т. д., провозгласивших своей целью оказание различной поддержки населению, пострадавшему от войны.

Александровский комитет о раненых оказывал помощь как солдатам и офицерам, получившим увечье вследствие боевых действий, так и их вдовам. Кроме этого, организация занималась приисканием рабочих мест для солдат-инвалидов.

Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией в начале Первой мировой войны, был переименован в Алексеевский главный комитет, взявший на себя обеспечение сирот солдат, служивших в военном, военно-морском ведомствах и по воздухоплавательной части. Помимо постоянных денежных выплат призреваемые получали разовые вспомоществования на приобретение одежды и школьных принадлежностей.

Елизаветинский комитет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, под руководством Елизаветы Федоровны (сестры императрицы) занимался объединением правительственной, общественной и частной деятельности, направленной на опеку семейств мобилизованных [11, с. 1]. Данное учреждение занималось не только назначением и выдачей семьям мобилизованных нижних чинов и ратников ополчения «казенного пайка», но и оказанием дополнительной помощи как финансовой, так и трудовой.

Романовский комитет по оказанию помощи детям воинов ведал призрением солдатских сирот, открывая для них приюты по всей стране.

Фактически Верховный совет осуществлял лишь общее руководство и координацию действий между организациями, входившими в него и чиновниками министерств и ведомств, курировавших те или иные вопросы.

После Февральской революции работа местных отделений вышеупомянутых Комитетов была нарушена. Так, комиссар Курской губернии Николай Николаевич Лоскутов, основываясь на сообщениях уездных комиссаров, заявлял о необходимости возобновления деятельности подразделений Елизаветинской организации (9 марта 1917 г. переименована в Московский комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну) [1, л. 210]. Первоначально, из-за сохранения за Московским комитетом его полномочий, ему беспрепятственно ассигновывались деньги [5, л. 8], но позднее он перешел только на регионально-общественное субсидирование.

В августе 1917 г. Временное Правительство упразднило Верховный совет, признав его «несоответствующим существующему государственному строю» [6, л. 1]. Его функциональные обязанности были возложены на Министерство государственного призрения, образованное еще в марте 1917 г. Постепенно ему стали подчиняться и вышеупомянутые комитеты, ибо оно осуществляло социальное обеспечение отдельных категорий граждан (раненых, инвалидов, беженцев и т. д.) и контролировало деятельность частных и общественных благотворительных учреждений. Первоначально в каждый комитет были направлены представители министерства. Например, в Елизаветинскую (Московскую) организацию уполномоченным был назначен князь Владимир Константинович Кропоткин, а Алексеевский и Романовский комитеты вверялись единоличному руководителю в лице Бориса Николаевича Жданова (позднее его сменил Алек-

сандр Викторович Ивановский), им поручалось всестороннее обследование деятельности и общее наблюдение над комитетами [4, л. 8 об., 15–16].

Представители данного министерства, признавая «установленный продовольственный паек недостаточным и несоответствующим своему назначению как потому, что включенные в него припасы малы по своим нормам так и потому, что он не содержит всех тех продуктов, которые необходимы для нормального питания и не соответствует ныне существующим ценам...» [7, л. 1], занялись разработкой нового законопроекта о призрении семей мобилизованных нижних чинов.

Согласно закону «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г. в месяц на одно взрослое призываемое лицо полагалось либо 1,28 пуда ржи, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли и 1 фунт постного масла, либо сумма, необходимая для покупки указанных продуктов питания [12, с. 57]. В проекте размер пайка был изменен и существенно дополнен. В случае его принятия нуждающийся мог ежемесячно получать средства, необходимые для покупки 1,28 пудов пшеничной муки, 15 фунтов просовой крупы, 4 фунтов соли, 2 фунтов жирового масла, 15 фунтов мяса или рыбы, 20 фунтов картофеля, 10 фунтов капусты, 2 фунта сахара, $\frac{1}{8}$ фунта чая и «сухих приправных продуктов» (перец, лавровый лист и т.д.), на которые выделяли 50 коп. Денежное довольствие, выдаваемое на основе вышеупомянутого списка, исчислялось на местах исходя из твердых цен, установленных региональным продовольственным комитетом или же по справочно-рыночным [7, л. 1].

Сверх этого, был признан «желательным отпуск денег на наем квартиры» только тем лицам, которые не имели собственных домов и не пользовались бесплатными помещениями. В законе от 25 июня 1912 г., данный вид вспомоществования не указывался, но на практике нуждающиеся получали денежные средства на оплату съемного жилья и покупку дров. Разработчики учли реалии военного времени, предлагая лишить права на получение «квартирного оклада» семьи, имевшие собственные дома, но переселившиеся на жительство в другие места [7, л. 1 об.].

В разрабатываемом законе воспользоваться правом на получение казенного пайка могли как законные, так и гражданские жены нижних чинов «взятых на военную службу из запаса, ополчения до срочного призыва, призванных в военное время на действительную службу и задержанных на ней по случаю войны по выслуге установленных сроков уставом о воинской повинности» [7, л. 1 об.]. Законные и внебрачные дети призывались до 15 лет. Отдельно оговаривалось, что сыновья и дочери солдата должны были получать государственное вспомоществование в любом случае, а из двух жен (законной и гражданской) право на получение казенного пайка получала лишь та, с которой мобилизованный жил на момент призыва.

Кроме вышеуказанных категорий получить денежное довольствие могли родители, пасынки и падчерицы, а также «родственники и свойственники – члены семьи призванного, если они состояли до призыва на иждивении этого лица, и в тоже время были признаны нетрудоспособными»; мать-вдова, «у ко-

торой взят единственный сын или все трудоспособные сыновья» [7, л. 1 об.]. Нетрудоспособными признавались дети до 15 лет и взрослые старше 50-летнего возраста, или же лица неспособные к личному труду по состоянию здоровья. В действующем законе: «трудоспособными считались не достигшие 55-летнего возраста отец и тесть, сыновья и братья с 17 лет» [11, с. 2].

Составление списков нуждающихся, обследование социально-имущественного положения семейств теперь должно было возлагаться на «городские, уездные, волостные, сельские, станичные и поселковые попечительства» [7, л. 2]; ранее же данными вопросами занимались «волостные (гминные, станичные, поселковые) и городские попечительства» [9, с. 943–944].

Если по закону от 25 июня 1912 г. о всяком изменении семейного положения призванного (смерть, рождение, или признание нетрудоспособным кого-либо) необходимо было сообщать за 3 недели до ближайшего месячного срока выплаты, то теперь за 7 дней [10, с. 18; 7, л. 2].

Одновременно предлагалось отменить закон от 15 апреля 1915 г., согласно которому государственной поддержки лишались семьи нижних чинов «добровольно, без употребления оружия, сдавшихся в плен неприятелю, либо учинивших побег со службы» [8, с. 12], поскольку «семейство не может отвечать за действие главы, призванного на службу».

С другой стороны отпуск заработной платы родственникам нижних чинов «по прежней службе» прекращался, данная категория теперь должна была получать продовольственный паек, который, в случае утверждения закона, необходимо было начать выплачивать с марта 1917 г. [7, л. 2 об.]

В случае принятия данного законопроекта упразднялись и бесплатные обеды, выдача населению хлеба и молока. Единовременные пособия отныне должны были выплачиваться лишь в исключительных случаях (погребение, пострадавшим от пожара, наводнения и т. д., на приобретение лекарств). В то же время было признано желательным предоставление «всем детям до 15 лет обучения за государственный счет», и для нуждающихся – «бесплатной медицинской помощи во всех казенных заведениях» [7, л. 3].

Однако данный проект закона был отклонен Временным Правительством. Скорее всего из-за того, что Министерству государственного призрения еще не подчинялись все благотворительные организации и комитеты, занимавшиеся оказанием помощи на местах. Лишь с их упразднением и переходом под контроль министерства с 11 августа 1917 г. ведомств и учреждений, ведающих призрением, была образована «организационная комиссия», занявшаяся разработкой нового закона.

Но на практике было разработано несколько законопроектов, касающихся социального обеспечения различных категорий нуждающихся (инвалиды войны, сироты и т. д.). Так, проект закона «О государственном призрении детей» подробно не указывал размер и формы оказания помощи. В нем говорилось, лишь, что на государственное вспомоществование могут рассчитывать малолетние дети (в возрасте до 17 лет): 1) погибших солдат, 2) нетрудоспособных воинов, 3) мирных граждан – убитых или потерявших трудоспособность из-за вой-

ны; 4) беженцев; 5) признанных судом беспризорными. Осуществление мер попечения возлагалось на земские и городские учреждения, а избрание способов социальной опеки зависело от подлежащих органов общественного призрения [3, л. 39–41]. Дефицит финансов в конце войны, особенно в регионах, не позволил утвердить и данный проект.

Интересно отметить, что при его разработке ориентировались на опыт союзников по Антанте, в частности, на итальянский закон от 1912 г. (*Progetto del codice dei minorenni*) согласно которому призрению подлежали мальчики до 12-летнего возраста, а девочки до 17 лет. Во Франции законопроект подобного рода (*Pupilles de la patrie*) был рассмотрен Сенатом уже в военное время, – 17 июня 1915 г., и касался социального обеспечения сыновей и дочерей убитых и нетрудоспособных солдат Французской Республики. Согласно нему увеличивался размер, получаемых вдовами пенсий, либо же детям назначались отдельные выплаты [3, л. 42 об.].

Таким образом, после Февральской революции Министерством государственного призрения предпринималось минимум две попытки пересмотра закона от 25 июня 1912 г. Если первый проект, выработанный в марте 1917 г., содержал в себе существенные дополнения действующего законодательства: увеличение размера продовольственного пайка, право на который получали гражданские жены и внебрачные дети, что в 1914–1917 гг. призревались по усмотрению местных органов [2, л. 347]. На выплаты теперь могли рассчитывать и семейства дезертиров и нижних чинов, добровольно сдавшихся в плен. Нетрудоспособный возраст для отца и тестя наступал отныне не в 55, а в 50 лет. В то же время социальная опека сыновей и братьев прекращалась после достижения ими 15-летнего возраста (ранее призревались до 17 лет). В случае его утверждения нуждающиеся лишались квартирных денег (аренда помещения и его отопление), единовременных выплат (кроме несчастных случаев) и бесплатных обедов. Реализация данного закона на практике легла бы обременительным бременем на государственную казну, поскольку влекла к увеличению числа призреваемых и выплат на каждое лицо в отдельности.

Второй законопроект, касавшийся опеки детей, по сравнению с действующим законодательством, сохранял без изменения возраст, до которого им оказывалась казенная помощь, но возлагал обеспечение нуждающихся на органы местного самоуправления, оставляя за ними избрание форм и методов призрения, что в условиях дороговизны того времени и недостатка финансирования, ставит под сомнение его практическое применение.

Представленные проекты весьма примечательны. Государство, несмотря на трудности военного времени, опираясь на опыт, полученный в 1914–1917 гг., пыталось улучшить существовавшую систему социальной опеки как семей мобилизованных нижних чинов в целом, так и их сыновей и дочерей в частности. При их воплощении в жизнь перед казной возникли бы финансовые трудности, и Временному Правительству пришлось бы воспользоваться опытом царского режима – сократить число лиц, имевших право на государственную поддержку.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 86.
2. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 640.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 6787. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 10.
5. ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 25.
6. ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 52.
7. ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 101.
8. *Левин С.М.* Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. 2. Пг.: изд-е юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1916. I–XXX, 1–510 с.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1. СПб.: гос. тип., 1915. 1790, 1–7 с.
10. *Чубаров А.И.* Организация и деятельность Елизаветинского комитета в России в 1914 г. // Студенческий потенциал в исторической науке: материалы студенческой науч. конф. (Курск, 13–14 декабря 2011 г.). Курск, 2012. С. 16–22.
11. *Чубаров А.И.* Социальная опека солдатских семей в эпоху Первой мировой войны (на примере Курской губернии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2015. № 4 (36). Ч. 2. // URL: www/scientific-notes.ru/pdf/041-005.pdf. (дата обращения: 20.04.2016 г.)
12. *Чубаров А.И.* Государственная политика в области призрения солдатских детей в эпоху Первой мировой войны (на примере Курской губернии) // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 7. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 56–61.

ДОКЛАДЫ ЗАОЧНЫХ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

А. Бордунова,
журналистка;

Ю.А. Бугров,
*кандидат исторических наук,
президент Курского областного научного краеведческого общества,
заслуженный работник культуры России*

ЮНЫЕ ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Первая мировая война началась и велась противными сторонами, если кратко сказать, с целью передела мира. Итоги ее плачевны: 9,5 млн было убито и 20 млн ранено. В этой войне были впервые опробованы новые виды военной техники – самолеты, танки, зенитные и противотанковые орудия, подводные лодки. Рождалась не только новая стратегия и тактика войны, но и теория взаимодействия фронта и тыла.

Все это способствовало развитию нового восприятия войны, рождалось новое патриотическое осмысление её. Уже Отечественная война 1812 года стала действительно Отечественной, ведь участвовали в ней не только регулярные войска России, но и весь народ поднялся на борьбу с врагом. Конечно, принимали в той войне участие и дети, но документальные сведения об этом нам не попались.

Участие в Первой мировой войне подростков, юношей, девушек зафиксировано документально. Это свидетельствует о том, что патриотизм, особенно детский, захватил все слои общества. Нам удалось выявить несколько таких героев той войны. Одни из них сражались на передовой, другие – в тылу. Ведь известно, что фронта без тыла не бывает.

Иллюстрированный еженедельник «Искры» публиковал материалы о юных защитниках Родины. Появлялись они и в других изданиях. Пожалуй, первыми в этом списке юных можно назвать близнецов Женю и Колю, учеников Одесской гимназии.

Во славу России они трудились в тылу на приемном пункте раненых солдат. «Братики» милосердия, так называли их раненые, которых привозили в Одессу на излечение. «Привозя в своем санитарном поезде раненых, сестра милосердия Е.В.Богатырева поручает «братикам» особо несчастных и одиноких. Они следят за ними, навещают и стараются удовлетворить их маленькие нужды, пишут письма, звонят по телефону, вызывая родных и близких» [5, с. 247] А ведь они были всего лишь учениками второго класса.

Война продолжалась с переменным успехом, но все больше и больше становилось в рядах русской армии юных героев. И вновь еженедельник «Ис-

кры» доводит до сведения читателей о подвигах ребят, жителей западных губерний России. Они понимали, что, участвуя непосредственно в боевых действиях, защищают и свою малую родину. «Двенадцатилетний доброволец Станислав Игнатьевич Викторovich награжден Георгием 4-й степени» [1, с. 6]. Станислав отличился в разведке, был ранен в ногу, но сумел вернуться к своим, выполнив задание, да еще и с трофеями. Пятнадцатилетний Антон Харашкевич за боевые подвиги также был награжден солдатским Георгием, ему присвоили звание унтер-офицера.

Жалко, что журнал не выведает имена еще двух шестнадцатилетних героев-добровольцев, одного уроженца Варшавы и другого из Бессарабии. Боевой вид их (уже после излечения в госпитале) о многом говорит: они решительны, суровы и пощады захватчикам от них ждать не стоит.

Некоторые из добровольцев погибли во славу России. Так, ученик Смоленской гимназии Воронина Харитон Владимирович Жук погиб 24 ноября 1914 года во время разведки боем у деревни Богдановой. Награжден посмертно Георгиевской медалью «За храбрость».

Юные герои-защитники Отечества оказывались на фронте не только потому, что жили в прифронтовой полосе. Иные из них убегали на фронт из глубинных губерний и областей Российской Империи.

Двенадцатилетний Вася Наумов из села Каретниково Симбирской губернии стал разведчиком, был дважды ранен и награжден двумя «Георгиями» и Георгиевской медалью, произведен в унтер-офицеры. А 15-летний казак Илья Александрович Трофимов воевал в Пруссии и был награжден солдатским Георгием 4 и 3 степеней.

Одногодок Трофимова Иван Казаков из станицы Усть-Медведицкой, пожалуй, самый отважный. Он несколько раз отличился в боях с немцами: отбил пулемет, спас прапорщика Юницкого; ходил несколько раз в разведку и в одной из них обнаружил батарею противника, которая затем была захвачена нашим отрядом. Грудь юного героя украсили три Георгия и три Георгиевских медали. Его произвели в унтер-офицеры.

В арtpолку служил доброволец четырнадцатилетний Антон Степанович Гулюк. 31 декабря 1915 года он был контужен и оглушен [3, с. 210].

Воевали не только подростки и юноши. В бой шли и девушки. Журнал «Искры» рассказывает о двух гимназистках: «...казачки Елена Козловская и Фелицата Кульдяева участницы целого ряда кавалерийских стычек. Своим примером воодушевляли часть, где находились. Елена Козловская ранена, Фелицата Кульдяева – заболела. Находятся в одном из Петроградских лазаретов» [2, с. 194].

А вот еще одна девушка, ученица 6-го класса виленского высшего Мариинского училища Кира Башкирова. За свои боевые подвиги она была награждена Георгиевским крестом. 8 декабря 1915 года она под фамилией Николая Попова зачислилась добровольцем в один из сибирских полков. Уже 16 декабря она отличилась в ночной разведке, за что и была потом удостоена «солдатского Георгия». «Затем до начальства дошло, что доброволец Николай Попов оказал-

ся девицею Башкировой, а потому означенное лицо подлежит отправке к месту своего жительства в г. Вильну, но пожалованная за не. Боевая наградка... была за нею признана» [3, с. 215]. Однако Кира домой не явилась, а вновь оказалась на фронте, но уже в другой военной части.

Среди юных воинов дети разных национальностей: русские и украинцы, поляки, белорусы, эстонцы.

Нам удалось разыскать всего лишь нескольких юных героев Первой мировой войны. К сожалению (и журнал «Искры» тут оплошал) неизвестны имена мальчуганов, находящихся в одной из палат среди раненых воинов, перед которыми выступает «сам» Федор Иванович Шаляпин. А их, по крайней мере, трое.

Да ведь и дети великого певца Таня, Боря, Федя тоже принимали свое посильное участие в войне, проявляя заботу в излечении раненых, о чем убедительно нам рассказывают снимки и сопроводительные тексты к ним.

Несомненный интерес вызывает также снимок генерала Кашталинского с самым юным по возрасту воякой. Имя этого «Аники-воина», увы, неизвестно. А жаль, ведь это же юный защитник отчизны. Уже хотя бы потому, что создавал настроение одному из крупных военачальников [4, с. 266]. А настроение много значит.

Этой краткой статьей список юных защитников Родины во времена Первой мировой войны не исчерпывается, и автор лишь хотел бы обратить внимание на давно закрытую тему той войны.

Надеемся, что эта статья может дать толчок дальнейшим исследованиям этой благородной темы. История должна помнить все.

Мы рассказали лишь о малой толике детского патриотического движения юных героев Великой войны (так тоже называли Первую мировую). Чтобы выявить всех, видимо, нужна особая программа поисков.

Хотелось показать, что дети России всегда патриотичны и в 1914–1918 годах они поддержали традиции детей-участников обороны Севастополя, русско-японской войны.

16-летними подростками пошли на фронт Р.Я. Малиновский и Всеволод Вишневский.

Источники и литература:

1. Искры. 1915. № 1.
2. Искры. 1915. № 25.
3. Искры. 1915. № 27.
4. Искры. 1915. № 34.
5. Искры. 1916. № 31.

А.Н. Гребенкин,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Орловского филиала РАНХиГС*

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После начала Первой мировой войны перед системой военно-учебных заведений Российской империи стояла непростая задача подготовки как можно большего количества офицеров в максимально сжатые сроки. Эта задача в первую очередь была адресована военным училищам. Ее можно было решить несколькими способами: 1) с помощью увеличения сети училищ; 2) путем сокращения сроков обучения и 3) увеличив число юнкеров, которые могли обучаться одновременно в уже существовавших училищах. Первый вариант был очень затратным и не мог быстро дать желаемых результатов. Поэтому адаптация военных училищ к нуждам армии шла по линии увеличения их пропускной способности. Разработка соответствующих документов началась задолго до войны. К 1910–1912 гг. уже был готов ряд планов, предусматривавших досрочный выпуск юнкеров старшего класса на службу, сокращение срока обучения в старшем классе до четырех месяцев, а также открытие при военных училищах 8-месячных курсов по подготовке офицеров. В 1914 г. было увеличено штатное число юнкеров во всех военных училищах и предусмотрена возможность создания 10-процентного сверхкомплекта, вследствие чего каждое училище в строевом отношении было развернуто из батальона в полк. Были созданы два новые пехотные училища – 2-е Киевское (впоследствии Николаевское) и Ташкентское [13]. К марту 1915 г. в Киеве были открыты два новых специальных училища – Алексеевское инженерное и Николаевское артиллерийское.

Итоги первых месяцев войны внесли коррективы в намеченные планы. 8-месячные курсы при училищах так и не были открыты. Убыль младших офицеров в пехоте была столь велика, что возникла необходимость готовить их в менее продолжительные сроки; в противном случае солдаты остались бы без взводных и ротных командиров. Выход из положения носил радикальный характер: по настоянию военного министра В.А. Сухомлинова срок обучения в военных училищах был сокращен до 4 месяцев. Приказом по военному ведомству № 689 от 20 октября 1914 г. было принято «Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в военно-учебных заведениях с четырехмесячным ускоренным курсом». Из программы училищ было исключено все то, что не требовалось от младшего командира на войне. Юнкера, обучавшиеся в военных училищах по 4-месячной программе, выпускались не подпоручиками, а прапорщиками. В 1915 г. срок обучения в военных училищах был увеличен до 5 месяцев, а затем вновь сократился до 4 месяцев. Предпринятая в самом конце войны попытка увеличить продолжительность обучения до 8 месяцев сорвалась

из-за недовольства самих юнкеров, желавших как можно быстрее попасть на фронт. В специальных училищах срок обучения в период войны равнялся примерно 6–8 месяцам. Однако на практике юнкера как пехотных и кавалерийских, так и специальных училищ учились несколько дольше – 5–6 и 9–10 месяцев соответственно [15, с. 184–189]. Образовательный ценз поступавших на ускоренный курс военных училищ был резко снижен и приравнялся к 4 классам гимназии.

Переход к ускоренным срокам обучения привел к существенным изменениям социокультурной среды подготовки будущих офицеров. Б.Г. Лайминг, поступивший в Михайловское артиллерийское училище в мае 1917 г., вспоминал: «Поступавшие в юнкера прибыли из самых разнообразных мест и уже совершенно не представляли однородного состава, как кадеты мирного времени. В составе вновь поступающих приблизительно около трети все еще составляли кадеты, т. к. в конце мая как раз кончился учебный год выпускного класса кадетских корпусов; остальные же были главным образом подлежащие призыву студенты высших учебных заведений, как окончившие, так и не перешедшие еще на выпускной курс, а также и побывавшие уже в армии вольноопределяющиеся, в т. ч. многие с боевыми наградами. Георгиевских кавалеров было 5,0 %... Как известно, всякие классовые различия были отменены после Февральской революции, и потому среди юнкеров, принятых в училище одновременно со мной, было несколько «инородцев» и евреев. Из последних в моем 5-м отделении было трое из вузов и один с двумя георгиевскими крестами, прибывший из действующей армии» [9, л. 3–4]. Примерно таким же был состав юнкеров и в Павловском училище: «В мирное время Училище пополнялось окончившими кадетские корпуса, причем на 466 юнкеров (по штату) молодых людей «со стороны» поступало ежегодно человек 15. Что же касается военного времени, то только в трех выпусках (из 17) кадеты составляли около 50,0 %. Все остальные юнкера были «молодыми людьми со стороны», причем их возрастной и образовательный ценз резко повысился. В мирное время возраст поступивших был в среднем 18 лет. В военное время в одном из выпусков средний возраст был около 25–27 лет; колебания возрастов от 17 до 43 лет, а один из юнкеров был 48 лет!» [3, л. 58–59]

Тем не менее все эти люди, многие из которых вполне состоялись в гражданской жизни, удивительно быстро свыкались со своим новым статусом и не мыслили себя вне армии, несмотря на то, что их срок пребывания в стенах военной школы был ничтожно мал. Этому способствовали усиленные занятия и строжайшая дисциплина. П.П. Михалевский, поступивший осенью 1916 г. после окончания Новороссийского университета в Сергиевское артиллерийское училище, охарактеризовал преподававших в училище гвардейских офицеров «достаточно квалифицированных, но неумолимо строгих и требовательных» [11, л. 2]. Любовь офицеров-«ускоренников» к заведениям, их воспитавшим, была глубокой и неподдельной.

В отличие от военных училищ, кадетские корпуса в годы Первой мировой войны не претерпели существенных внешних изменений. Лишь три из них –

Суворовский, Полоцкий и Псковский – были эвакуированы. Сроки подготовки кадет не сократились, программа осталась прежней. Приметами военного времени стали лишь мобилизация некоторых корпусных офицеров в действующую армию и создание при корпусах пансионатов-приютов для малолетних.

Однако внутренняя атмосфера корпусов стала иной. Занятия воспитанников шли своим чередом, но все думали только о том, что происходило на театре боевых действий: «Кадеты стали с большим интересом относиться к событиям, происходившим на фронте. Они читали газеты, выписывали карты, следили за движением войск, составляли сжатые обзоры военных действий, пристально наблюдали за судьбами находившихся на фронте выпускников корпуса» [14, с. 10]. Армии оказывалась всемерная помощь: кадеты сушили сухари, делали носилки на занятиях по ручному труду, жертвовали в пользу солдат деньги, присылаемые им родителями, и даже отказывались от сахара, отдавая его раненым, которые размещались в госпиталях при корпусах. Вчерашние дети выросли на глазах: игры и шалости стали занимать гораздо меньше места в их жизни. Многие кадеты после пятого класса стремились уйти в школы прапорщиков, чтобы по-быстрее оказаться на фронте. Оставшиеся в корпусах откровенно им завидовали и утешали себя тем, что, завершив образование, смогут принести большую пользу Родине [1, л. 15–16]. Бегство на фронт было явлением нечастым – так, в Орловском-Бахтина кадетском корпусе, в котором во время войны обучалось более 500 кадет, в 1916 г. в бегах были всего три воспитанника – двое из четвертого класса и один из пятого [12, л. 23 об.]. Отношение к ним начальства было лояльным – поступки кадет характеризовались как «благородные, но легкомысленные», и после возвращения беглецы допускались к держанию экзаменов за пропущенные ими отделы курсов.

Первая мировая война привела не только к изменению существовавших военно-учебных заведений, но и к созданию новых. Вскоре после начала военных действий на повестке дня оказался вопрос о принятии еще более радикальных мер, конечной целью которых было пополнение командного состава армии младшими офицерами. Безвозвратные потери, которые понес русский офицерский корпус в первые же месяцы войны, привели к созданию дополнительного канала подготовки офицеров в виде школ прапорщиков.

Школы прапорщиков, мысль об открытии которых впервые была высказана еще в 1912 г., стали создаваться с октября 1914 г. в соответствии с «Положением об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах», утвержденным 30 сентября 1914 г. Курс обучения в них был сокращен по сравнению с изначально запланированным 8-месячным и равнялся 3–4 месяцам. Штат школы прапорщиков составлял вначале от 200 до 400 человек, в 1915 г. он был увеличен сначала до 500, а затем до 600 человек. Постепенно количество школ прапорщиков увеличивалось; к концу войны их насчитывалось 41. В основном они готовили офицеров пехоты, однако две школы прапорщиков были предназначены для инженерных и казачьих войск соответственно. Кроме того, существовали школы прапорщиков ополчения, школы прапорщиков при фронтах и отдельных армиях, при запас-

ных пехотных и артиллерийских бригадах [2, с. 180]. Наконец, в 1915–1916 г. действовали сезонные школы прапорщиков при кадетских корпусах, рассчитанные лишь на один выпуск. Поэтому общее количество школ прапорщиков равнялось 144 [4, с. 26]. За время своей работы они добились впечатляющих результатов, подготовив более 100 тысяч офицеров, так что к концу войны наблюдалось даже «перепроизводство» младшего командного состава. Выпускники этого типа военно-учебных заведений ввиду крайне низкой степени военной подготовки не считались кадровыми офицерами, могли производиться в чины до штабс-капитана включительно, а после окончания войны подлежали увольнению из армии. Для поступления требовалось сдать экзамены по математике, физике и русскому языку в объеме полной средней школы. Образовательный уровень большинства поступавших в школы прапорщиков был невысок.

В годы войны появился ряд учебных заведений, занимавшихся переподготовкой офицеров и нижних чинов по новым специальностям. Так, были созданы несколько авиашкол, военная автомобильная школа, пулеметный курс при Офицерской стрелковой школе [8, с. 89].

Все военные академии, за исключением Императорской военно-медицинской, были закрыты в июле 1914 г. [15, с. 154] Так, слушатели Императорской военной академии, перешедшие на дополнительный курс (118 человек) и в старший класс (99 человек), были откомандированы в свои части, где, как правило, стали отличными командирами рот и батальонов. Профессорско-преподавательский и учебно-административный состав, оставшийся после формирования Временного управления Военной академией, отчислялся на должности военного времени [7, с. 184]. Но дальнейший ход событий показал, что решение о прекращении занятий в Академии было в корне неправильным, ибо, несмотря на войну, необходимо было продолжать готовить офицеров высшей квалификации, которые на фронте были очень нужны.

В апреле 1916 г. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев поставил перед военным министром генералом Д.С. Шубаевым вопрос о необходимости «теперь же открыть академию для теоретической подготовки офицеров, предназначенных для названных обер-офицерских должностей генерального штаба в полевых штабах» [7, с. 180].

Для обучения офицеров предлагалось учредить особый курс, который соответствовал бы старшему классу академии и продолжался бы 4–5 месяцев. К преподаванию же намечалось привлечь из действующей армии офицеров Генерального штаба.

К июлю 1916 г. был выработан проект «Положения об академических курсах военного времени». Согласно «Положению», курсы которые предлагалось открыть при Академии, должны были дать офицерам навыки, позволяющие им как можно скорее восполнить, хотя бы отчасти, в полевых штабах действующих войск большой некомплект офицеров Генерального штаба. Офицеры, успевшие окончить до войны младший курс академии, получали возможность в короткий курс 2-годовалый академический курс (без третьего дополнительного 6-месячного курса).

Продолжительность курса младшего и старшего классов была предпочтительно определена в 5 месяцев. За 2 года в младшем классе предполагалось подготовить 350 офицеров, а в старших – 70 офицеров.

27 октября 1916 г. Военный совет принял решение об утверждении и введении в действие «Положения об ускоренной подготовке в Императорской Николаевской военной академии в течение настоящей войны». В нём было сказано, что открывались: 1) 2,5-месячные подготовительные курсы 1-й очереди; 2) 3-х месячные подготовительные курсы 2-й (а если понадобятся – и 3-й) очереди; 3) старший класс академии 1, 2 и 3-й очереди.

Занятия на подготовительных курсах 1-й очереди были начаты 1 ноября 1916 г. В ноябре – декабре 240 слушателям были прочитаны лекции, проведены практические занятия. В январе последовали репетиции, после чего окончившие курсы офицеры в количестве 237 человек пополнили ряды действующей армии уже в качестве младших офицеров Генерального штаба. В феврале 1917 г. начал работу старший класс 1-й очереди, где обучались 86 человек и подготовительные курсы 2-й очереди (там обучалось 253 офицера). Они были учреждены для того, чтобы подготовить контингент слушателей старшего класса академии (если бы его пришлось открыть в сентябре 1917 г.).

Занятия на подготовительных курсах 2-й очереди продолжались 3 месяца. После экзаменов, проведённых в конце апреля – мае, с подготовительных курсов 2-й очереди были выпущены 233 человека.

1 февраля 1917 г. были начаты занятия и на старшем курсе 1-й очереди. Цель его открытия состояла в том, чтобы закончить подготовку находящихся в действующей армии офицеров, прошедших в мирное время младший класс академии, а также, чтобы закончить подготовку офицеров, окончивших во время войны подготовительные курсы 2-й, 1-й, а, если потребуется, и 3-й очереди.

В старший класс 1-й очереди принимались без экзаменов, но «по удостоению начальства», офицеры, которые закончили младший курс Академии. Занятия в старшем классе 1-й очереди продолжались с 1 февраля по 4 мая 1917 г. До 7 июня шли вступительные экзамены, а 13 июня состоялся выпуск 74 офицеров.

Обсуждение вопроса об открытии других военных академий велось начиная с 1915 г., однако к каким-либо положительным результатам оно не привело [10, с. 101–104].

Итак, после начала Первой мировой войны система военно-учебных заведений Российской империи была адаптирована к нуждам фронта. Сроки подготовки юнкеров в военных училищах сократились, учебные программы были существенно урезаны. Видоизменилась и социокультурная среда, в которой происходило становление личности будущих офицеров – социальный состав обучавшихся значительно демократизировался, их досуг был сведен к минимуму, почти все время занимала учеба. Кадетские корпуса в меньшей степени были подвержены структурным изменениям, однако в социокультурном плане и они испытали мощное влияние военных событий. В целом военно-учебные заведения начального и среднего звена справлялись со своими задачами; времен-

ным средством расширения канала подготовки офицеров, продемонстрировавшим свою эффективность, являлись школы прапорщиков. Сохранилось, хотя и в усеченном виде, и звено высшего военного образования. Однако Февральская революция 1917 г. и последовавшие за ней события привели к стремительному распаду российской военной школы.

Источники и литература:

1. Булах Г.Д. Пережитое: Мое мгновение в машине времени (Записки инженера) // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А.И. Солженицына (далее: Архив БФРЗ). Ф-1. Р-439.
2. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003.
3. Гребенщиков И.А. Павлоны // Архив БФРЗ. Ф-2. М-127.
4. Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922) // Военная быль. 1963. № 61.
5. Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы к столетию со дня основания училища / под. ред. С.Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1965.
6. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920. М.: Наука, 1988.
7. Кавтарадзе А.Г. «Скорее пополнить действующую армию офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба...» // Военно-исторический журнал. 2002. № 1.
8. Курдюк А.А. Структурные изменения в сети военно-учебных заведений Русской армии во время Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2007. № 1(9).
9. Лайминг Б.Г. Воспоминания Б.Г. Лайминга о военном училище 1917 г. // Архив БФРЗ. Ф-1. Оп. 2. А-58.
10. Машкин Н.А. Высшая военная школа Российской Империи XIX – начала XX века. М.: Академия, 1997.
11. Михалевский П.П. Воспоминания // Архив БФРЗ. Ф-1. Е-58.
12. По журналам педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1916 год // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 725. Оп. 53. Д. 2594.
13. Ращупкин Ю.М. Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск, 2003. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/rasp/ (дата обращения: 29.04.2016 г.).
14. Самович А.Л. Военная школа России в 1914–1918 гг.: кадетские корпуса. М.: Компания Спутник+, 2002.
15. Тимофеев Ф.Д. Военно-учебные заведения России и РСФСР в 1914–1921 годах (состав, деятельность, преемственность): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

А.О. Гулин,
*главный архивист отдела использования и публикации
документов ОГКУ «Государственный архив Костромской области»*

РОСТ ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Событие, получившее в истории название «Мировая» и «Великая», а с 1939 года – «Первая мировая война», с каждым годом все дальше уходит от нас. Эта война принесла странам-участницам невиданные ранее разрушения, огромные потери материальных и культурных ценностей, на ее кровавых полях погибло более 10 млн человек, а «еще 20 миллионов были ранены, отравлены газами и покалечены» [12, с. 5]. Военные действия именно для нашей страны имели самые трагичные последствия в виде крушения государственной власти, ломки социально-экономического устройства и перехода общества в предреволюционное состояние.

Сегодня, на наш взгляд, все отчетливее видно, что общественный интерес к этому историческому событию в полном объеме пока не удовлетворен, тем более что история войны, «...прочитанная глазами человека нашего времени, ... обоснованно требует нового прочтения, обнаружения скрытых в ее пластах ответов на вопросы и запросы, волнующие ныне живущих людей» [10, с. 18].

Для Российской империи начало Первой мировой войны ознаменовалось широкой волной массового патриотизма, выразившейся в различных формах. «Война... возбудила во всем русском народе удивительный порыв патриотизма. В Москве, Ярославле, Казани... одни и те же народные восклицания, ... одно и то же объединение вокруг Царя, одинаковая вера в победу» [11, с. 73], – записал в эти дни в своем дневнике посол Франции в России М. Палеолог. Центральные и местные газеты широко комментировали настроения столичного и провинциального общества, подчеркивая, что «необычайный энтузиазм... служит нам порукой в нашем духовном единении» [17], что в «великом лагере культурных наций, борющихся за мир... находится на этот раз и Россия» [5], что «исторический день 20 июля будет записан в наши летописи, как одно из величайших откровений народного духа» [3], что «русский народ неразрывно-крепко сплочен и спаян в одно целое любовью к Родине и гневом против врагов» [16].

Начавшиеся боевые действия потребовали от губернских властей организации выполнения Высочайшего Указа, который требовал «Призвать на действительную службу согласно действующему мобилизационному расписанию 1910 года нижних чинов запаса и поставить в войска лошадей, повозки и упряжь от населения... Призвать офицерских и классовых чинов запаса армии и

флота..., врачей, ветеринаров и фармацевтов запаса армии и числящихся в первом разряде ополчения...» [9].

Разноска мобилизационных предписаний и повесток призываемым в армию была начата по распоряжению Губернского по Воинской Повинности Присутствия в ночь с 18 на 19 июля, а 20 июля был подписан Высочайший Манифест об объявлении войны [15]. В тыловых губерниях России это известие не стало неожиданным, поскольку еще 12 июля 1914 года начальник Генерального Штаба генерал-лейтенант Янушкевич телеграммой 1575/524 уведомлял командующих округами о введении с 13 июля 1914 года подготовительного к войне периода на всей территории Европейской России [14]. Такая телеграмма была получена и генералом Сандецким – временно командующим Московским Военным Округом, к которому относились, в том числе, как постоянные, так и вновь формируемые на территории Костромской губернии воинские части.

Яркой формой выражения патриотических настроений стало массовое поступление молодежи в военные училища, запись добровольцами на фронт и санитарями в военные госпитали. В своих воспоминаниях тогдашний костромской гимназист VI класса Л. Колгушкин отмечал: «В местной газете «Поволжский вестник»,... стали появляться призывы вступать в действующую армию добровольцами-вольноопределяющимися, а также открылся прием на ускоренный курс в военные училища и во вновь открываемые школы прапорщиков. Желающих... получить офицерское звание в первые два года войны было много» [4, л. 147]. Так в начале сентября 1914 года в Костромской духовной семинарии сразу 20 воспитанников оформляли документы для зачисления в добровольцы [8]. В течение первой военной недели в губернских газетах были опубликованы «Высочайше утвержденные «Правила о приеме в военное время охотников на службу...» [15], согласно которым уездные и губернские по воинским делам присутствия производили набор добровольцев. Среди населения распространялись «призывы вступать в действующую армию добровольцами-вольноопределяющимися, а также открылся прием на ускоренный курс в военные училища и во вновь открываемые школы прапорщиков» [4, л. 147]. Ряды добровольцев активно пополнялись молодежью, учащимися старших классов губернских учебных заведений, о чем писали провинциальные газеты.

Заявления добровольцев с просьбой зачислить их в ряды действующей армии направлялись в Управления уездных воинских начальников. Документы Управления Костромского уездного воинского начальника могут предоставить исследователям информацию о «социальном статусе», роде занятий, уровне образования «охотников» – лиц, желающих добровольцами отправиться на театр военных действий.

Основным документом «добровольно призываемых» являлось прошение «Его Высокоблагородию Господину Костромскому Уездному Воинскому Начальнику» [2, л. 1]. Необходимо отметить, что тексты таких «прошений» зачастую составлялись весьма эмоционально. В прошении от крестьянина Ф.Ф. Охременко, например, говорилось: «...я имею сильное желание быть защитником нашей дорогой Родины России» [2, л. 6]. Ученик 3-го класса Костромского

землемерного училища О. Максимцев так обратился к Костромскому воинскому начальнику: «Желая сражаться за Царя и Родину, покорнейше прошу...назначить меня в ряды солдат, сражающихся за честь и свободу нашего Отечества» [2, л. 47].

Основные же «биографические» сведения о добровольцах содержались в документах, которые должны были быть приложены к прошению о зачислении на службу. Так к прошению костромского мещанина В.А. Крупенникова прилагалось свидетельство, выданное Московской Духовной Консисторией, в котором содержались следующие метрические данные: «мая шестнадцатаго числа родился Владимир, крещен 18 числа; родители города Костромы мещанин, запасный рядовой Александр Александров Крупеников и законная жена его Александра Александрова, православные...» [6, л. 8].

Кроме того, *охотники* обязаны были представить удостоверения от врача и Городского полицейского управления. В свидетельстве Костромского Городского полицейского управления, выданном 7 августа 1914 года на имя крестьянина Костромской губернии, Буйского уезда, Ильинской на Шаче волости, усадьбы Бочатина В.Я. Букина было указано, что он (В.Я. Букин. – *А.Г.*) «...под судом и следствием не состоял и не состоит и в политической неблагонадежности замечен не был» [6, л. 3–3 об.]. А врач 502-й Костромской пешей дружины в свидетельстве, выданном 19 августа 1914 года на имя уже упоминавшегося нами В.А. Крупеникова, указал, что «...при осмотре он оказался совершенно здоровым и физически развит нормально. Настоящее удостоверение выдано... на предмет поступления добровольцем в военную службу» [6, л. 6].

Взрыв патриотизма в июле – августе 1914 года затронул, фактически, все слои российского общества, и добровольцами изъявляли желание стать и представители привилегированных слоев населения Империи. Например, 5 августа 1914 года прошение на имя Костромского воинского начальника представил потомственный почетный гражданин Н.Н. Весновский, проживающий в «...г. Костроме, на Рождественской улице (ныне – улица Галичская – *А.Г.*), дом № 4, квартира № 1». К прошению прилагались свидетельства от врача, о неподсудности, о приписке к призывному участку, а также паспорт и аттестат об образовании [2, л. 9]. В эти же дни встать в ряды добровольцев пожелал и потомственный дворянин Костромской губернии К.В. Ермолов, в 1913 году окончивший в Костроме 2-е Высшее Начальное Училище [2, л. 17, 42]. В деле № 366 фонда Управления Костромского уездного воинского начальника Костромской губернии полностью сохранилась паспортная книжка К. В. Ермолова, в которой содержатся следующие сведения:

- «... 1. **Имя, отчество, фамилия:** Константин Васильевич Ермолов.
2. **Звание:** Потомственный дворянин Костр. губ.
3. **Время рождения или возраст:** 13 декабря 1893 года.
4. **Вероисповедание:** православное.
5. **Род занятий:** Канцелярский служащий.
6. **Состоит ли или состоял в браке:** Не состоит.

7. Отношение к отбыванию воинской повинности: Подлежит призыву в 1914 году...» [2, л. 19–20].

Интересные сведения о призывниках нам могут предоставить документы образовательных учреждений, также прилагавшиеся к прошениям о зачислении в добровольцы. Так, например, В.А. Щедрин вместе с прошением представил аттестат об окончании Костромского 2-го Высшего Начального Училища, в котором содержатся сведения о том, что «Предъявитель сего, Щедрин Владимир Александрович, сын костромского мещанина, православного вероисповедания...при отличном (5) поведении показал успехи: По закону Божию, русскому языку и русской словесности, арифметике и началам алгебры, геометрии, географии, истории, естествоведению и физике, рисованию и черчению – удовлетворительное (3), и, сверх того, обучался пению, физическим упражнениям...» [7, л. 3].

Необходимо отметить, что при зачислении на службу в действующей армии *охотник* получал свидетельство о приписке к призывному участку. Этот документ выдавался Городской управой [1, л. 12] или же Уездным по воинской повинности Присутствием. В свидетельстве указывались фамилия, имя, отчество добровольца, дата рождения, «социальный статус», вероисповедание. Так, например, 28 июля 1914 года Костромское Уездное по воинской повинности Присутствие выдало свидетельство № 2005 о приписке к первому призывному участку Костромского уезда на имя А.П. Крылова, сына потомственного почетного гражданина, родившегося «...24 января 1897 года...вероисповедания православного...», который «...окончил 3 класса Костромской гимназии...» [1, л. 25].

Таким образом, изучение комплекса источников, относящихся к периоду лета – начала осени 1914 года, позволяет сделать вывод о том, что стихийный взрыв патриотических настроений, выразившийся, в том числе, и в «добровольческом» движении, характерном для России на протяжении всей нашей истории, охватил в начале Первой мировой войны, фактически, все слои населения, в том числе, и Костромской губернии, как податные, так и привилегированные, отразив реализацию идеи «священного единения» власти и общества. Зачисление в добровольцы представителей всех сословий российского общества предполагало предоставление в соответствующие структуры определенного комплекса документов, содержащих подробные сведения о рождении, родителях, вероисповедании, образовании и роде занятий, социальном происхождении *охотников*. Сегодня данные материалы представляют интерес как для профессиональных историков, занимающихся изучением различных аспектов Первой мировой войны, так и для исследователей, которые работают над восстановлением биографических сведений о своих родственниках – участниках боевых действий 1914–1918 годов.

Источники и литература:

1. Государственный архив Костромской области (далее: ГАКО). Ф-806. Оп. 1. Д. 363.
2. ГАКО. Ф-806. Оп. 1. Д. 364.
3. ГАКО. Ф-806. Оп. 1. Д. 365.
4. ГАКО. Ф-806. Оп. 1. Д. 366.
5. Вестник Европы. 1914. № 8.
6. Голос. 1914 год. 25 июля.
7. Голос. 1914 год. 29 июля.
8. Ивановский листок. 1914. 27 июля.
9. Костромская жизнь. 1914. 4 сентября.
10. Костромские губернские ведомости. 1914. 25 июля.
11. Костромские губернские ведомости. 1914. 26 июля.
12. Старый Владимирец. 1914. 24 июля.
13. Утро России. 1914. 19 июля.
14. *Авдеев В.А.* Пролог исторической трагедии: Русская мобилизация в июле 1914 года // Военно-исторический журнал. 1994. № 7.
15. *Колгушкин Л.А.* Воспоминания // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 5.
16. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк/ отв. ред. *Г.Д. Шкундин*. М.: Наука, 2002.
17. *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны. М., 1991.
18. *Шацилло В.К.* Последняя война царской России. – М.: Яуза: Эксмо, 2010.

М.И. Корольков,
краевед, действительный член
Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург);
Е.П. Щукина,
начальник архивного отдела использования и публикации
документов ОКУ «Государственный архив Липецкой области»

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕЛЕЦКОЙ УЕЗДНОЙ КОЛЛЕГИИ О ПЛЕННЫХ И БЕЖЕНЦАХ

Из множества главных проблем всех государств во время Первой мировой войны следует отметить правовую защиту и обмен военнопленных, создание нормальных бытовых условий для беженцев и организацию их реэвакуации, эвакуацию военнопленных на родину.

Для решения перечисленных и примыкающим к ним других проблем декретом СНК (принят 23 апреля 1918 г.) в Советской России создается Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) как самостоятельное учреждение в составе Наркомата по военным делам с правом делать доклады Совету Народных Комиссаров. Декретом предусматривалось создание вертикальной трехуровневой системы управления: Центральная, губернские, уездные коллегии. Основная задача Центральной коллегии – согласование и объединение всех учреждений и организаций, занимавшихся делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках и беженцах.

В течение июня 1918 г. Центральная коллегия подготовила и направила всем Совдепам РФСР Приказ № 2 об организации местных отделов, инструкцию к приказу и дополнение к инструкции (27 июня 1918 г.). В соответствии с приказом образование областных, губернских и других коллегий, как исполнительных органов Центральной коллегии, а также назначение членов коллегий, возлагалось на соответствующие Совдепы. При этом местные коллегии пользовались тем объемом прав по отношению к местным органам власти других ведомств, который определялся декретом, и были подчинены Совдепам только в отношении общего контроля и наблюдения. Все ассигнования на реализацию поставленных задач утверждались Центральной коллегией в «порядке восходящих инстанций», выделение и расходование средств контролировалось Совдепами. При образовании коллегий разных уровней изымалось делопроизводство следующих учреждений: отделения по делам военнопленных бывших штабов военных округов, управления по делам о гражданских пленных бывшего Министерства Внутренних Дел, соответствующих управлений бывших воинских начальников и местных бригад, жизнеспособные элементы созданных местных органов по делам о пленных и беженцах. Инструкцией определялся исчерпывающий перечень вопросов (заданий), входивших в круг ведения местных коллегий в отношении вражеских пленных; русских пленных и беженцев, возвращающихся из-за границы; беженцев, находящихся в России; русских

пленных, ожидающих эвакуации за границей. Правовой базой деятельности местных коллегий являлись следующие законодательные акты и документы: существующие законоположения и декреты; международные конвенции и соглашения, вновь заключенные Совнаркомом, или прежними, не денонсированными Советской властью; распоряжения и указания Центральной коллегии о пленных и беженцах. Согласно инструкции, «первой и настоятельной и спешной задачей коллегий является суточный учёт всех пленных и беженцев..., а равно прекращение беспорядочного блуждания беженцев и самовольных передвижений их с места на место» [1, л. 2–4 об.].

В инструкции рекомендовано коллегиям организовать отделы: по заведению бывшими неприятельскими военнопленными, о русских за границей, гражданских пленных, о беженцах, по обмену и эвакуации пленных и беженцев (в составе эвакуационно-транспортной, врачебно-санитарной и учётно-статистических частей) [1, л. 2–4 об.].

Дополнения к инструкции регламентируют деятельность отделов о беженцах: создание отдела, формирование штата (областные – до 10 человек, губернские – до 8, уездные – до 5), приём материалов и планов от беженских советов, реэвакуационных комитетов, национальных комиссариатов, проведение точной регистрации беженцев (с указанием в регистрационной карточке: где находится и откуда бежал). Сводка полученных статистических данных направлялась высшей коллегии, а копия – в Центральную коллегия. Кроме того, отдел о беженцах разрабатывал план доставки беженцев из уездов, сел и деревень на концентрационный пункт и к станции посадки, план размещения питательных и санитарных пунктов (в губернии и уезде), проводил обязательную прививку оспы беженца с выдачей свидетельства, составлял партии для отправки (по 200 человек в партии) с учётом направлений. Для сопровождения сформированных групп беженцев подбирались подготовленные («энергичные, хорошо грамотные») проводники (их функции могли исполнять и представители от групп). На проводников возлагалась ответственность за поддержание порядка и регистрация беженцев в пути. К отправке беженцев коллегии приступали только после указания своей высшей коллегии. Отдел о беженцах еженедельно представлял отчёты о деятельности своей и Центральной коллегии [1, л. 5–5 об.].

Руководствуясь приказом № 2, в котором предписывалось местным Совдепам образовать коллегии о пленных и беженцах в недельный срок, Орловская губернская коллегия о пленных и беженцах издаёт приказ от 1 июня 1918 г. № 1, в котором сообщает, что заседанием Губисполкома от 29 мая председателем коллегии назначен губернский Комиссар народного здоровья Григорий Леонтьевич Кучаидзе, от того же комиссариата в состав коллегии назначен Иван Николаевич Кавалеров, от Союза городов и Земсоюза – Сергей Матвеевич Десницкий, от беженских организаций – Генрих Эдмундович Коcharский, от Губернского продовольственного комиссариата – Евгений Викторович Колосовский [1, л. 8].

Заметим, что положения декрета оказались недостаточно проработанны-

ми, что вызвало ряд вопросов со стороны Елецкой уездной коллегии. Один из ее членов во время командировки в Москву оставил перечень вопросов организационного характера. 26 июня 1918 г. Центральная коллегия направила в уездную коллегияю ответы:

1) *Должны ли уездные коллегии быть подотделами Военных комиссариатов?* Ни в коем случае. Местные коллегии входят в состав местных Советов непосредственно, а не в системе местных военных органов (журналы заседаний ЦК от 6 и 7 мая);

2) *Степени подчинения уездных коллегий губернским.* Уездные коллегии подчиняются всецело губернским, которые дают им точные директивы. Проекты всяких новшеств, вводимых уездными коллегиями, предоставляются на утверждение уездной коллегии, которая, сообразуясь с тем, входит ли это новшество в круг её компетенции, даёт по данному вопросу точные указания, или обращается для разрешения его в порядке восходящей инстанции. По всем вопросам сомнительного характера надлежит обращаться в губернскую коллегияю, но ни в коем случае в Центральную;

3) *Круг компетенции уездных коллегий.* Исключительно в ведении коллегии находятся все вопросы, связанные с реэвакуацией беженцев (регистрация, выдача пропусков, организация перевозки, получение сумм на расходы по реэвакуации). Больницы и приюты находятся в ведении Комиссариата социального обеспечения, школы – в ведении Комиссариата народного просвещения. Если в уезде нет представителей означенных комиссариатов, то эти учреждения подчиняются непосредственно соответствующим губернским комиссариатам. Национальные организации могут существовать как филантропические учреждения и их деятельность не должна выходить за рамки закона. В непосредственное ведение коллегии беженцы поступаю только с момента их эвакуации.

4) В уездной коллегии не должно быть более 3-х членов;

5) *Указать штаты служащих и их жалование.* Ответ по этому вопросу будет выслан по окончательном разрешении его в Особом совещании [1, л. 1–1 об.].

После создания Орловской губернской коллегии началось формирование уездных коллегий. Комиссариат внутренних дел Ельца и уезда 15 июня 1918 г. уведомил Коллегию по делам беженцев и пленных, что в её состав, согласно протоколу собрания Совета Народных Комиссаров № 82 от 13 июня 1918 г., избраны: от Совета по делам беженцев – Марьян Владимирович Богдашевский и И.А. Мацевский, от Комиссариата внутренних дел – Павел Кириллович Лихачевский, от Елецкого уездного военного комиссариата – Ростовский и от Комиссариата социальной помощи – Иван К. Пехотко [2, л. 1, 9].

С момента организации местных коллегий началась их интенсивная деятельность, направляемая губернской коллегией. Уже 27 июня Елецкая коллегия получает срочное поручение не позже трёхдневного срока представлять сведения в виде групповой карты, в которой требовалось указать: 1) общее число беженцев, зарегистрированных на реэвакуацию; 2) количество реэвакуируемых по каждой губернии; 3) название железнодорожной станции (место посадки) с

указанием общего количества отправляемых беженцев; 4) схему железнодорожных направлений Орловской губернии; 5) расстояние от места жительства беженцев до места посадки [3, л. 1].

Очевидно, сбор информации оказался весьма трудоемким делом. После нескольких напоминаний уездная коллегия сообщила, что на реэвакуацию зарегистрировано 12 596 беженцев, проживающих в Елецком уезде и г. Ельце. В ответе представлены список западных и юго-западных губерний бывшей Российской империи, в которые возвращаются беженцы (с указанием численности), названия станций с указанием количества отправляемых беженцев: Тербуны (1 625 человек), Долгоруково (2 497), Хитрово (8 50), Казаки (1 150), Талицы (2 000), Становая (237), ст. Елец (проживающие в Ельце 4 237 человек). На схеме направлений были обозначены расстояния до населенных пунктов, где временно размещались беженцы [3, л. 5, 6, 12–13].

Следует отметить, что издаваемые декреты без каких-либо разъяснений приводили к неоднозначному пониманию их содержания. Наиболее типичным примером может служить принятый 27 июля 1918 года Декрет об уравнивании беженцев, остающихся в российском гражданстве, в отношении подведомственности, с остальными гражданами Российской республики [3, л. 15–15 об.]. Неясным оставался вопрос: подлежат ли беженцы мобилизации? На запрос Елецкой уездной коллегии отдел беженцев Центральной коллегии однозначно ответил 24 августа 1918 г.: «не подлежат мобилизации только поляки и беженцы, заявившие о своем переходе в другое подданство» [3, л. 21]. А 17 сентября Елецкий уездный военный комиссариат направил в Коллегию о военнопленных и беженцах г. Ельца (угол Успенской и Введенской улиц, дом Кривцова) извещение: «Согласно распоряжению Орловского губернского военного комиссара Адамсон призыву на военную службу не подлежат только те беженцы, которые подали прошение о своем выходе из Русского подданства до 15 сентября 1918 г.» [3, л. 22].

21 сентября 1918 г. губернская коллегия предложила Елецкой уездной коллегии представить отчет о деятельности беженского отдела на основании дополнительного приказа Центропленбежа № 2, параграф 14 (Известия Центропленбежа, № 4) [3, л. 16].

В представленном отчете сообщается: к 15 июня 1918 г. – дата создания коллегии – в г. Ельце и уезде проживало 12 596 человек, из них 4 237 проживали в Ельце; все беженцы, за редким исключением (не желали ехать на родину), зарегистрированы на реэвакуацию; всем отъезжающим на родину привита оспа (в июле), а с 1 сентября проводится прививка холерных вакцин (врачом при городской беженской больнице, а в уезде – участковыми врачами); по распоряжению губернской коллегии в Орел отправлено 15 детей-сирот беженцев (по экстренному отзыву от 13 июля); с разрешения Центральной коллегии отправлен эшелон литовцев-беженцев, проживавших в Ельце (по экстренному отзыву от 2 сентября); во исполнение отношения губернской коллегии от 17 сентября составляются списки (на русском и немецком языках) на беженцев других национальностей, проживающих в Ельце и уезде, и направляются на

утверждение по мере составления. Последний абзац отчета – жестокая правда военного времени: «Почти все беженцы, за малым исключением, находятся в крайне критическом, безысходном во всех отношениях положении и жаждут скорейшего возвращения на родину. При неимении, каких бы то ни было средств к существованию, во многих деревнях домовладельцы крестьяне выбрасывали их с малыми детьми из своих домов на улицу, абсолютно отказали им в продаже каких бы то ни было жизненных продуктов. Таким образом, полуголодные и полунагие [беженцы] переносят всевозможные страдания. Коллегия, за неимением в своем распоряжении средств, прийти им на помощь не может и со своей стороны ходатайствует о скорейшей, по возможности, отправке на места их прежнего жительства» [3, л. 17–17 об.].

Результативность работы Елецкой уездной коллегии характеризуют статистические данные на 1 января 1919 года: зарегистрировано беженцев, находящихся в г. Ельце и уезде, – 6 076 человека, выбыло на родину эшелонами – 5 964, ожидает отправления – 6 076 [3, Л. 42]. И в последующие годы комиссия работает интенсивно, без нареканий и жалоб.

10 марта 1920 года Центральная коллегия реорганизована в Центральное управление по эвакуации населения НКВД РСФСР (Центроэвак). Через месяц – 15 апреля – состоялось заседание коллегии отдела управления Елецкого уездного исполкома, на котором было принято постановление:

«Елецкое уездное делопроизводство о пленных и беженцах, согласно положению о местных органах Центрального управления по эвакуации населения перевести в Отдел управления, переименовав его в Елецкое уездное управление по эвакуации населения (Уездэвак), непосредственно подчинённое Цетроэваку НКВД» [3, л. 14]. Функции Уездэвака практически не отличались от функций коллегий о пленных и беженцах: обслуживание всех людских массовых перевозок, кроме военных, а также выполнение всех заданий, ранее подлежащих ведению пленбежа [3, л. 15].

Новой организации предстояло решать не менее трудные задачи в правовом поле действующего законодательства.

Источники и литература:

1. Государственный архив Липецкой области (далее: ГАЛО). Ф. Р-2495. Оп. 1. Д. 6.
2. Ф. Р-2495. Оп. 1. Д. 5.
3. Ф. Р-2495. Оп. 1. Д. 4.

О.В. Пугенко,
методист МБУДО «Дворец детского творчества» (г. Курск)

НА ДОРОГАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УРОЖЕНЦА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ И.В. БОБРИНЁВА)

История Первой мировой войны, которую в разные годы в нашей стране называли Второй Отечественной, империалистической, а потом и вовсе забытой, требует изучения и осмысления.

При этом заслуживают внимания и документы, хранящиеся в семейных архивах наших соотечественников. Семейных реликвий, относящихся к периоду Первой мировой войны, осталось немного. Известно, что после октябрьской революции 1917 года было опасно хранить все то, что могло вызвать подозрения в нелояльности к новому строю. Семейные альбомы, письма и дневники, военные реликвии, в лучшем случае, прятались, а то и уничтожались. XX век был для нашей страны «веком потрясений»: войны, революции, репрессии. Рассказывать о семейной истории порой бывало опасно и не принято. В наше время, когда «история повседневности» вызывает большой интерес, изучение сохранившихся семейных реликвий представляется особенно важным.

В семье курянки Ирины Николаевны Тутовой хранится любопытный документ – записки ее деда Ивана Васильевича Бобринёва, который он озаглавил так: «История м. Свобода и Родословная Бобринёвых. Составлена Бобринёвым И.В.». Это толстая книга, потерянная, ветхая, с выпадающими листками. Записи сделаны в 50-е – 60-е годы XX века чернильной ручкой, не везде разборчивым почерком. Воспоминания Ивана Васильевича раскрывают человека умного, наблюдательного, чья цепкая память сохранила много подробностей об описываемых событиях.

Иван Васильевич родился 10 ноября 1890 года в семье крестьянина. Его отец Василий Карпович и три брата отца «в основном жили отхожими промыслами, так как земли имели по 1,5 га на мужскую душу, и вести хозяйство свое не было условий». Отец был хороший шорник и в зимнее время ремонтировал упряжи лошадей. Мать Ивана Екатерина Ивановна была дочерью сторожа, который всю жизнь охранял ярмарочные корпуса тут же, в местечке Коренная пустынь. Отец и мать были совершенно неграмотными, и жили в большой семье «только напряжённым трудом».

Иван был «седьмым ребенком, после шести сестер, поэтому, как долгожданный сын, был долгожданный баловень. Но жить было трудно, семья большая. Отец вел свое мелкое хозяйство, имел на две души земли 3,5 десятины и арендовал на две души 3,5 десятины. Пахал землю в одну соху, имел пару лошадей, корову, 6–7 овец, поросенка, кур – все это для содержания семьи, а зимой он шорничал у богатых мужиков и помещиков, а за хозяйством смотрела мать и старшие дети», – так начинает Иван Васильевич рассказ о себе.

Семья жила в маленькой «о двух окнах» избушке, крытой соломой, имелся двор, помещение для домашнего скота.

Учился Иван в местной трёхлетней низшей школе три года. Учила его учительница Вера Матвевна Четверикова и «поп Недригайлов Александр». После школы Иван помогал в доме отцу. Учиться дольше не было средств. Шестнадцати лет Ивана «общество выделило сборщиком податей по Коренскому обществу», этим он занимался лет пять. Работал в своём хозяйстве, одновременно занимался шорным ремеслом с отцом дома и у людей. «Работы хватало, и можно было жить», – пишет Иван Васильевич.

Мирное течение жизни Ивана и его современников нарушила война. «В сентябре 1915г. меня призвали на войну, шла Первая Мировая Война», – вспоминает автор. Дома остались престарелая мать – вдова (отец Ивана умер осенью 1914 года в возрасте 67 лет), младшая сестра-девушка и две племянницы от другой сестры. Теперь они сами, без мужчин, должны были следить за хозяйством и обрабатывать поле отца.

В это время Ивану было почти 25 лет. Мы можем предположить, что он не был призван на службу ранее (и в мирное, и в военное время), потому что, как единственный сын, имел льготу по семейному положению 1 разряда и был зачислен в ополчение 2-го разряда [1]. По Уставу 1874 г. «О всеобщей воинской повинности» эта категория предназначалась только для комплектования тыловых частей, и только после чрезвычайного распоряжения императора [4, с. 13]. По данным историка Д.С. Симкина, в 1914 г призыв ратников государственного ополчения 2-го разряда в России не производился, т.к. не было на это высочайшего распоряжения [4, с. 9].

Из-за истощения людских ресурсов военнообязанных правительство было вынуждено искать новые пути пополнения войск. По Указу Николая II от 31 августа 1915 года было объявлено о наборе ратников государственного ополчения 2-го разряда [2, с. 50]. Первый набор состоялся 5 сентября 1915 года, после утверждения Государственной думой закона «О порядке призыва и назначения ратников государственного ополчения 2-го разряда», вносившего изменения в Устав о воинской повинности [4, с. 9]. Теперь, в соответствии с новым законом, ратники 2-го разряда предназначались как для ополченских частей, так и для усиления и пополнения «постоянных войск». Это означало, что закон позволял использовать эту категорию резервистов для пополнения боевых частей в действующей армии [2, с. 51].

Иван Васильевич продолжает: «Сразу послали в Орел в восьмой сибирский стрелковый полк». Там Бобринёва направили в учебную команду с целью сделать из него младшего командира. В декабре 1915 года этот полк «из Орла был срочно переброшен в Ашхабад, так как там стали узбеки восставать, разрушать железную дорогу». Окончив учебную команду, Бобринёв «был возвращён в свою роту уже унтером, и получил себе на подготовку отделения мобилизованных солдат для подготовки на фронт». Потом товарищи-земляки – Шалимов Василий Георгиевич из штаба полка и фельдшер полкового лазарета Поляничка устроили Ивана Васильевича «учеником на ротного медицинского

фельдшера в школу фельдшеров при Ашхабадском лазарете», где он проучился один год. Начальником лазарета был врач Сенюшкин.

В воспоминаниях Ивана Васильевича нет описания сражений, но есть много интересных подробностей, касающихся названий и достопримечательностей населенных пунктов, где довелось побывать, особенностей военной жизни. Война «забросила» Ивана Васильевича в такие далекие места, где в мирное время он вряд ли оказался бы.

В своих записках И.В. Бобринёв пишет: «После окончания школы меня направили в Тифлис в штаб Кавказского фронта, и через неделю я отправился на фронт по адресу: город Гасан-Кала недалеко от Эрзерума, навстречу нашей части (14-й верблюжий эвакуационный транспорт для перевозки больных и раненых в седле по горам)». Из комендатуры запросили штаб фронта для уточнения адреса и оттуда сообщили: направиться в Иран, Заурмийский район, в город Соудж-Булах. Это означало «возвращаться на Кавказ и по Персидской дороге ехать до Тавриза, а потом верст 200 по Урмийскому озеру на юг. А потом сухопутом по Ирану верст 200 на юг. Как ни трудно, но все-таки пришли, питались по этапам, верст 25 друг от друга».

В Соудж-Булахе выяснилось, что в штабе фронта произошла ошибка – в этом населенном пункте их части не было. В комендатуре предложили пожить пока здесь, отдохнуть, а в штаб фронта, в Тифлис, была послана телеграмма для уточнения адреса. Через две недели был получен ответ, что часть их прикомандирована в городе Хныс-Кала – это в 50-ти километрах от первоначального адреса Гасан-Кала. Ошибка была вызвана схожестью названий. «И вот идем, теперь уже не спеша. Как видно нам придется исходить все эти стороны, и не найти свою часть до конца войны. Снова Кавказские горы, снова Турция, и по трассе на юг, западнее Ванского озера, приходим в Хныс (называется город); он брошен турками. Стоит один двухэтажный домик – это была почта. Зашли, посмотрели – никого нет, на полу почтовая переписка, вся на немецком языке. Турецкой письменности еще нет, полная безграмотность, дичь. Нашли в овраге, в землянке, выдолбленной в скале, штаб своей части. Встретил чиновник Гейкин, казак из станицы Усть-Лабинской. Пришел командир. Посмотрел наши документы, на нас и говорит: «Ну, где же вас черти носили шесть месяцев, говорите?». «Конечно, рассказали», – повествует Иван Васильевич.

Выяснилось, что медикаментов нет, лечить нечем. После трех дней отдыха Иван Васильевич и его товарищи (всего – девять человек) снова отправились в штаб, в Тифлис, за медикаментами. Они снова «по горам, по дорогам» добрались до Тифлиса, заказали комплекты медикаментов, для каждого транспорта ящик, жили в общежитии штаба. Ящики отправили в пограничный город (станция Сарыкамыш), куда должны были прибыть с фронта подводы на лошадях с тачанками. Побыли у знакомого фельдшера, в пригороде Тифлиса – Ортачалы. Посмотрели достопримечательности города: городской сад на высокой горе, куда их довезла подъемная машина (фуникулер). В саду всюду привязаны живые медведи, обезьяны в клетках и т. д. Посмотрели лучший проспект – Головинский, Цициановский спуск и мост через реку Куру. А потом поехали к

фронту. На станции Сарыкамыш телеграфировали в часть о подводах и стали ждать в зале вокзала. И здесь все заболели сыпным тифом. Восемь военнослужащих – товарищей Ивана Васильевича – забрал и увез санитарный поезд, а он остался в вокзале ожидать подводы за медикаментами, хотя температура была 41 градус. Пробыл он так в вокзале три дня, дождался, пока приехали подводы, забрали медикаменты и увезли в часть. А больно Иван Васильевич сел вечером в попутный поезд и приехал в Ортачалы к фельдшеру-товарищу, который лечил его десять дней. Далее Иван Васильевич пишет: «Мне не хотелось порывать службу в этой части. Я отказался от отпуска после этой болезни и поехал на фронт. Доехал до Кеприкейского моста (его строил еще Александр Македонский), перешел через мост и один, слабый еще, пошел в Хныс, в свою часть. Шел один по горам, перевалам три дня, командир части встречает и говорит: «Зачем вы ездите?». Я говорю, что за медикаментами! «А привезли миски, тарелки, вилки, ложки и все, что нужно для богатого ресторана!». Создалось полное недоразумение».

Ивану Васильевичу, еще слабому после болезни, пришлось по горам, с большими трудностями, везти обратно все это в Тифлис, где после долгих поисков выяснилось, что дежурный багажный по станции перепутал путевые ярлыки, и поэтому медикаменты пошли в город-порт Трапезунд, где открывали ресторан. И теперь уже морем отправился Иван Васильевич в Трапезунд выручать так необходимые медикаменты. После долгих мытарств, наконец, медикаменты доставлены на место, но теперь выясняется, что фельдшеров нет, их увез санитарный поезд. «И мне одному приходится обслуживать все транспорты; местное турецкое население, а оно все больное, в особенности глаза, уши, ноги. И это в овраге, на окраине города Хныса. Много надо бы писать о местных людях, условиях, этой природе и быте, но это – целая книга», – так описывает Иван Васильевич события того времени.

Далее он пишет: «Шел уже <19> 17 год, прошла Февральская революция, фронтовые торжества, ожидания конца войны». Тяжелые условия военной жизни привели к тому, что Иван Васильевич заболел цингой, десны почернели, кровоточили, и комиссия дала ему отпуск на три месяца домой для лечения. В сентябре 1917 года, он снова оказался «на военной службе в 163 полку в городе Челябинске, на Урале, в приемном покое».

Отметим, что это был запасный полк, реорганизованный из запасного батальона в 1916 году. Непосредственно в боевых действиях запасные части не участвовали, а являлись лишь тыловыми источниками маршевых пополнений [3].

«Здесь я встретил октябрьские дни. В январе месяце 1918 года был демобилизован и приехал домой. Здесь снова занялся своим хозяйством. Дома ещё сохранились корова и старая лошадь, которые сохранили мать и младшая сестра Матрёна... До августа <19>18 года занимался восстановлением хозяйства. А в августе был снова мобилизован уже советской властью для формирования 9-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Курске», – вспоминает Иван Васильевич. В годы гражданской войны он тоже был «медфельдшером».

Иван Васильевич Бобринёв прожил долгую жизнь, пережил гражданскую войну, коллективизацию, Великую Отечественную войну и другие события истории нашей страны. Его жизнь прошла в местечке Свобода, где он работал агрономом.

Воспоминания, подобные запискам И.В. Бобринёва, позволяют пропустить такое масштабное историческое событие, как мировая война, сквозь призму обыденной жизни простого, «маленького» человека. Основное внимание уделяется подробностям повседневной жизни, описанию бытовых условий военного времени, течению воинской службы. В то же время, Иваном Васильевичем упоминаются названия воинских соединений, фамилии участников тех событий, а также особенности, характерные для помощи раненым в месте службы автора (например, верблюжий эвакуационный транспорт для перевозки больных и раненых в седле по горам). Информация, почерпнутая из записей И.В. Бобринёва, позволяет расширить представления о географии службы курян в частях русской императорской армии. Таким образом, документы по истории Первой мировой войны, хранящиеся в семейных архивах, представляют интерес для исследования.

Источники и литература:

1. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Затруднения России в использовании её многолюдия // URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/02.html// (дата обращения: 27.05.2016 г.).
2. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. Кн.1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. Барнаул, 2014.
3. Кусков С.А. История 163 пехотного запасного полка по документам Объединённого государственного архива Челябинской области // URL: <http://archive74.ru> (дата обращения: 23.05.2016 г.).
4. Симкин Д.С. Воинские призывы и мобилизации 1914–1917 гг. в Курской губернии // Курская губерния и куряне в первой мировой войне: Курский военно-исторический сборник. Вып. 14. Курск, 2014. С. 3–14.

И.В. Сахневич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Курского государственного университета

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

С началом Первой мировой войны переключение значительной части производства на нужды армии обусловило большие изменения в соотношении различных отраслей народного хозяйства. Торговля, являющаяся наиболее чувствительной и восприимчивой частью народнохозяйственного организма, в первую очередь ощутила на себе разрушительное действие войны. Уже с 1914 г. обнаружилась убыль в товарной массе, обращающейся на свободном рынке.

Правительством была проведена военная мобилизация промышленности. Согласно материалам Особого совещания по обороне, из 2 290 обследованных предприятий на нужды фронта работали 1 800 предприятий, или 78,5 %. Фабрики и заводы, работавшие на нужды армии, охватывали 86,0 % общего числа рабочих, занятых в промышленности [8, с. 173].

В общем, производство предметов потребления сократилось с 1 260,9 млн руб. в 1913 г. до 1 121,3 млн руб. (в довоенных ценах) в 1916 г., или на 11,2 %. В целом по стране по сравнению с 1913 г., продукция ситценабивного производства уменьшилась: в 1914 г. – на 26,6 %, в 1915 г. – на 36,4 %, в 1916 г. – на 48,2 %. Большая часть производившихся предметов потребления так же шла на нужды армии. Например, лишь 30,0 % продукции текстильной промышленности поступало на рынок, а 70,0 % – на потребности армии. Практически вся продукция кожевенно-обувной, льняной, суконно-шерстяной и некоторых других отраслей промышленности шла на военные нужды. Из внутреннего торгового оборота были, по существу, исключены изделия металлургического и металлообрабатывающего производства. Отрицательную роль сыграло ухудшение сырьевого снабжения предприятий и оккупация некоторых центров промышленного производства на западе страны. Например, в 1916 г. в Россию было ввезено 16,0 % от того количества шерсти, которое поступило из-за границы в 1913 г. [8, с. 173–175]. Недостаток в сырье стали испытывать и отрасли, занятые переработкой продукции отечественного сельского хозяйства из-за сокращения валового сбора некоторых технических культур – например, сахарной свеклы. Создавшийся дефицит товаров массового спроса усугублялся крайне неравномерным размещением производства по районам страны. Единство всероссийского рынка, которое в мирное время поддерживалось налаженной работой транспорта, было нарушено.

Все транспортные средства были переориентированы на нужды войны. Вследствие этого, во всех потребляющих центрах сократились запасы товаров,

которые не только обеспечивали потребности предприятий и населения, но и служили естественным регулятором цен на продукты. Без большого количества запасов, постоянно оказывающих давление на рынок и выравнивающих соотношение спроса и предложения, не могло быть устойчивых цен. Поэтому опустошение товарных складов естественным образом повлияло на рост цен.

Другим моментом, явно повлиявшим на состояние торговых дел, было эвакуационное движение в июле – сентябре 1915 г. Оно окончательно уничтожило все запасы в потребляющих районах [11, с. 207–208].

Недостаток товаров массового спроса вызвал сокращение торговыми предприятиями объема продаж. Типичным примером этого стала Курская губерния.

С началом войны торговые обороты некоторых предприятий в абсолютном выражении даже повысились. Но для создания достоверной картины сравним имеющиеся данные об оборотах в сопоставимых ценах каждого года и приведенных к показателям 1913 г., для чего воспользуемся индексами цен, указанными в работе Г.А. Дихтыра [8, с. 192–193, 206–207]. Так, индексы цен каждого данного года по отношению к предыдущему (в скобках – к ценам 1913 г.) для изделий промышленности составили соответственно: 1914 г. – 1,10 (1,10); 1915 г. – 1,39 (1,53); 1916 г. – 1,43 (2,19); то же – для сельскохозяйственных продуктов и сырья – 1,06 (1,06); 1,10 (1,17); 1,77 (2,08).

Все нижеследующие данные торговых оборотов курских предприятий указаны только за 9 месяцев (январь – сентябрь) каждого года, как они приводятся в источниках [2, л. 144 об. – 145, 147–148, 157–159; 3, л. 125–128, 142, 143–145].

Торговый дом «Яков Чернов с сыном» располагал в г. Курске двумя мануфактурными магазинами, расположенными на Московской и Юрьевской улицах. Если в 1913 г. оборот первого магазина составил 132,0 тыс. руб., то в 1914 г. – 159,0 тыс. руб., а в следующем году – 183,0 тыс. руб. Обороты второго магазина составили 278,5; 297,6 и 303,5 тыс. руб. соответственно. Таким образом, суммарные обороты торгового дома увеличились за два года в абсолютном выражении, но с учетом индекса цен – снизились на 22,5 % (в 1914 г. возросли на 1,1 %, в 1915 г. – снизились на 23,3 %).

Изучение оборотов оптово-розничного мануфактурного магазина Н.А. Рязанцева позволяет обнаружить следующие интересные тенденции. Заметим сразу, что его обороты, в ценах каждого года, на протяжении 1913–1915 гг. возрастали: 242,9, 257,2, 275,9 тыс. руб. соответственно. Рост этот происходил, главным образом, за счет увеличения розничных продаж, а вот оптовый оборот в 1914 г. в рублевом выражении даже снизился по сравнению с 1913 г., но уже в 1915 г. превысил показатели предвоенного года. Обороты оптовой торговли предприятия Н.А. Рязанцева снижались в 1914 г. в результате сокращения отпуска товаров в кредит, в то время как отпуск товаров за наличные возрос. Таким образом, с началом войны в Курске, как и в целом

по стране, проявилась тенденция к сокращению оптовыми торговцами отпуска товаров в кредит розничным торговцам. В 1915 г. кредит был полностью прекращен [9, с. 40].

С учетом индексов цен обороты торговли Н.А. Рязанцева заметно упали – в 1914 г. на 3,7 %, в 1915 г. – еще на 22,8 %, а суммарное снижение составило 25,7 %.

Производящий торговлю готовым платьем и меховыми изделиями торговый дом «Пахомов с сыновьями» с началом войны снизил свои обороты: с 232,9 тыс. руб. в 1913 г. до 219,9 тыс. руб. в 1914 г., с учетом индекса цен падение составило 14,1 % (за 1915 г. сведений не имеем).

Обороты галантерейного магазина А.И. Беляева в 1915 г. сравнительно с предыдущим годом в абсолютном исчислении осталось на прежнем уровне, но, при рассмотрении их в ценах каждого года, видно, что сокращение объема продаж составило 28,9 %.

Обороты торговой конторы братьев М. и З. Таубе по хлебной операции были следующими: 1913 г. – 88,2 тыс. руб., 1914 г. – 58,9 тыс. руб., 1915 г. – 93,6 тыс. руб. Здесь наблюдалось значительное (на 37,0 % в сопоставимых ценах) падение оборотов в 1914 г., вызванное, вероятно, некоторой дестабилизацией хлебного рынка в начале войны. Так, в августе 1914 г. оборот конторы составил всего 95 руб., а данные за июль пропущены, то ли по причине их отсутствия, то ли потому, что торговля хлебом конторой в этот месяц вообще не осуществлялась. В 1915 г. по отношению к 1914 г. увеличение оборотов составило 44,5 %, а к 1913 г. – снижение на 9,0 % (с учетом индекса цен).

В то же время заметим, что некоторые предприятия, относившиеся к продовольственной сфере, увеличили торговые обороты и в сопоставимых ценах.

Винно-гастрономический магазин Ф.И. Печке продемонстрировал с началом войны падение (с 83,4 тыс. руб. в 1913 г. до 73,8 тыс. руб. в 1914 г.) торговых оборотов в денежном выражении. Но уже в 1915 г. оборот магазина возрос до 153,6 тыс. руб., т. е. в сопоставимых ценах вырос на 57,9 % по отношению к 1913 г. и удвоился по отношению к 1914 г.

Значительно увеличились в годы войны обороты кондитерских магазинов И.И. Константинова – с 39,2 тыс. руб. в 1914 г. до 98,8 тыс. руб. в 1915 г.; в сопоставимых ценах оборот увеличился в 2,29 раза.

В курских и общероссийских аналитических исследованиях указывалось, что, несмотря на сокращение оборота по количеству отпускаемых товаров, непрерывный рост цен помогал торговцам извлекать для себя значительную прибыль от торговых операций [9, с. 40; 11, с. 207–208].

Действительно, постоянный рост цен позволил торговцам распродать все запасы, даже низкого качества, оставшиеся от прошлых лет, но большие прибыли получили в первую очередь те, кто имел большие запасы товаров. Таким образом, положение оптовых торговцев было гораздо выгоднее, чем у розничных торговцев, не имевших таких запасов. Из Курской, Костромской,

Оренбургской и других губерний поступали сведения о том, что «мукомолы и торговцы... использовали создавшееся положение в целях наивозможно большего извлечения для себя прибыли от продажи запасов предметов потребления» [7, с. 53]. Как уже отмечалось, оптовые торговцы закрывали кредиты большинству своих постоянных покупателей и требовали оплаты за ранее забранные товары. Часть более состоятельных розничных торговцев смогли приспособиться к этой новой торговле за наличный расчет, а те, кто работали без собственного оборотного капитала, только в кредит, были вынуждены прекратить свою деятельность. Оптовые торговцы, располагавшие складами, старались задержать товары, так как каждая, даже непродолжительная отсрочка, приносила более высокую прибыль. Этим они невольно, а в иных случаях намеренно, делали цены еще выше. С другой стороны, прогрессирующее обесценение рубля заставляло торговцев все свободные деньги немедленно помещать в товары, чтобы избежать потерь при падении курса на внутреннем рынке; а это порождало усиленный спрос.

В то же время цена, по которой торговцы приобретали товары у производителей, также заметно увеличилась, что было следствием роста цен на сырье, топливо, рабочие руки. Например, в отчете водочного завода Г.А. Новосильцева за 1915 г. указывалось, что оборот увеличился – вследствие повышения акциза на спирт (на 39,0 %), удорожания материалов и рабочих рук (более чем на 30,0 %), что естественно вызвало увеличение стоимости продукции – при том, что объем продаж уменьшился на 34,0 %. Подобное наблюдалось и по другим промышленным предприятиям губернии [3, л. 124–124 об.; 9, с. 39]. Казацкое волостное правление государственных крестьян сообщало податному инспектору 1-го участка г. Курска в августе 1915 г., что существовавшие в 1914 г. кирпичные заводы «вследствие недостатка рабочих рук, дороговизны топлива и плохого сбыта кирпича» [4, л. 131] прекратили свое производство. Последнее, видимо также объяснялось удорожанием продукции.

Сведения о фактической торговой прибыли ограничены в основном предприятиями, обязанными публичной отчетностью. Так, например, торговое товарищество на паях преемников И.В. Пузанова в отчете за пятый год своего существования с 1 августа 1915 г. по 1 августа 1916 г. [10, с. 39, 46–47] указало прибыль: чистую – в размере 99 933 руб.; подлежащую распределению – 97 465 руб., что превысило этот показатель предыдущего года на 79 909 руб. Такой огромный рост прибыли (на 455,0 % в денежном выражении), даже с применением индекса цен на обувь и одежду, в 1915/1916 гг. равного 1,76, остается впечатляющим – 215,4 %.

Немногочисленные сохранившиеся документы о прибылях мелких розничных заведений в сельской местности свидетельствуют, что средняя прибыль чернобакалейных лавок, торгующих по III разряду, равнялась 140,0 руб., что составляло около 12,0 % от оборота [5, л. 1–15].

Одновременно с повышением цены на промышленную продукцию произошел рост цен на сельскохозяйственную продукцию, значитель-

ную часть которого составляло увеличение ее стоимости. Рост цен на хлеб с началом войны стал серьезной проблемой для населения всей страны. Данные свидетельствуют о постепенном сокращении валового сбора хлебов в период войны: если принять сбор хлебов 1913 г. за 100,0 %, то в 1914 г. было собрано 98,6 % этого количества, в 1915 г. – 90,4 %, в 1916 г. – 72,7 %, в 1917 г. – 71,8 %. Происходило это, в первую очередь, из-за сокращения посевных площадей, вызванного значительным сокращением численности рабочих рук в деревне (к середине 1916 г. – на 1/3 по сравнению с довоенным временем), недостатком посевного материала и удобрений, уменьшением выпуска сельскохозяйственных машин и сокращением поголовья рабочего скота [13, с. 11–12]. Естественно, что свою роль в сокращении посевных площадей сыграла и оккупация части территории империи. Отметим, что сократилось, прежде всего, количество товарного хлеба, так как производители воздерживались от его продажи.

Установить размер розничной торговой наценки на продукты сельского хозяйства позволяют данные по Фатежскому уезду Курской губернии [6, л. 8 об. – 9]. За период с января по октябрь 1915 г. средняя цена, по которой торговцы приобретали рожь, составляла 123,5 коп. за пуд, средняя цена ее продажи из лавок – 129,4 коп за пуд. Для овса закупочная цена за 1 пуд равнялась 115,5 коп., продажная – 123 коп., для гречихи – 131 коп. и 142,7 коп., для ржаной муки – 129,4 коп. и 140 коп. соответственно. Таким образом, розничная торговая надбавка в продажной розничной цене составила (за 1 пуд): на рожь – 5,9 коп. или 4,6 %, на овес – 7,5 коп. и 6,1 %, на гречиху – 11,7 коп. и 8,2 %, на ржаную муку – 10,6 коп. и 7,6 %.

Соответственно, объяснить удорожание продовольствия только спекулятивной деятельностью, по крайней мере, розничных торговцев, мы не можем. Однако нельзя отрицать, что спекуляция, т. е. действия, направленные на «искусственное обострение недостатка товаров, их сокрытие или снятие с рынка, порча или уничтожение, стачка фабрикантов или торговцев с целью повышения цен» [11, с. 213] имела место в стране в период войны.

Когда в 1915 г. население Москвы испытывало острый недостаток сахара, на одной из железнодорожных станций города находилось большое количество сахара, отправленное на предьявителя. Обращения начальника станции к крупным фирмам, торгующим сахаром, с запросом о принадлежности товара, не дали результата. Тогда он объявил в газете, что если в трехдневный срок владелец не объявится, то сахар будет реквизирован, – и уже на следующий день владелец прислал сто подвод для перевозки товара [11, с. 213].

Скопление грузов наблюдалось в это время и на железнодорожных станциях Курской губернии. «Курские губернские ведомости» опубликовали 21 октября 1914 г. список грузов, не принятых получателями и хранящихся на станции Курск-город [1, л. 272 об.]. Среди товаров значились шерстяные, хлопчатобумажные ткани, кожаная обувь, чай и многое другое. Управление железной дороги вынуждено было объявить, что 10 декабря не принятые получателями грузы будут проданы с аукциона. Можно только предполагать, была ли эта си-

туация вызвана сознательным желанием торговцев придержать товар, дожидаясь повышения цен, или иными причинами. Централизованным порядком эта проблема стала решаться лишь с конца 1915 г. [12, с. 166–167].

Следовательно, участие торговцев в спекуляции не вызывает сомнения, спорным является лишь вопрос о том, какую роль спекуляция играла в расстройстве внутреннего рынка. Думается, что она была не одной из главных причин этого расстройства, а скорее его неизбежным следствием.

Некоторые экономисты того периода считали, что спекуляция лишь в незначительных размерах способствовала росту цен, а главными причинами этого были «бестоварье и дороговизна, созданные несоответствием производства и предложения товаров потреблению и спросу на них» [11, с. 214].

Итак, влияние Первой мировой войны на торгово-промышленную сферу выразилось главным образом в том, что уже с конца первого полугодия войны начался непрерывный и безудержный рост цен на все товары, а с середины второго полугодия к этой проблеме добавился серьезный недостаток некоторых предметов массового спроса.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8524.
2. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 264.
3. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 266.
4. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 277.
5. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 699.
6. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 12185.
7. Движение биржевых цен на главнейшие продовольственные продукты в октябре, ноябре и декабре 1915 года. Пг.: Изд-е Упр. делами Особого совещания по прод. делу, 1916. 103 с. +190 табл.
8. *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 237 с.
9. Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск: элект. типо-литография губ. правл., 1916. 136 с.
10. Отчет торгового товарищества на паях преемников И.В. Пузанова в Курске с 1 августа 1915 г. по 1 августа 1916 г. Курск: Электр. тип. М.И. Конева, 1916. 47 с.
11. *Прокопович С.М.* Война и народное хозяйство. М.: Изд. Совета всероссийских кооперативных съездов, 1918. 264 с.
12. *Сахневич И.В.* Торговля в Курской губернии в начале XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2001. 248 с.
13. *Устинов В.М.* Эволюция внутренней торговли СССР в 1913–1924 гг. М.: Экономическая жизнь, 1925. 103 с.

Л.М. Спиридонова,
*кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
Филиал Военной академии материально-технического обеспечения
(г. Пенза)*

ПРАВИЛА СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первые военнопленные появились на территории Пензенской губернии уже осенью 1914 г. Их численность к 1916 г. достигла 5 тысяч человек. Труд военнопленных использовался при строительстве мостов и дорог, дамб и плотин, на сельскохозяйственных работах и промышленных предприятиях губернии. Как правило, они помогали убирать урожай, работали на мельницах, кирпичных заводах. Первоначально условия содержания пленных были различными. В связи с этим, чтобы уравнивать военнопленных в правах Министр внутренних дел по соглашению с военным министром и министром земледелия в 1916 г. разработал и разослал в губернии следующие правила содержания пленных:

«1) Питание пленных не должно быть лучше питания русских рабочих в том же хозяйстве, продукты и тем и другим должны быть отпускаемы одинакового качества.

2) Пленные обязаны начинать и кончать работы одновременно с русскими рабочими.

3) Пленные обязаны работать в свои праздники, а равно и в воскресенья, если в эти дни производится работа прочими в хозяйстве рабочими. Однако, вместо воскресений пленным предоставляется право отдыха в один из ближайших дней недели по выбору того сельского хозяина, в распоряжении которого пленные находятся.

4) В случае нерадивости, непослушания, или грубости пленные подвергаются аресту на хлебе и на воде при ближайшем волостном правлении или становой квартире до семи суток постановлением ближайшей полицейской власти, которая может заменять арест из расчета двух часов за каждые сутки ареста принудительною сверхурочною работой.

5) Если дурное поведение пленного понуждает сельского хозяина отказаться совершенно от работы этого пленного, то таковой не может быть направлен на другую работу, но должен быть немедленно же возвращен в распоряжение ближайшего воинского начальника, который с ним поступает согласно указаний своего начальства о наложении взысканий на военнопленных» [3, л. 78].

Эти правила были переведены на польский, немецкий и венгерский языки и вывешены на видных местах в станových квартирах, в волостных правлениях и во всех хозяйствах, в которых применялся труд пленных.

Надзор за военнопленными был обязанностью полиции, а также частных лиц, у которых они находились на работах.

По предписанию пензенского губернатора Евреинова пленные рабочие славяне должны были расквартировываться и работать отдельно от враждующих с ними венгров и немцев. Сделано это было не только для того, чтобы предотвратить конфликты между военнопленными разных национальностей, но и для того, чтобы поощрить пленных из более дружественных России государств. Военное ведомство устанавливало для них некоторые льготы, по сравнению с военнопленными венграми и немцами, а именно: военнопленным славянам разрешалось совершать прогулки по воскресным дням, к ним допускались соотечественники для кратковременных бесед, разрешалось чтение, пение, а также могли быть установлены и другие льготы на усмотрение местных властей [5, л. 10].

Власти губернии должны были следить за условиями размещения пленных и заботиться об их здоровье, питании и одежде. Каждому пленному выдавалось по два комплекта белья, два раза в месяц водили в баню, еженедельно стирали и меняли белье [3, л. 76-76 об.].

Пленные, командируемые на сельскохозяйственные работы, предоставлялись в непосредственное распоряжение земств. В связи с этим земским управам предписывалось вести постоянное наблюдение за исполнением вышеуказанных требований. Полиция же должна была строго следить за поведением пленных в сельских хозяйствах и своевременно принимать по отношению к пленным, уклоняющимся от работ соответствующие меры согласно правилам.

По распоряжению пензенского губернатора Евреинова плата за труд военнопленных должна была быть соизмерима затраченному труду, только тогда труд их будет «производительным». На покрытие издержек по содержанию и «окарауливанию» пленных государство обязывалось выделять не более 10 руб. в месяц на одного пленного, остальная часть суммы – вычиталась из их зарплаты, но не более 50,0 %. Таким образом, размер государственных выплат зависел, с одной стороны, от степени бережливости земских управ в производстве соответствующих расходов, а с другой – от размера устанавливаемых земствами в свое распоряжение отчислений от заработной платы. Данная проблема становилась все более острой по мере развития кризиса экономики в условиях военного времени [1, с. 251].

Для экономии средств земствам министр внутренних дел предписывал земствам ограничить расходы на снабжение пленных одеждой, бельем и обувью и заменять их более дешевыми аналогами. Однако следовало делать это так, чтобы непривычные для пленных климатические условия не «повлекли в их среде заболевания», как в пути, так и по прибытии пленных на работы. Поэтому во избежание распространения заразных болезней военнопленные тотчас по прибытии должны были тщательно осматриваться врачом. Заболевших сле-

довало немедленно отделить от здоровых и поместить больных в лазареты. Здоровых и отправленных на работы пленных надлежало периодически осматривать в течение месяца с момента прибытия [1, с. 251].

С наступлением холодов власти еще более озаботились созданием комфортных условий для пленных. Пленные должны были быть обеспечены теплой одеждой и обувью. Назначение пленных на работы, которые требуют напряженного труда, производились лишь по предварительному тщательному медицинскому освидетельствованию их здоровья. Запрещалось применять к пленным ни при каких обстоятельствах телесные наказания, а равно какие-либо меры физического воздействия вообще. Стражникам и караульным, которые сопровождали пленных, особо предписывалось соблюдать всегда должное уважение к офицерскому званию пленных [5, л. 249].

Пленные, отданные в распоряжение земств и мелким предпринимателям в качестве прислуги, рассыльных, ремесленников, часто совершенно выходили из-под наблюдения военного начальства, и, находясь без всякого надзора, свободно разгуливали до поздней ночи по улицам [5, л. 17].

Военнопленные могли посещать рынок для приобретения продуктов и необходимых вещей. Следует заметить, что они вовсе не были стеснены в средствах и жили иногда лучше, чем местное население. Так, пензенский губернатор был вынужден установить определенные дни и часы, в которые разрешалась продажа и покупка съестных припасов, главным образом мясных продуктов, для неприятельских подданных, а так же максимальную норму отпуска этих товаров. Военнопленные «в изобилии» приобретали всякого рода съестные припасы, что влекло рост цен на них. Это обстоятельство не могло не вызвать недовольство среди населения, которое могло «вылиться в форму крайне нежелательных эксцессов» [5, л. 153].

Кроме того, пензенский губернатор отмечал, что находящиеся на сельскохозяйственных работах военнопленные постоянно отлучаются в соседние села, посещают базары и ярмарки и свободно разгуливают днем и ночью в разных местах. Это вызывало «справедливый ропот местного населения». К тому же, общаясь с местным населением, пленные вносили «смуту и всякие кривотолки относительно владения землей у них... на родине», рассказывая, что у них помещиков нет и вся земля в руках крестьян.

Для пресечения подобных случаев губернатор предписывал полиции принять решительные меры и не допускать свободного передвижения военнопленных и держать их под постоянным надзором стражи (на каждые 20–25 человек – 1 сторож) [3, л. 49; 4, л. 50; 5, л. 17]. Сторожу полагалась плата, но не более 30 руб. в месяц и вооружение.

Военнопленные обладали правом переписки с родными и даже могли получать от них посылки. Однако военнопленным запрещалось использовать открытки и бланки с изображением австрийского и немецкого императоров, эмблемами «Тройственного союза», а также с картинами военно-исторического характера из жизни неприятельских армий. Посылки и письма тщательно досматривались военными цензорами. Военнопленные знали это и порой приду-

мывали довольно оригинальные способы переписки. Так, в одной из посылок военным цензором было найдено письмо, спрятанное в плитке шоколада. Причем записка была вложена в шоколад при его приготовлении. Вероятно, такой способ переписки использовался не единожды, хотя и был весьма трудоемким [3, л. 50, л. 56–56 об.]

В 1917 г. положение в стране неуклонно ухудшалось, наблюдался кризис экономики и власти. Это не могло не отразиться и на положении военнопленных. Пленные и раньше пользовались достаточно вольготными условиями, теперь же по сообщению начальника штаба Казанского военного округа всюду наблюдалось, что военнопленные, стали вести себя вызывающе и «так обнаглели, что, забыв свое пребывание в плену, под угрозой забастовок предъявляют всего требования, или, пользуясь весьма слабым надзором со стороны работодателей, совершают не только единичные, но даже массовые побег» [2, л. 35–36 об.]. Военнопленные, работающие у частных лиц пользовались порой точно такими же свободами как и российские подданные. Могли свободно покупать любые вещи, в том числе и гражданскую одежду, переодевшись в которую, легко совершали побег. Чтобы изменить ситуацию власти обязали работодателей вести строгое наблюдение за военнопленными: 1) Все военнопленные должны были быть снабжены удостоверениями личности; 2) был установлен запрет для военнопленных находиться на улице позже 7 часов вечера; 3) работодатели были обязана снабжать военнопленных верхней одеждой, похожей на военную форму пленных. Кроме этого Центральный комитет по делам о пленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста постановил ввести клеймение одежды военнопленных германцев, австрийцев и других «враждебных пленных». На левом рукаве одежды пленного масляной краской рисовался знак «В» и «П».

За неисполнение требований работодатели лишались права пользоваться трудом военнопленных. Все военнопленные, находившиеся у частных лиц и предприятий в качестве прислуги (кучера, лакеи, дворники и т. п.) подлежали снятию с этих работ и отдаче воинскому начальнику. Видимо их предполагалось направить на другие виды работ, более важные и полезные для государства в условиях военного времени.

Однако, как видно из дальнейших донесений ситуация с побегами только ухудшилась, и они приняли «угрожающий» характер. При расспросах задержанных пленных, бежавших с работ, некоторые указывали среди причин побега тяжелые условия труда (недостаточное питание, плохое обращение). Но побегам способствовало и само местное население, переманивая от соседей пленных, предлагая им более высокую плату за работу [2, 35–36 об.; 6, л. 136–139].

Таким образом, можно сделать вывод, что жизнь военнопленных в целом была достаточно вольной, нередко они оказывались без должного присмотра и пользовались практически неограниченной свободой передвижения. Серьезные наказания за неповиновение и отказ от работ применялись к ним редко, т.к. это было невыгодно, прежде всего, самим работодателям. При ослаблении кон-

троля властей и при ухудшении условий проживания пленные совсем выходили из повиновения и решались на побег.

Источники и литература:

1. Вестнике Пензенского земства. 1916. № 18–19.
2. Государственный архив Пензенской области (далее: ГАПО) Ф. 11. Оп. 1. Д. 1813.
3. ГАПО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1820.
4. ГАПО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1947.
5. ГАПО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1985.
6. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 10.

О.В. Харсеева,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Курского государственного университета*

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ,
ВЛИЯЮЩИХ НА ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Проблема преступности была и остается одной из наиболее актуальных, как для России, так и для многих стран мира. Уровень преступности является одним из показателей состояния общества. Как отмечал современник: преступность, это даже не болезнь общества, а скорее «симптом его более глубоких социальных недугов» [13, с. 35].

Наибольшую остроту в нашей стране данная проблема приобрела на рубеже XIX–XX вв. Это был переходный период в развитии российского государства и общества. Рост социальной напряженности, углубление кризисных явлений в различных сферах общественной жизни, экономические трудности в стране, внешнеполитическая угроза затронули судьбы всего населения огромной страны.

В данный период времени наблюдался значительный рост преступности, как среди взрослого населения, так и среди подростков и молодежи. Так, к началу 90-х гг. XIX в. количество осужденных в России выросло почти в два раза [посчитано по: 6]. Рост подростковой и молодежной преступности в некоторые годы даже был интенсивнее, чем общий рост преступности (в первую очередь за счет увеличения численности осужденных в возрасте от 17 лет до 21 года) [6].

Среди факторов, влияющих на увеличение численности осужденных в этот период времени, дореволюционные и современные исследователи называ-

ют процессы урбанизации, индустриализации и связанную с ней пролетаризацию населения, революционные события [см.: 1, 2, 3, 5, 7, 10, 14, 17]. В ходе социально-экономических преобразований и урбанизации происходило разрушение прежних социальных институтов (традиционных больших семей, общины), что ослабляло государственный и общественный контроль над поведением отдельного человека [подробнее об этом см.: 18, 19, 20]. Городская жизнь изменяла систему человеческих ценностей, вносила коррективы в отношения между людьми.

Современники также отмечали духовно-нравственный кризис российского общества. Данное явление было результатом социально-политических преобразований. Одним из следствий «Великих» реформ стало изменение системы ценностей крестьянства и городских низов. В их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма, несвойственных патриархальному обществу. Рационализация сознания широких слоев населения сопровождалась его секуляризацией. Со второй половины XIX в. началась полоса отчуждения народа от церкви и духовенства. Подтверждением этому тезису могут послужить многочисленные публикации в местных и центральных периодических изданиях того времени, свидетельствующие о падении авторитета священнослужителей и нежелании многих крестьян активно участвовать в жизни своих приходов [8, 15].

Ослабление влияния православия на широкие слои населения, капитализация человеческих отношений, пренебрежение к традиционным «деревенским» ценностям (без их адекватной замены) привели к массовому процессу разложения нравственных устоев общества. Россия, пытаясь преодолеть господство ценностей традиционализма, не сумела соединить это стремление со своей самобытностью. Все это порождало духовно-нравственный кризис в обществе и негативно сказывалось на поведении людей всех социальных и возрастных категорий.

Указанные негативные последствия произошедших социально-политических перемен должны были встретить противодействие со стороны институтов гражданского общества, условия для развития которого были созданы либерально-политическими преобразованиями. Действительно, в данный период времени передовая общественность в значительной мере способствовала совершенствованию государственной политики в сфере борьбы с преступностью: под ее влиянием были внесены новеллы в уголовное и гражданское законодательство, приняты законы, обеспечивавшие государственную поддержку создаваемых общественностью воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников, обществ патроната для освобожденных из мест заключения. Однако данные меры не снизили уровня преступности в силу внешнеполитического фактора – все усилия в значительной мере были нивелированы событиями Первой Мировой войны.

Военные события существенно изменили социально-экономическую и политическую обстановку в стране в начале XX в. Рост преступности в этот период времени продолжался с той же интенсивностью, что и ранее, в первую оче-

редь за счет увеличения числа преступлений, совершаемых подростками в возрасте от 10 до 17 лет (см. таблицу № 1).

Таблица № 1.

Количество осужденных в России в 1901–1916 гг. (исключая Тифлисский, Кубанский и Ставропольский судебные округа) [12, с. 87, 90]

год	% увеличения преступности (1901 г. = 100 %)	% увеличения осужденных 10-17 лет (1901 г. = 100 %)	год	Осужденные в возрасте 10-17 лет (1911 г. = 100 %)	Осужденных в возрасте от 17 до 21 года (1911 г. = 100 %)
1901	100	100	1911	100	100
1902	100	90	1912	100	97
1903	100	89	1913	99	94
1904	93	103	1914	137	111
1905	86	91	1915	172	53
1906	94	91	1916	186	42
1907	115	110			
1908	129	131			
1909	138	173			
1910	135	211			

Из приведенной таблицы видно, что в 1913–1916 гг. количество осужденных в возрасте 10–17 лет увеличилось почти в два раза. При этом численность преступников в возрасте от 17 до 21 года в 1915–1916 гг., уменьшилась более чем в два раза.

Причины снижения молодежной преступности, на наш взгляд, убедительно раскрываются в работах дореволюционных правоведов. Так, анализируя статистику преступности, М.Н. Гернет и Е.Н. Тарновский обратили внимание на тенденцию к ее уменьшению во время войн. Данное явление они объяснили ростом патриотизма и появлением чувства объединения перед военной угрозой [4, с. 307–308; 16, с. 121]. Кроме того, в военный период уменьшилось потребление алкоголя, который также в значительной мере влиял на рост преступности.

На преступность подростков в возрасте 10–17 лет военные события повлияли противоположным образом. В годы Первой Мировой войны увеличилось число сирот, росла беспризорность. Уход отцов или братьев на войну часто служил непосредственным толчком к побегу из дома и совершению противоправного деяния. Часто дети убегали уже на второй-третий день после ухода на войну мужчин [11, с. 11]. Возможности устроиться на работу у таких подростков практически не было. Чаще всего они попадали в ночлежки, чайные, где встречались с подростками девиантного поведения.

Отсутствие дома отцов и старших братьев приводило к потере контроля за подростками. Мужчины, по словам современника, «своим авторитетом поддерживали в семье атмосферу честной, трудовой жизни; часто ребенок, бегая по улице, попадает в компанию уже испорченных детей и в душе его начинается борьба соблазна с боязнью ответственности – конечно, не перед законом, а попросту «трепки» от отца или брата. Теперь же мать, особенно мать многодетная, с утра до ночи поглощена заботами и тяжелыми думами – и в доме либо весь день нет никого старших, либо «не до маленьких», а дети, – ведь это самый чуткий барометр семейной атмосферы – уже освоились со своим самостоятельным положением и жадно набрасываются на все до сих пор для них запретное, их жадный ум всюду черпает впечатления, ни на чем не задерживаясь, и скачет вихрем без всякой сдержки и контроля» [9, с. 10–11].

Отметим, что в рассматриваемый период времени происходил процесс разрушения традиционных больших семей. Их место постепенно занимали малые семьи в составе 3–4 человек (супруги, 1–2 ребенка). Уже в конце XIX – начале XX вв. число малых семей составляло 50,5 % [10, с. 227]. Главной проблемой таких семей стало тяжелое материальное положение. Чтобы выжить, нужно было иметь постоянный заработок, поэтому одним из наиболее важных стало решение, прежде всего, экономических проблем.

Война еще более усилила экономический фактор преступности. Увеличился уровень безработицы. Закрылись мелкие мастерские, хозяева которых были призваны по мобилизации. Заводы и крупные фирмы сократили штат служащих и рабочих, и в первую очередь, конечно, были уволены те, кто менее необходим, то есть подростки. На первых порах еще была возможность детского трудоустройства в качестве разносчиков газет, спрос на которые, однако, постепенно уменьшался.

Появилось большое количество детей, которые пытались найти выход из трудного положения путем побега в действующую армию. Примеры подобного поведения можно встретить в журнальной прессе военных лет. Ярким примером может служить рассказ одного из подростков, поступивших подобным образом: «Семь лет уж я живу в Москве в сапожниках; домой раза два за все время ездил, отвык от деревни совсем. Отца нет у меня, а мать в деревне при хозяйстве – с маленькими. Жил ничего. Место хорошее показалось. Да вот как началась война – хозяина взяли, мастерская и закрылась. В расчет выдал мне хозяин 12 рублей, на них я и начал жить. Все ходил каждый день к хозяину – проведать его – и глядел, как солдат учат. Пробовал место искать – да нету! Везде и так отказывают, а не то, что новых братья. Деньги к концу. А в это время узнал, что уходит на войну полк с моим хозяином – я за ними. Прошел кое-как к вагонам, залез на платформу и спрятался между повозок. Так до Бреста доехал; а там солдат заметил, меня и прогнали. По этапу в деревню, я оттуда опять в Москву. А денег уж нет совсем, и сапоги разваливаются, и пальто проел. Вот тут я в чайной и встретил вора – он меня позвал на дело, я и пошел» [9, с. 12].

В данном случае налицо явление социальной заброшенности подростка, отсутствие сдерживающих факторов, которые позволили бы не допустить подобных явлений, обусловленных военными событиями.

Таким образом, приведенные аргументы и статистические данные позволяют сделать вывод о том, что события Первой Мировой войны существенно повлияли на общественное сознание, приводили к росту преступности. В начале XX в. наблюдалось «помолодение» преступности: значительно быстрее общего роста преступности увеличивалось количество осужденных в возрасте 10–17 лет, при этом число осужденных в возрасте 17 лет – 21 года и взрослых преступников, напротив, уменьшалось. Институты гражданского общества не могли противостоять негативным явлениям социальной действительности в силу объективных причин в лице событий Первой Мировой войны.

Источники и литература:

1. *Антонян Ю.М.* Социально-психологические последствия урбанизации и их влияние на преступность // Советское государство и право. 1974. № 8.
2. *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997.
3. *Гернет М.Н.* Моральная статистика. М., 1922.
4. *Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества // Избранные произведения. М., 1974.
5. *Емельянов.* Преступность несовершеннолетних по мировым участкам города Москвы // Дети-преступники: Сб. ст. под ред. М.Н. Гернета. М., 1912.
6. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). СПб., 1899.
7. *Курцев А.Н.* Преступность на территории Курской губернии в конце XIX – начале XX веков (по статистике осужденных) // Преступность: Состояние, проблемы, перспективы борьбы: Материалы Межвузовской научно-практической конференции. Курск, 2002.
8. *Лесков Н.* Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства // Исторический вестник. 1998. № 6.
9. *Либсон Я.Н.* Война и дети // Особые суды для малолетних. 1914. № 3.
10. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): В 2 т. СПб., 1999.
11. *Окунев Н.* Беспризорность малолетних как последствие войны // Особые суды для малолетних. 1914. № 1.
12. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
13. *Познышев С.В.* Детская преступность и меры борьбы с нею. М., 1911.
14. *Портнов И.П.* Город и преступность // Государство и право. 1993. № 2.
15. Развитие сектантства и православная миссия в Фатежском уезде // Миссионерский листок. Курск, 1913. № 2.
16. *Тарновский Е.Н.* Война и движение преступности в 1911–1916 гг. // Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918. № 1–4.

17. *Трайнин А.* Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. № 7.
18. *Харсеева О.В.* Преступность несовершеннолетних в российской провинции в середине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии) // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). Том 2. URL: <http://scientific-notes.ru> (дата обращения: 15.05.2016 г.).
19. *Харсеева О.В.* Преступность несовершеннолетних как следствие падения значения института семьи в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Материалы за 9-а международна научна практична конференция «Новината за напреднали наука». Том 31. София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2013.
20. *Харсеева О.В.* Причины преступности несовершеннолетних в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. // История, теория и практика российского права: Сборник научных работ. Вып. 2. Курск, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово заместителя начальника архивного управления Курской области Л.Б. Кармановой	3
--	---

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Бургов Ю.А.	Генералы, связанные с Курским краем, участники Первой мировой войны	4–7
Кровин В.В.	Куряне на Юго-Западном фронте (лето – осень 1914 года)	7–13
Красин В.М.	Мустафа Субхи и Мустафа Низаметдин Бин Дервиш Кибарзаде: политические эмигранты из Османской империи в Калужской губернии в годы Первой мировой войны	13–18
Курцев А.Н.	Отечественная историография жизни беженцев Первой мировой войны	19–28
Ливенцев Д.В.	Н.Н. Бурденко на фронтах Первой мировой Войны (1914–1917 гг.)	28–34
Манжосов А.Н., Коровин В.В., Золотухин А.Ю.	Участие железнодорожников Курской губернии в обеспечении воинских перевозок начального периода Первой мировой войны	34–43
Раков В.В.	Организация помощи раненым, увечным и больным воинам в 1914–1917 годах	44–49
Салтык Г.А.	Деятельность полиции Курской губернии в годы Первой мировой войны	50–55
Терещенко А.А.	Помощь горожан Курской губернии фронту, гражданскому населению и военнопленным (1914–1917)	55–63
Цуканов И.П.	Увековечивание событий Первой мировой войны в Курской области	63–67

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

Аргунов О.Н.	Заготовки продовольствия в Курской губернии для действующей армии в 1914–1917 гг.	68–70
Атрепьева Е.Г.	Первая мировая война на страницах курских периодических изданий 1917 г.	71–76
Купреева Л.И.	К вопросу о награждении бронзовой медалью лиц, отличившихся при проведении всеобщей мобилизации 1914 года	77–79
Ласочко Л.С.	Негласный надзор над иностранными подданными в годы Первой мировой войны (по документам Госархива Курской области) ...	80–84
Пинаева И.В.	Помощь учреждений Курской епархии армии и обществу в годы Первой мировой войны.....	84–88
Потаскаева Т.Н.	Маршруты следования команд новобранцев призыва 1914 г. (на материалах Курской губернии).....	88–92
Чубаров А.И.	Проекты пересмотра в 1917 г. Министерством государственного призрения Временного Правительства закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г.....	92–97

ДОКЛАДЫ ЗАОЧНЫХ УЧАСТНИКОВ

Бордунова А., Бугров Ю.А.	Юные защитники Родины в Первой мировой войне.....	98–100
Гребенкин А.Н.	Эволюция системы военно-учебных заведений Российской Империи в годы Первой мировой войны.....	101–107
Гулин А.О.	Рост патриотических настроений и организация добровольческого движения в российской провинции в связи с началом Первой мировой войны (на материалах Костромской губернии) ...	107–111

Корольков М.И., Щукина Е.П.	Организационные и правовые основы деятельности Елецкой уездной коллегии о пленных и беженцах.....	112–116
Путенко О.В.	На дорогах Первой мировой войны (по воспоминаниям уроженца Курской губернии И.В. Бобринёва).....	117–121
Сахневич И.В.	Торгово-промышленное предпринимательство в условиях Первой мировой войны (на примере Курской губернии).....	122–127
Спиридонова Л.М.	Правила содержания военнопленных в Российской Империи в годы Первой мировой войны.....	128–132
Харсеева О.В.	Первая мировая война как один из факторов, Влияющих на преступность в России в начале XX века.....	132–137
Содержание	138–140